

Брянская региональная общественная организация
«Центр изучения общественных и гуманитарных наук
“Историческое сознание”»
Фонд содействия актуальным историческим исследованиям
«Историческая память»
Центр евразийских исследований
Минского филиала
Российского государственного социального университета

**ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ РУСИНОВ:
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГАБСБУРГОВ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹**

Научно-популярное издание

Брянск
Издательский дом
«Историческое сознание»
2016

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№16-41-93518

УДК 94
ББК 63.3(2)622

Рецензенты:

О.Р. Айрапетов - к.и.н., доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

М.В. Брянцев - д.и.н., профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

А.В. Гегальчий - попечитель Русской Премии (г. Прага, Чехия);

А.И. Миллер - д.и.н., профессор Европейского университета (СПб).

«Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны»: Научно-популярное издание / авт. кол.: Д.А. Ахременко, К.В. Шевченко, Е.Л. Кривочуприн. Брянск: ООО Издательский дом «Историческое сознание», 2016. 215 с.

ISBN 978-5-00085-051-0

Первая мировая война унесла жизни миллионов людей, покaleчила судьбы ещё большему количеству. Одной из самых трагичных страниц этой войны стало появление первого в Европе концентрационного лагеря Талергоф. Лагерь был создан властями Австро-Венгрии в песчаной долине у подножия Альп, в провинции Штирия. Предназначался лагерь для жителей Буковины и Галиции, которые высказывали симпатию Российской империи (а чаще всего – подозревались в этом). Чаще всего в Талергоф попадали по доносам украинофилов. В лагере люди погибали от рук надсмотрщиков, от голода, холода, от болезней и насекомых, в основном – вшей. Ни должного бытового обслуживания, ни медицинского узника лагеря не получали.

После присоединения Западной Украины к СССР тема Талергофа была под запретом. Из соображений «политкорректности» в советское время эта тема не поднималась. В настоящее время власти Украины, действующие при поддержке ультранационалистических движений, также замалчивают эту трагедию, которая напоминает события в республике сегодняшних дней.

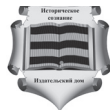
ISBN 978-5-00085-051-0

УДК 94
ББК63.3(2)622
©Коллектив авторов

Прежде чем начать повествование о трагической странице истории Восточной Галиции, хотелось бы поблагодарить людей, без участия которых идея выпуска данного сборника не была бы реализована. В первую очередь следует сказать слова благодарности кандидату исторических наук, научному сотруднику ИВИ РАН **Суржику Дмитрию Викторовичу** за помощь в научном редактировании текста.

За финансовую помощь выражаю благодарность директору фонда содействия актуальным историческим исследованиям **Дюкову Александру Решидеовичу** и руководителю исследовательских программ фонда «Историческая память» **Симиндею Владимиру Владимировичу**.

За помощь в переводе с польского и немецкого языков авторский коллектив благодарит профессора кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, кандидата исторических наук, Первого заместителя директора Института истории, филологии и международных отношений **Ранчинского Виктора Павловича**; доцента кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, кандидата исторических наук, заместителя декана факультета истории и международных отношений **Залепеева Владимира Николаевича**; а также кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, заместителя декана факультета истории и международных отношений **Устинову Юлию Николаевну** и студентов факультета истории и международных отношений БГУ име-

ни И. Г. Петровского:
Вербинскую Георгину;
Спицыну Валерию;
Борзенкову Валерию;
Лагутину Наталью;
Курбаеву Евгению;
Сорокину Владиславу;
Драгон Анну;
Волжскую Владиславу.

За неопределимый вклад в поиске авторов огромную благодарность выражаем кандидату исторических наук, научному сотруднику Института славяноведения РАН **Дронову Михаилу Юрьевичу.**

За интересный материал, иллюстрации и объективную рецензию огромную благодарность выражаем попечителю Международного фонда «Русская премия» **Гегальцию Александру Викторовичу** (г. Прага, Чехия).

За помощь в наборе текста при составлении сборника огромную благодарность выражаем **Ахременко Галине Васильевне.**

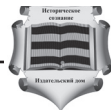
Без помощи этих людей, без их кропотливого труда не удалось бы сделать эту важную и нужную работу.

Над сборником работал авторский коллектив: **Шевченко Кирилл Владимирович**, доктор исторических наук, заведующий Центром Евразийских исследований филиала РГСУ (г. Минск, Белоруссия); **Ахременко Денис Анатольевич**, председатель Брянской региональной общественной организации «Центр изучения общественных и гуманитарных наук “Историческое сознание”» (г. Брянск, Россия); **Кривочуприн Евгений Леонидович**, историк (г. Харьков, Украина).

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Восточная Галиция, являющаяся сейчас бастионом украинского национализма, окончательно приобрела подобный имидж лишь в начале XX века. Ранее в течение столетий древние земли Галицкой Руси представляли собой крайнюю юго-западную часть общерусской Ойкумены, давшую русской цивилизации яркую плеяду самобытных мыслителей и борцов за общерусское единство. Трансформация Галицкой Руси в нынешнюю Западную Украину – результат длительных и мучительных этнокультурных экспериментов австрийских и польских властей, направленных на разрушение общерусского самосознания населения Галиции. Своей кульминации подобная политика достигла в ходе Первой мировой войны, когда преследования галицко-русского движения в Галиции переросли в открытый геноцид. Трагическим символом этого геноцида стал созданный австрийскими властями концлагерь Талергоф, где погибли тысячи представителей галицко-русского движения.

Предлагаемый читателю коллективный научно-популярный труд, посвященный исследованию русинского вопроса, призван внести серьезный вклад в ликвидацию всё ещё существующего пробела в знаниях о русском прошлом Галиции. Наряду со статьями профессиональных историков, высказывающих различные, зачастую дискуссионные мнения, сборник включает большое количество документальных материалов и источников, позволяющих читателю лучше ощутить дух той трагической эпохи и понять чаяния русских галичан. Особое звучание данная публикация приобретает в столетнюю годовщину Первой мировой войны,

которая была использована австро-венгерскими властями как удобный повод для расправы с галицко-русским движением только за исповедуемую им идею общерусского единства.

Выносимая на суд читателя книга представляется важным орудием в давно назревшем деле восстановления величественной и трагической картины прошлого крайних западных рубежей русской Ойкумены.

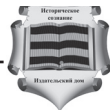
Авторский коллектив, 2014 год

**Происхождение русинов.
Начало галицко-русского движения**

Денис Ахременко

Народ, называемый русинами, имеет древнюю историю. Изначально так называлось население Древней Руси. Термин «русин» является производным от названия государства восточных славян – Руси. Жители Руси именуются русинами и в международных договорах (например, с византийцами, 912 и 945 гг.). На протяжении нескольких столетий этот термин сохранялся на территориях, некогда входивших в состав единого Древнерусского государства и после его феодальной раздробленности. А к середине XIX в. этноним «русин» стал применяться в отношении жителей Карпатской Руси, в то время входившей в состав Австро-Венгрии, а также в отношении населения севера Бессарабии и Холмщины. По этнокультурному признаку русины разделились на бойков, гуцулов, лемков, подолян и др. Постепенно власти Австро-Венгрии начали ущемлять русинов в правах этнокультурной автономии. В результате зародилось галицко-русское (русинское) движение, которое в отечественной историографии часто называют русофильским движением.

Галицко-русское движение, некогда доминировавшее на территории, где сейчас господствует украинский национализм, представляет собой малоизвестную страницу не только на нынешней Украине, где эти «неудобные» для украинской политической элиты сюжеты являются табу и

откровенно замалчиваются, но и в России, а также в других странах, включая и те, которые определяют современную мировую политику.

Движение русофилов играло немаловажную роль в политической и общественной жизни в этих регионах Австро-Венгрии. Однако репрессии австро-венгерских властей против русофилов в Галиции в начале 80-х годов XIX столетия и последовавшая за этим активизация украинофильского движения привели к тому, что русофилы постепенно начинают переезжать в Россию. Наблюдается и обратный процесс: российские украинофилы переезжают в империю Габсбургов. Влияние русофильского движения у русинов начинает постепенно угасать. В связи с этим русофилы вынуждены были искать союзников, которыми порой становились и польские национал-демократы, и местная консервативная польская администрация, как это было, например, на выборах в 1907–1908 гг. (Коваль 2007:35).

Следует также отметить, что национальный вопрос в регионах современной Западной Украины не везде был одинаково острым. На рубеже XIX и XX столетий в Буковине сложилась политическая система, которая способствовала гармоничному сосуществованию между различными этническими общностями. Это положение правительство Габсбургов закрепило законодательно в 1911 году. Согласно избирательному закону 1911 года, каждой национальной общине было обеспечено пропорциональное представительство в местных органах власти.

Противоположная ситуация сложилась в Закарпатье, где самобытности русинов серьезно угрожала политика мадьяризации. Так, в 1908 году существовавшие до этого русин-

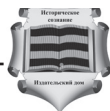

ские школы были закрыты, оставались лишь образовательные учреждения с двуязычным обучением.

Однако русинская интеллигенция, из которой впоследствии и выросли украинские националисты, видя политику балансировки в национальном вопросе Габсбургов, не упустила возможности этим воспользоваться и сделала монархию Габсбургов своим гласным и негласным покровителем в идее создания независимого украинского государства.

Что стало предпосылками и причинами возникновения такого феномена, как украинское национальное движение? Каковы его формы, характер и сущность? Когда зародилось движение украинофилов, способствовала ли этому политическая обстановка на территории двух империй, в состав которых входила современная Украина, – России и Австро-Венгрии?

Украинское национальное движение зародилось на территории Российской империи ещё в 40-х годах XIX столетия и в то время именовалось малороссийским национальным движением. Связано это было с тем, что современные украинские земли, входившие в состав Российской империи, назывались малороссийскими губерниями. Появление такого явления, как украинофильство именно в этот исторический период объясняется, по мнению современного российского историка О. Б. Неменского, тем, что в первой половине XIX столетия уже сформировалась единая русская культура, созданная выходцами из Малороссии. Эти авторы боролись за право иметь свою, местную культуру, но, тем не менее, считали себя и свой народ русскими, называя Московскую Русь государствообразующей (Неменский 2011:79). Это желание местной, южной культуры Российской империи занять до-

стойное место в общерусской культуре и породило такое явление, как украинофильство.

Первая половина XIX столетия стала эпохой создания ряда произведений, описывающих историю Малороссии. Данные публикации были призваны познакомить широкую общественность с доселе неизвестными фактами из истории южных соотечественников и напомнить верхушке государственной власти Российской империи о правах на автономию малоросского дворянства, «имеющего казацкие корни» (Неменский 2011:79). Своеобразной библией южно-русского национального движения стала книга «История Русов, или Малой России».

По поводу авторства книги историки не перестают спорить. В первой половине XIX века автором считали архиепископа Могилевского, Мстиславского и Оршанского Георгия Конисского. Другие исследователи приписывали авторство ученику Г. Конисского Григорию Полетике, бывшему в то время переводчиком в Академии наук и в Синоде.

Но более важным для книги является не её авторство, а то, что это жанр этого произведения можно назвать в большей степени идеологическим, нежели научным. Эта книга оказала огромное воздействие на национальное самосознание жителей Южной России и на зарождающееся движение украинофилов. Однако при изучении текста данной книги читатель приходит к выводу, что автор хотел показать не то, что украинцы – это особая нация, отличная от русских, а лишь то, что Украина занимает значимое место в истории и культуре Русской земли (История Русов, или Малой России 1846).

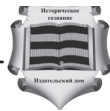
Важным фактором, подтолкнувшим зарождение украи-

нофильства, стала политическая система, которая сложилась в Российской империи во времена Николая I. Укрепление самодержавия, появление Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое пыталось контролировать практически все сферы общественной жизни, и проникновение республиканских идей с Запада – стали важными факторами борьбы за самоидентификацию малороссов и установление республиканской формы правления.

Важную роль сыграл и внешний фактор зарождения украинской национальной идеи. В первой половине позапрошлого столетия земли современной Украины стали предметом спора между Российской империей и Польшей. Поляки считали, что земли, занятые русскими в результате разделов Речи Посполитой являются так называемыми восточными окраинами Речи Посполитой (*Kresy Wschodnie*) и по праву принадлежат им. Русские власти (да и общественность) воспринимали эти земли как Западный край Российской империи. В свою очередь, Западный край империи делился на Юго-Западный (куда входили Подольская, Волынская и Киевская губернии) и Северо-Западный (в состав которого входили Виленская, Ковенская, Могилевская, Минская и Витебская губернии). Левый берег Днепра именовался Малороссией, а побережье Чёрного моря – Новороссией. В целом же, территория современной Украины именовалась в то время Южной Русью, а Восточная Галиция – Червонной Русью (Миллер 2013:12).

Следует также отметить, что поляки называли православных и униатов, проживающих на землях нынешней Украины, *rusini* (особенно подчеркивалось написание с од-

ной буквой «с»), противопоставляя их великороссам (которых поляки называли *moskali*). До середины XIX столетия поляки считали русинов такой же частью польского народа, как и, например, мазуров. Однако, поняв, что власть в Российской империи на тот момент была достаточно сильной и крепкой (да и сами жители Западного края не хотели возвращаться в состав Речи Посполитой), поляки начали поддерживать идею украинства с целью разложения Российской империи изнутри и восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года.

Сами великороссы, жители центральной части России, именовали своих соотечественников, проживающих на территории современной Украины, русинами (непреренно с двумя «с», чтобы подчеркнуть единство с русским народом), малороссами или малороссиянами.

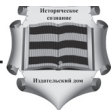
Таким образом, понятие «русский» в XIX веке включало в себя жителей центральных губерний России, а также Западного края, то есть украинцев и белорусов. Эта концепция отрицала различия между восточными славянами, включая их в единую этническую общность. По этой концепции противопоставлялся русский народ (куда, как отмечалось ранее, помимо собственно великороссов входили и жители Западного края) и другие народности империи. В этой связи по этническому признаку ни малороссы, ни белорусы в Российской империи никогда не дискриминировались. Им была открыта дорога к любой карьере, к любой государственной должности (Капpler 1997:134-135). Так, журналист, этнограф, историк из Малороссии Павел Платонович Чубинский, несмотря на то, что был за свои политические взгляды сослан в Архангельскую губернию, занимал там государ-

ственные должности, стал членом Императорского Русского географического общества, был награждён серебряной медалью Общества. Чубинскому было разрешено остаться в Петербурге, а позже – в связи с ухудшением здоровья – вернуться в родные края. Такое отношение к малороссам и белорусам сохранилось вплоть до конца империи Романовых. Даже в начале XX века на фоне роста шовинистических настроений в российском обществе малороссов и белорусов не именовали инородцами (Slocum 1998:173-190).

Заметим, что принадлежность к теории «единого русского народа» не означала, что её сторонники не видели отличий между великороссами и жителями Южной Руси. Так, русский писатель И. А. Бунин в конце XIX столетия в своём рассказе «Казацким ходом» писал, что сразу же заметил разницу между ухоженными малоросскими крестьянами и невзрачными, одетыми в лохмотья великорусскими «мужиками» (Бунин 1898:126). Однако эти различия виделись не как различия между двумя народами, а как различия между одним народом, проживающим в разных губерниях. Об этом свидетельствуют и более поздние произведения И. А. Бунина.

В этой связи патриотизм малороссов, их культурная и историческая специфика русской общественностью воспринимались достаточно лояльно, и в первой половине XIX столетия украинофильские течения начинают проникать в Москву и Петербург. Однако это был более мягкий вариант украинства, нежели тот, который зарождался в Малороссии. Московские и петербургские последователи украинства рассматривали его как более романтичный вариант русскости, не выделяя малороссов в качестве отдельного народа. Представители же Южной Руси видели свой вариант идеального

государства, который шёл в разрез и с русским представлением, и с польским.

Таким образом, предпосылками для формирования украинофильства были: с одной стороны, непоследовательная политика царской власти по отношению к требованиям малороссийской интеллигенции (власти то запрещали деятельность украинофильских организаций, то заигрывали с ними, позволяя заниматься преподавательской, литературной и иной деятельностью). Это позволяло украинофилам расширить свою аудиторию и продвигать свои идеи в массы. А с другой стороны, важным фактором развития национального движения в Малороссии стал так называемый внешний фактор, в основном польский и австро-венгерский, когда и те, и другие, мечтая о расширении границ своих государств, пытались разжигать ненависть к русским со стороны малороссов.

У истоков организованного украинофильского движения стояли члены тайного Кирилло-Мефодиевского общества, созданного в Киеве. Основателями общества стали историк Н. И. Костомаров, поэт, фольклорист и этнограф П. А. Кулиш, либерал В. М. Белозерский, публицист Н. И. Гулак; позже к ним примкнул поэт Т. Г. Шевченко.

Основной задачей, которую ставило перед собой Общество, было национальное и социальное освобождение Украины и создание всеславянской федерации, в которую вошли бы, помимо Украины, Россия, Чехия, Сербия, Болгария, Польша. Определяющую роль в этой федерации украинофилы отводили, безусловно, Украине.

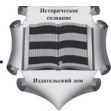
Законодательная власть, по мнению членов Кирилло-Мефодиевского общества, должна была сосредоточить-

ся в руках парламента (сейма), который состоял бы из двух палат. Исполнительную власть украинская интеллигенция предлагала передать президенту. Создание федерации и установление республиканской формы правления члены тайного общества предлагали осуществить в соответствии с «евангельскими правилами любви, кротости и терпения» (Симонова 1988:42-54). Идеологическую основу Общества составляли два документа – «Закон Божий (Книги бытия украинского народа)» Н. И. Костомарова и «Устав славянского общества святых Кирилла и Мефодия» В. М. Белозерского.

Основной идеей «Закона Божьего (Книг бытия украинского народа)» является мессианская роль Украины, которая должна спасти славянство, исполнив тем самым волю Божью. В качестве обоснования своей теории, историк указывает на то, что первыми Господь создал евреев; они все были равны, но нарушили Божий закон, избрав себе царя, поэтому Творец отвернулся от этого народа. После благодать Божья снизошла на греков, но «так как те были язычниками и не пришли к правильной вере», то и от них Господь отвернулся. После чего богоизбранным народом стали славяне, которые вскоре образовали себе три царства: Московию, Польшу и Литву. И лишь свободолюбивая Украина, которая, по мнению Н. И. Костомарова, «не любила ни царя, ни господина, а сотворила себе казачество», любила только Бога. Именно поэтому она и должна стать во главе Всеславянской федерации (Костомарів 1921:17). Основные положения «Закона Божьего» нашли своё отражение и в Уставе Общества.

3 марта 1847 года студент Киевского университета

О. Петров сообщил властям о тайном обществе (Кирилло-Мефодіївське товариство 1990:325). В марте – апреле 1847 года основные участники Общества были арестованы. Большинство «братьев» были заключены в тюрьмы или сосланы. Тараса Шевченко отправили в солдаты, Николая Костомарова сослали в Саратов, Николай Гулак был заточен в Шлиссельбургскую крепость, а Пантелеймон Кулиш, в конечном счёте, после ходатайств многочисленных просителей отправился в ссылку в Тулу. Кстати, с именем П. А. Кулиша связывают создание одной из ранних версий украинского алфавита, получившего название «кулишовки». Позднее бывший член Кирилло-Мефодиевского общества откажется от своих украинофильских взглядов, но после эмского указа 1876 года, который ограничил использование и преподавание украинского языка, разочаровался и в своих московфильских идеях. В начале правления Александра II основатели Кирилло-Мефодиевского общества будут освобождены и восстановлены в правах: Т. Г. Шевченко вернётся к литературной деятельности, а Н. И. Костомаров – к преподавательской. И тот, и другой, используя своё служебное положение, начали внедрять свои идеи в массы.

Кирилло-Мефодиевское общество (братство) стало первой малоросской организацией украинофильского толка. В её уставных документах чётко выделялись и политические требования: отмена крепостного права, замена монархии республикой, создание Всеславянского союза во главе с Украиной. Фактически члены братства настаивали на распаде Российской империи и наделении суверенитетом её отдельных частей, в первую очередь – Малороссии. Совершенно случайно общество было раскрыто и распущено вла-

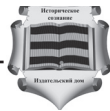

стями. В этот раз страну удалось спасти от рук революционно настроенных украинофилов. Хотя их идеи и получили дальнейшее развитие.

Очевидно, что зарождение и дальнейшее развитие украинофильского движения стало возможным благодаря непоследовательной политике императорской власти, которая возвела украинофилов в ранг мучеников и борцов за свободу и, освободив их, дала им возможность беспрепятственно распространять свои идеи.

С разгромом Кирилло-Мефодиевского братства деятельность украинофильского движения не прекратилась, а, наоборот, ещё больше набирала обороты. В 1860-е годы популярность в Малороссии приобретают идеи так называемого «народнического национализма», ярким представителем которого был М. П. Драгоманов. «Народнический национализм» стал второй, более радикальной формой украинского национального движения, по сравнению с зародившимся в 1840-е годы малороссийским движением.

М. П. Драгоманов родился в сентябре 1841 года в обрусевшей мелкодворянской семье, происходившей от казацкого старшины. Вплоть до 1861 года будущий украинофил был более космополитом, нежели борцом за автономию Малороссии (Драгоманов 1973:44). Взгляды космополита Драгоманова изменили два события, произошедшие в 1860-х годах, – смерть Тараса Шевченко и восстание в Польше 1863 года. По признанию самого Михаила Драгоманова, «польское движение имело большое влияние» на его политические взгляды. «Рожденный на левом берегу Днепра, я не имел наглядного понятия о поляках и сочувствовал им, как жертвам русского деспотизма... Приехав на правый берег

Днепра, в Киев, я увидел, что поляки здесь – аристократия, а не народ, и был поражен тем, что даже студенты поляки бьют своих слуг и ходят в костёлы, где усердно стоят на коленах... Вместе с тем, мне бросилась в глаза нетерпимость поляков относительно русских и в особенности малороссов, или украинцев...

Между тем польское восстание приближалось к Киеву. Поляки, даже демократы, серьёзно доказывали, что имеют право на Западную Украину, потому что в ней дворянство, или, как тогда стали говорить, «интеллигенция», – польское. Реакция этим польским стремлениям давала силу среди киевской «православной» молодежи украинцам. Кредит «космополитов» падал по мере того, как становилось известным, что составленные столичные кружки, безусловно, становились на сторону поляков. Видя ошибки «космополитов» и не разделяя многого в стремлениях украинцев, я стал охладевать к политике студенческих «кружков» (Драгоманов 1973:43-44).

Свою роль в становлении Драгоманова-укаинофила сыграл и так называемый «валуевский циркуляр» 1863 года. Этот документ повлиял не только на мировоззрение М. П. Драгоманова, но и стал для украинских националистов одним из «доказательств» «угнетения» их народа и языка.

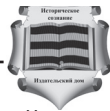
Как отмечалось выше, первые годы царствования императора Александра II были отмечены подъёмом украинофильского движения: были помилованы участники Кирилло-Мефодиевского общества, Н. И. Костомарову было разрешено преподавать, Т. Г. Шевченко снова вернулся к творчеству. На волне либеральных реформ развивается и

укрепляется украинское национальное движение. С 1859 года появились воскресные школы, в которых преподавание велось на местном, малороссийском диалекте, на котором говорили дворяне. В этой связи появляются и учебные пособия на простонародном наречии, среди которых «Граматка» П. А. Кулиша, «Букварь» Т. Г. Шевченко, «Арихметика або щотниця» Д. К. Мороза. Так называемые «метелики» широкое распространение получили даже в Санкт-Петербурге. В январе 1861 года в Петербурге издаётся южнорусский литературный вестник «Основа», который становится главным печатным органом движения украинофилов. Редактором и постоянными авторами журнала являются всё те же члены Кирилло-Мефодиевского братства – В. М. Белозерский, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш. В сентябре 1862 года журнал «Основа» прекратил своё существование. Причиной этому стало банальное отсутствие подписчиков, а не запрет властей, как утверждали украинофилы.

В качестве доказательства угнетения малороссов со стороны российских властей советская и современная украинская историография приводили цитаты из Валуевского циркуляра. Говоря о «Валуевском циркуляре», российский историк А. И. Миллер подчёркивает, что его изданию способствовали общественные круги самой Малороссии, которые потребовали от Петербурга предпринять административные методы с целью сдерживания украинофилов, опасаясь, что они могут принести вред Малороссии как в социальном, так и в национальном плане (Миллер 2013:98).

Следует отметить, что ещё до 1863 года в правоохранительные органы Российской империи поступали сведения о неких организациях, которые имели целью установить не-

зависимость Малороссии. Так, 29 июня 1862 года военный министр России Д. А. Милютин писал князю В. А. Долгорукову, бывшему в то время шефом жандармов, что в Киеве «действует общество хлопоманов», которое ставит перед собой задачи «возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии» (Миллер 2013:98).

В записке Милютина говорилось о так называемых «Громадах» (громада в переводе с украинского – общество, мир, община), которые возникли ещё в 1850-х годах как культурно-просветительские центры Малороссии. У истоков появления «Громады» стояли всё те же бывшие члены Кирилло-Мефодиевского братства: Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш и Т. Г. Шевченко. Изначально деятельность организации носила чисто культурно-просветительский характер и имела целью показать место малороссийской культуры в общерусской. Но к 1863 году, в основном под влиянием польского восстания, среди членов «Громады» начинают преобладать националистические настроения.

Жандармы и ранее знали о появлении на территории Малороссии украинофильских движений, но считали их ничтожными. Начали предпринимать активные действия после получения вышеназванного письма, и то потому, что, как указал Д. А. Милютин в письме, о ситуации с украинофилами знал уже сам император. Было проведено расследование, по результатам которого шеф жандармов предписывал генерал-губернатору Юго-Западного края Н. Н. Анненкову предпринять все возможные меры, чтобы прекратить деятельность «Громады». Причём в предписании В. А. Долгорукова чётко прослеживается политический мотив запре-

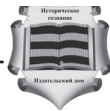

щения «Громады», а не национальный (жандармы боялись распространения потенциально революционных взглядов).

В марте 1863 года в адрес шефа жандармов от анонимных авторов было направлено ещё одно письмо, в котором содержалось требование ликвидировать украинофильские организации и запретить перевод Евангелия на малороссийское наречие. В. А. Долгоруков переслал письмо в Киев генерал-губернатору с целью узнать его мнение по этому поводу. Н. Н. Анненков посчитал необходимым запретить перевод Евангелия на украинский язык, чтобы не позволить украинофилам говорить об автономии Малороссии, опираясь на самостоятельность языка. Именно это письмо генерал-губернатора Киева и послужило основным толчком для появления Валуевского циркуляра.

По распоряжению императора 2 апреля 1863 года В. А. Долгоруков отправляет министру внутренних дел России П. А. Валуеву письмо, в котором вводит министра в курс дела. Министр посылает запрос с приложением письма киевского генерал-губернатора Обер-прокурору Синода А. Ахматову. Тот сделал распоряжение представителям Синода учесть мнение Н. Н. Анненкова при поступлении к ним проекта перевода Евангелия на малороссийский язык. В мае 1863 года П. Валуев вновь посылает записку А. Ахматову с вопросом о запрещении перевода Евангелия на украинский язык. И только после этого Ахматов даёт указание проект перевода не издавать.

Одновременно с этими мерами в июне 1863 года в газете «Московские ведомости» Валуев инициирует спор между украинофилами и российским публицистом М. Н. Катковым с целью узнать истинные намерения сторонников автономии.

Только после всех этих мер 18 июля 1863 года министр внутренних дел П. А. Валуев направляет в Московский, Петербургский и Киевский цензурные комитеты циркуляр, в котором говорится: «Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил ещё окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором св. синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» (Лемке 1904:304).

Таким образом, малороссийское наречие как таковое не было запрещено в Российской империи Валуевским циркуляром. Запрету подверглись лишь книги на религиозную тематику и учебная литература. Мера эта была направлена исключительно на то, чтобы украинофилы не смогли распространять республиканские идеи среди неграмотного населения Малороссии.

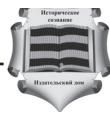
Волной негодования встретили украинофилы циркуляр министра внутренних дел. Н. И. Костомаров обратился к П. А. Валуеву с письмом (Письмо Костомарова 1863:1-2), в котором просил отменить запрет на издание научной лите-

ратуры на малороссийском наречии. Однако здесь историк лукавит: в тексте циркуляра не было ни слова о запрете издавать научную литературу на украинском языке. Лукавство Костомарова стало передаваться и следующим поколениям украинофилов, которые станут говорить о том, что Валуев вообще запретил малороссийский язык, сказав, что такого языка не существовало и не будет существовать. Действительно, в тексте циркуляра содержится подобная формулировка, но слова эти принадлежали вовсе не министру внутренних дел России, а общественности Юго-Западного края. Валуев эти слова лишь процитировал.

Резкой критике Валуевский циркуляр подвергся не только со стороны украинофилов, но и со стороны российских либералов, особенно – петербургской прессы. Так, в 1863–1864 годах в журнале «День» (редактором которого был славянофил И. С. Аксаков) был опубликован ряд статей украинофилов, в которых резко критиковался циркуляр министра. Сам И. С. Аксаков указывал, что такие действия со стороны Министерства внутренних дел могут привести только к тому, что украинофилы встанут на позицию врагов России (Аксаков 1900:201-202). В поддержку Валуева выступила общественность Киева и Москвы. Самым ярким противником украинофилов оставался редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков.

Самое поразительное, что и среди петербургских чиновников нашлись лица, которые с возмущением встретили циркуляр министра внутренних дел. В данном случае речь идёт о министре народного просвещения А. В. Головнине, который считал, что своими действиями П. А. Валуев не даёт развиваться Малороссии в культурно-просветитель-

ском плане (Письмо Головина 1863:15-15 об.).

* * *

Не остался равнодушным к циркуляру Валуева и М. П. Драгоманов. Его взгляды становятся всё более радикальными и националистическими. Именно с этого времени можно говорить о Драгоманове как об украинофиле. Однако интересы М. П. Драгоманова во второй половине 1860-х годов были более научными, нежели политическими. Именно в это время он делает академическую карьеру: в 1864 году становится приват-доцентом, а в 1873 году – штатным доцентом Университета св. Владимира. В этом университете М. П. Драгоманов попадает под огромное интеллектуальное влияние одного из основателей украинской «Громады» В. Б. Антоновича, основателя украинской историографии, этнографа и историка.

В 1873 году по решению русского правительства открывается Юго-Западный отдел Русского географического общества. Инициаторами и духовными вдохновителями идеи создания Отдела выступили видные борцы с сепаратизмом, русофилы М. В. Юзефович и В. Я. Шульгин. Эти государственные сановники и учёные считали, что украинофильское движение возникло и развивается под патронажем поляков. Если малороссам дать некую культурно-просветительскую автономию в рамках общерусской культуры, то это позволит, по мнению М. В. Юзефовича и В. Я. Шульгина, покончить с украинофильством. Такие же надежды питали и власти, которые в лице киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова поддерживали инициативу Шульгина и Юзефовича. Однако их надеждам не суждено

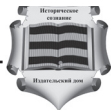

было сбыться. Работа Юго-Западного отдела вскоре оказалась всецело в руках украинофилов, в частности М. П. Драгоманова, В. Б. Антоновича и П. П. Чубинского.

С 1874 года М. П. Драгоманов стал фактическим редактором «Киевского телеграфа», небольшой местной газеты, дела которой до этого времени шли довольно плохо. Отметим, что владелица газеты Е. И. Гогоцкая была абсолютно равнодушна к политическим взглядам украинофилов, а М. П. Драгоманова пригласила редактором лишь для поднятия рейтинга газеты. Тем не менее, в обновлённый редакционный отдел газеты вошли украинофильски настроенные члены Юго-Западного отдела Русского географического общества. «Киевский телеграф» стал основной платформой для борьбы с самодержавным курсом «Киевлянина» В. Я. Шульгина (Кістяківський 1994:53). Влияние Юго-Западного отдела в регионе было настолько велико, что украинофилы планируют открытие музеев украинского народа, создают широкую сеть корреспондентов «Киевского телеграфа» по всему Юго-Западному краю. Это вызвало озабоченность в Петербурге, но лишь в 1876 году последовала реакция властей на рост украинофильских настроений среди малороссов. В 1876 году император Александр II подписал Эмский указ.

* * *

Как и в случае с Валуевским циркуляром, Эмскому указу предшествовало серьёзное разбирательство. Так, 27 августа 1875 года генерал-адъютант А. Л. Потапов, бывший в то время начальником III-го отделения, направил министру внутренних дел А. Е. Тимашеву, министру народного

просвещения Д. А. Толстому, Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву и помощнику попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовичу письмо. В тексте письма говорилось: «Государь император ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания *учебников и молитвенников* (курсив – мой Д. А.) на малорусском языке, Высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра Внутренних Дел Совещание из министра Народного Просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III-го Отделения собственной его императорского величества Канцелярии и председателя Киевской Археологической Комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса» (Письмо Потапова 1875:1). Главным пунктом обвинения украинофилов фигурировало издание книг на малороссийском диалекте для народа, что было запрещено циркуляром министра внутренних дел Валуева, одобренным императором в 1863 году.

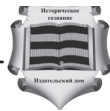
В сентябре – начале октября 1875 года по поручению министра внутренних дел А. Е. Тимашева экспертами Главного Управления по делам печати была составлена аналитическая записка, в которой указывалось, что «допустить обособление, путем возведения украинского наречия в степень литературного языка, 13-ти миллионов малороссов было бы величайшею политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, какое совершается по соседству с нами у германского племени» (Аналитическая записка Главного управления по делам печати 1875:25 об.-26 об.). Отход Малороссии от Российской империи трактуется в записке как подрывная деятельность поляков

по возвращению себе инкорпорированных малороссийских земель.

Вторую аналитическую записку составил М. В. Юзефович. Основной идеей записки была мысль о триединой русской нации. Воззрения украинофилов Юзефович характеризует как «измышление австро-польской интриги». В качестве доказательства своей мысли М. В. Юзефович приводит историю посвящения в украинофильство П. Кулиша М. Грабовским, который впоследствии стал министром просвещения в Царстве Польском (Савченко 1930:375). Труды Костомарова помощник попечителя Киевского учебного округа считал направленными на подрыв малороссийского сознания с целью уничтожить сочувствие к Русскому Государству «унижением и опозорением его истории» (Савченко 1930:376).

Главное Управление по делам печати подготовило дополнительные сведения для Совещания. В журнал Совещания вошла часть выводов экспертов этого учреждения, в частности о том, что «стремление украинофилов породить литературную рознь...представляется опасным и потому ещё, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чём-то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая Галицкому украинофильскому обществу

«Просвита» сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние» (Аналитическая справка 1875:25-27 об.).

Именно боязнь польского вмешательства и распространения революционных идей вновь стали тем локомотивом, который подтолкнул Совецание и императора к изданию Эмского указа. Проект указа, составленный М. В. Юзефовичем, Совецание утвердило 24 апреля 1876 года. Документ состоял из одиннадцати пунктов, первые три из которых посвящались запрету на распространение литературы на малороссийском языке, ввоза её из-за рубежа и использования так называемой «кулишовки» (предложенное П. Кулишом фонетическое правописание). Печатать разрешалось только произведения «изящной литературы». Запрещалась также постановка спектаклей на малороссийском языке. Запрету подлежало также использование вместо буквы «и» букв «і» и «ї» (Проект указа, подготовленный Юзефовичем 1876:66-67).

Окончательный вариант выводов Совецания был представлен императору 18 мая 1876 года в городе Эмс (Германия), куда Александр II отбыл по государственным делам. От названия города этот документ и получил название Эмского указа.

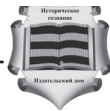
* * *

После подписания императором указа о запрещении издательства литературы на малороссийском языке (кроме «изящной литературы») был закрыт Малороссийский отдел Русского географического общества, распущен «Киевский телеграф», а М. П. Драгоманов и П. П. Чубинский были отправлены в ссылку.

Однако этот факт не снизил активности украинофи-

лов. Так, М. П. Драгоманов стал представителем украинофильской «Громады» за границей. Изначально Драгоманов планировал развернуть свою деятельность на территории Австро-Венгерской империи, но процессы по делу социалистов спугнули украинофила, и он обосновался в Женеве. Вдали от родины М. П. Драгоманов начал задумываться о государственном переустройстве, о создании такого государства, как Украина. М. П. Драгоманов считал, что Украина является не имеющей полноценной социальной структуры «плебейской нацией», в которой отсутствуют высшие и низшие классы. В силу этого национализм он уподоблял социализму, практически отождествляя украинскую нацию с крестьянством. Женевский период деятельности М. П. Драгоманова характеризовался идеей создания федеративного государства. Идеи славянского союза отошли на второй план. Так, в статье 1881 года Драгоманов пишет: «Не предрешая всех подробностей, мы думаем, что и теперь можно угадать в общих чертах те естественные области, на которые разделяются страны В[осточной] Европы. Это будут области: А) *Русские* или *великорусские*: северные, озёрные, верхневолжские, нижневолжские, Покамье, Приуралье, уральско-козацкие, окские, степные. В) *Балтийские*: эстонская и латышская с колониями немецкими. С) *Литовские*. D) *Польские* в трёх частях вислянского бассейна, в России, Австрии и Пруссии. E) *Белорусские*. F) *Украинские* (карпатская, полесская правобережная, левобочная, степная, слободская и казацкие). G) *Румынские* (бессарабская, дунайская, трансильванская и буковинская). H) *Кавказские*» (Драгоманов 1906:336). Как видим, в эмиграции Драгоманов отошёл от украинофильского движения, его взгляды всё

более приближались к социализму. Он писал: «Националисты ошибаются, коли думают, что публика сегодня может жить национализмом, всегда думать про «свою хату» <...>. В жизни общественной человек чаще пан, или мужик, или либерал, или абсолютист, рационалист, или клерикал, и т.д., а очень редко русин или полян, москаль. Вот и от литературы человек желает, прежде всего, научиться или хозяйству, или политике, или религии и т.д. – а потому уже удовлетворять свое национальное чувство, даже если оно в нём возбуждено, – и через это он будет читать охотно чужие издания, если они будут его научать тому, что ему интересно» (Грицак 2006:211).

* * *

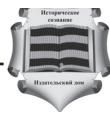
В начале XX века украинские националисты задались целью создания обновленной национальной идеи, потому что в случае возвращения к своим истокам они будут вынуждены признать украинцев частью русского народа, а братские связи с Российской империей им претили. На этом основании пропагандисты Галиции начали приписывать новому украинскому народу, искусственно появившемуся в их произведениях, мессианскую роль среди славянских народов. В их печатных изданиях, в основном в венском журнале *Ukrainische Rundschau*, всё чаще появлялись суждения о «фальшивости польской знати» и «верности и преданности русинов своей нации, которая выдержала нашествие татарских и турецких орд». Дальше националисты продолжали свой тезис словами о том, что поляки вливались в западноевропейскую культуру, а украинцы сами колонизировали территорию, на которой в настоящее время проживают рус-

ские. Исходя из этого, можно сделать однозначный вывод о том, что приверженцы украинской национальной идеи, пользуясь покровительством Австрии, выступали за свой суверенитет, противопоставляя украинский народ и полякам, и русским.

Постепенно и в Малороссии активизируются политические силы, заявляющие о создании национального украинского государства. Изначально для этого региона такие течения были нехарактерны, а требования малороссов были скорее культурными, чем государственно-политическими. Главным требованием малороссов было оформление литературного украинского языка (до этого он существовал как разговорный). Украинцы обосновывали свое требование наличием произведений Тараса Шевченко и Ивана Котляревского. Со временем украинские националисты заявили о том, что украинская литература возникла ещё в IX веке, а одним из крупных её произведений является «Слово о полку Игореве».

В начале 1908 года в Галиции, в то время входившей в состав Австро-Венгерской империи, на выборах в ландтаг, местный законодательный орган, победу одержали русофильские партии, что стало большой неожиданностью для всех. Тем более что несколькими месяцами ранее на выборах в рейхсрат, Имперский совет, убедительную победу одержали представители украинофильского движения. Это натолкнуло на мысль о фальсификации выборов. В результате вспыхнувшего конфликта между властями и украинофильским движением 12 апреля 1908 года украинский студент Мирослав Сичинский застрелил императорского наместника в Галиции Анджея Потоцкого, поляка по нацио-

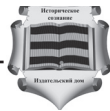
нальности. Возникший политический конфликт перерастал в межэтническое противостояние. Способствовало этому и ухудшение российско-австрийских отношений. В результате украинское движение в Галиции постепенно приобретает антирусский характер. Лидеры украинского движения считали, что победа Тройственного союза в войне позволит им создать независимое украинское государство или, по крайней мере, добиться получения широкой автономии в рамках империи Габсбургов. Данный принцип отразился в заявлении украинских националистов, принятом в декабре 1912 года, в котором, в частности говорилось: *«Во имя будущего украинского народа по обе стороны границы в случае войны между Австрией и Россией вся украинская община единодушно и решительно встанет на сторону Австрии против Российской империи как величайшего врага Украины»* (Глушкевич 1917:32).

В своих печатных изданиях украинские националисты заявляли, что русские не имеют никакого отношения к восточным славянам, а появились в результате браков украинских колонистов с финно-угорским населением. А в годы Первой мировой войны и после неё, фантазия украинских националистов родила ничем не обоснованную версию о том, что против России в войну воевало больше славян, чем за неё. Главной целью пропаганды против Российской империи являлось представление империи Романовых не как великой континентальной державы, а как рядовую восточную деспотию, автократию «татарских ханов и византийцев». Укратинофилы представляли Россию как слабое, никчёмное государство, которое от зависти и злобы стремится уничтожить все зачатки культуры не только на своей территории,

но и за её пределами. А искусственно созданное государство Украина, напротив, по словам националистов, являлось сильным, могучим, с собственной политической культурой и длительным опытом государственности, которая началась ещё в период Киевской Руси. После освобождения от монголо-татарского ига Москва, по мнению украинских националистов, захватила украинские земли и установила над ними своё владычество. А неприглядный образ русских и России, по мнению украинофилов, обусловлен монголо-татарским влиянием, в то время как украинцы сохранили домонгольские этнические характеристики и культурные обычаи. Объясняется это тем, что государственные образования украинцев – «Киевская империя» и «Государство казаков» – в отличие от Московской Руси, избежали татаризации. В это время, благодаря тому, что украинские государственные образования освободились от влияния русских, они, по мнению украинофилов, смогли получить огромный политический опыт монархической и республиканской государственности. Украинские националисты выступали резко против обобществления русской и украинской истории, отмечая при этом, что присоединение украинских земель по Переяславльской раде 1654 года к России было вынужденным, так как украинцы обессилели в борьбе против поляков и татар (Смолий 2008:385).

Фантазия националистов в придумывании истории «великого украинского народа» дошла до откровенных передёргиваний истории. Так, матримониальные и дипломатические связи киевских князей с западноевропейскими монархами трактовались как принадлежность Украины и украинцев к западноевропейской культурно-политической

Ойкумене.

В своих исторических фантазиях украинофилы, пытаясь противопоставить украинцев и русских, использовали различные околонуточные факты, подвергая их тщательной идеологической обработке. В частности, они указывали на то, что украинцы обладают «этнологическим чувством независимости», в отличие от «покорившихся татарам москалей». В своих опусах украинофилы указывали также на неразвитость экономики Московского государства, которое находилось далеко от основных торговых путей, в то время как Киев «вовсю торговал с Европой». В качестве доказательства самостоятельности украинского языка националисты приводили сомнительный довод, что русские и поляки не понимают украинцев. По их мнению, это связано с тем, что лишь украинцы смогли сохранить подлинный язык Руси, а москали исказили его. Дальше фантазия типичного украинского националиста рисовала образ украинца: воин-крестьянин, в случае необходимости меняющий плуг на оружие, у которого бьётся через край жизненная сила и неутолимая воля к жизни (Магочій 1994:302).

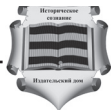
Однако украинские националисты не только отождествляли понятия «Украина» и «Русь», но и чрезвычайно расширили границы государства Украина. Причем в этом вопросе они оказались не одиноки. О великом государстве Украина украинофилам помогал мечтать немецкий философ конца XIX столетия Эдуард Гартман. Немец определял украинскую границу по линии Витебск–Курск–Саратов–Астрахань. Украинский географ Степан Рудницкий перед мировой войной (которую украинские националисты называли войной великой европейской культуры против

монголо-азиатского варварства) опубликовал работу под названием «Короткая география Украины». Данныйopus стал фактически расширенной декларацией существования украинского народа в том виде, в каком её представляли себе шовинисты. В частности, украинский географ заявлял, что украинские земли, которые издревле принадлежали этому великому народу, ограничивались тремя горными цепями – Карпатами, Яйлой и Кавказом. Стараниями Рудницкого украинцы стали колонизаторами Сибири и Туркестана. Более динамичное развитие Украины, чем России Рудницкий связывает с лучшими климатическими условиями на её территории. Окончательно отмежевываясь от русских и поляков, украинский географ выдвигает антинаучную теорию, согласно которой русские имеют финско-монгольские корни. В качестве доказательства Рудницкий приводит тот факт, что у украинцев ноги более длинные, чем у русских (Рудницкий 1916:27).

По поводу размышлений Рудницкого известный исследователь украинского сепаратизма, врач, публицист и государственный деятель Российской империи Сергей Никифорович Щеголев отмечал, что «Украина, к удивлению ногайцев, прорубила окно к Каспию» (Щёголев, 1912: 7).

Однако русофилы и представители Российской империи должных контраргументов пропагандистским доводам украинских националистов не высказали. Связано это было, по мнению начальника Разведывательного бюро Генерального штаба империи Габсбургов Макса Ронге, с тем, что Российская империя вела контрпропаганду не через печатные издания, а через церковные и просветительские организации в Галиции. Эти меры русского правительства были,

несомненно, более эффективными, нежели пропаганда в печати, так как большинство украинского населения было безграмотным. Лишь после окончания Первой мировой войны один из активистов движения русофилов Дмитрий Марков в своём труде «Меморандум о настроениях малороссов Австро-Венгерской империи» отмечал, что «крестьяне Галиции всегда называли себя русскими», а Украина – это «географическая область, наделенная политическими реалиями Бисмарком и Гартманом».

А вот украинофилы подвергали население Галиции массированному идеологическому натиску в печати. Печатная деятельность галицких шовинистов финансировались со стороны мировых держав того времени, а именно Германской и Австро-Венгерской империи, которые одинаковы были заинтересованы в росте национальных устремлений населения Галиции и ослаблении Российской империи. О том, насколько серьезными были намерения Германской империи, свидетельствует тот факт, что кайзеровское правительство при Министерстве иностранных дел создало специальный информационно-аналитический отдел по проблемам Украины. Империя Габсбургов отнеслась к этому вопросу не менее серьезно, занявшись выявлением на территории Галиции пророссийски настроенных представителей населения.

Значительные денежные субсидии от своих покровителей получала украинская пресса. «Украинское обозрение», журнал украинских националистов в Вене, в 1907 году был профинансирован на сумму в 5 400 немецких марок, а в 1909 году – 12 000 немецких марок. Примерно в это же время газета «Буковина», выходившая в Черновцах, полу-

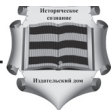

чила от австрийского правительства 24 000 крон (Рупосова 2012:96). Печатные издания украинских националистов выходили не только в Германии, Австрии, но и на территории союзников Российской империи – во Франции. В частности, в Лозанне на французском языке выходила еженедельная газета «Украина», редактором которой был беспринципный украинский общественный деятель дворянского происхождения, бывший и коммунистом, и агентом разведок Германии и Великобритании, Владимир Яковлевич Степанковский. Деятельность этого печатного органа украинских шовинистов лично финансировал лидер Украинского клуба в австрийском парламенте Евген Левицкий. Парламентёр выдал Степанковскому 1 000 австрийских крон и пообещал в дальнейшем выплачивать ему по 600 крон ежемесячно (Чуев 2006:18).

В Первой мировой войне националистическое направление приняла деятельность «Союза освобождения Украины». На опеку этой организации немецкие и австрийские покровители националистов в 1915–1917 годах потратили около 1 миллиона немецких марок (Чуев 2006:20).

Австро-Венгрия, помимо печатных изданий, финансировала и практические проекты украинских националистов; в частности, идея о создании Украинского королевства с формой правления конституционная монархия с элементами демократии субсидировалась Веней.

Однако на практике Вена не в полной мере поддерживала украинское движение, становясь то на сторону поляков, то на сторону русинов. Это привело к неоднозначной ситуации: с одной стороны, Австрия продолжала поддерживать и польских легионеров Юзефа Пилсудского и Юзефа Гал-

лера и украинских сечевых стрельцов, в это же время в лагерях Фрайштадт и Дуна-Сердагель набиралась дивизия из русских военнопленных украинской национальности (так называемые «серожупанники»). С другой стороны, после объявления Польши самостоятельным государством Галиция осталась австрийской провинцией, что вызвало волну негодования как поляков, так и австрийских украинцев, что ещё больше настроило их и друг против друга, и против общего противника – России.

Фантазиям украинских националистов не суждено было воплотиться в жизнь, и осознание этого стало понемногу приходить к ним. Ослабевают позиции украинофилов среди населения Галиции, Закарпатья и Буковины. Так, после занятия австрийскими войсками русской Волыни основная масса украинского населения отказалась признавать власть Австрии, а желающих присоединиться к центральным державам были единицы.

Накануне Первой мировой войны активизировались и представители прорусского движения. На усиление их позиций австро-венгерское правительство ответило репрессиями. Так, в начале 1914 года суду были преданы несколько активистов русофильской партии.

Эта борьба между прорусскими и прогабсбургскими движениями, осложненная вмешательством извне, со стороны Австро-Венгерской и Российской империй, привела к расколу русинов Галиции, Закарпатья и Буковины: одни стали идентифицировать себя с русскими, другие – с украинцами, а третьи вообще не определились с этнической самоидентификацией. В этих условиях формируется украинская нация как отдельная общность. Это формирование

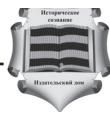
происходит, в основном, на территории современной Западной Украины

Западная Украина – по-прежнему достаточно условный термин. Он означает исторические области Волыни (в настоящее время Волынская область), Восточной Галиции (Галицкая или Червонная Русь) (в настоящее время Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская область), Буковины и Закарпатья (Подкарпатская или Угорская Русь) (в настоящее время Северная Буковина – это Черновицкая область Украины, за исключением Хотинского, Кельменецкого, Сокирянского, Новоселицкого и Герцаевского районов; Южная Буковина – жудец Сучава Румынии). Эти регионы отличаются друг от друга как в этнокультурном и конфессиональном отношении, так и с точки зрения специфики их исторического развития и государственно-правовой принадлежности.

При этом само понятие «Украина» первоначально имело лишь сугубо географическое смысловое наполнение, означая окраины различных русских княжеств в эпоху средневековья. В начале XX века территории современного государства Украина, входившие в состав Российской империи, именовались Малороссией.

Даже родоначальник украинской националистической историографии М. Грушевский, оперировавший такими понятиями, как «древнеукраинские племена» или «Русь-Украина», всё же считал слово «Украина» производным от «окраины» (древнерус. оукраина)» (Гайда 2014:97).

Ещё в первой четверти XX века украинская самоидентификация далеко не полностью утвердилась в Галиции. По мнению исследователей, в это время «половина галиций-

ского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служила объектом борьбы «за души» (Федевич 2014:3). Даже в городе Станиславове (современный Ивано-Франковск), который являлся одним из центров украинского движения в Восточной Галиции (эти земли занимали территорию средневекового Галицко-Волынского княжества), термин «украинец» стал вытеснять «русинское» самоназвание только после 1917 г.» (Федевич 2014:5). В то же время среди галицко-русской интеллигенции были широко распространены идеи, трактовавшие галицких русинов как часть единого русского народа от Карпат до Камчатки.

В начале XX века в тогда ещё австрийском Лемберге (совр. Львов) и даже в 1920–1930-е годы в уже польском Львове выходили газеты на русском языке, отстаивавшие идею общерусского единства великороссов и малороссов и полемизировавшие с украинскими националистами. «Русско-народная партия в Галичине исповедует... национальное и культурное единство всего русского народа, а поэтому признаёт своими плоды тысячелетней культурной работы всего русского народа, принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа» (Мончаловский 1904:17), – декларировал съезд русско-народной партии Галиции, состоявшийся 27 января (7 февраля) 1900 года в Львове. Общественные деятели Галиции в конце XIX – начале XX вв. отмечали, что «русское простонародье Галичины и Буковины представляет собою массу стихийных «москвофилов» (Мончаловский 1898:187), превосходя «и малорусское, и великорусское простонародье в России в развитии национального сознания, в

патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и русской церкви» (Мончаловский 1898:187). Это были вынуждены признать и местные активисты украинского движения, выразившие сожаление по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы» (Мончаловский 1898:185). Окончательную точку в существовании русского (русинского) движения в Галиции поставила советская власть. После присоединения Западной Украины к СССР в сентябре 1939 года здесь была запрещена деятельность ещё остававшихся организаций русских галичан и русской прессы, а местное население было объявлено исключительно «украинцами», что в огромной степени способствовало окончательному искоренению русской и утверждению украинской идентичности в Галиции. Галицкая Русь в течение столетий оставалась краеугольным камнем общерусской идеологии, породив огромное число мыслителей, обосновавших идею общерусского единства, и мучеников, положивших свои жизни в борьбе за эти идеалы.

— I. ГАЛИЦКО – РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ —

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1. Репрессии против русинского движения

Придумывание новой нации и новой национальной идеи оказалось для «украинской» интеллигенции достаточно непростой задачей, которая потребовала не только идеологической работы, но и физической борьбы против русофильски настроенного населения Галиции. Но и это не остановило украинофилов.

Австрийские власти при содействии украинофилов преследовали представителей галицко-русского движения в Галиции и всех тех, кто имел общерусскую идентичность. В ходе Первой мировой войны эти преследования были призваны навсегда покончить с потенциальным гнездом пророссийского ирредентизма, постоянно беспокоившим северо-восточные провинции Вены. Массовые репрессии австро-венгерских властей против русских галичан начались буквально с первых дней Первой мировой войны, когда были закрыты все русофильские организации, а их руководители и рядовые участники оказались на виселицах, в тюрьмах и в концлагерях, что нашло отражение и в художественной литературе. Так, в кабинете австрийского военного следователя поручика Берниса, допрашивавшего Швейка в первые недели войны, уже красовались «фотографии различных экзекуций, произведенных армией в Галиции и в Сербии. Это были художественные фотографии спалённых хат и сожжённых деревьев, ветви которых прогнулись под тяжестью повешенных...» (Гашек 1994: 80).

Орудием борьбы с галицко-русским движением, долгое

время доминировавшим в Галиции, было избрано украинское движение, выпестованное как Веней, так и польской администрацией Галиции. Именно активисты украинского движения охотно и с надлежащим служебным рвением исполняли роль осведомителей и доносчиков, сообщавших властям о «политически неблагонадёжных» москвофилах; при этом, по свидетельствам современников, работа доносчиков щедро оплачивалась из государственного бюджета. Условия военного времени дали удобный предлог Вене для жестоких репрессий против москвофилов, которые, исповедуя культурно-языковое единство с русским народом, в то же время постоянно подчеркивали свою политическую лояльность Австро-Венгрии.

Наиболее ярким символом широкомасштабных и крайне жестоких репрессий против галицко-русского населения стал концентрационный лагерь Талергоф, созданный австрийскими властями в начале сентября 1914 года на территории Штирии (Австрия). Уже 4 сентября 1914 года в Талергоф прибыл первый эшелон с арестованными русофилами из Лемберга (современный Львов), насчитывавший около двух тысяч человек; первые четверо суток арестованные были вынуждены находиться под открытым небом под охраной жандармов (Пашаева 2007:106). По многочисленным свидетельствам узников Талергофа, обычной практикой концлагеря были изощрённые пытки и издевательства по отношению к заключённым; санитарные условия в лагере «были ужасны... Бараки были переполнены... Вместо положенных 200 человек, в них помещалось до 500... Эпидемия тифа унесла, начиная с ноября 1914 года, за два месяца, по сообщению узника И. Васюты, до трёх тысяч жертв» (Па-

шаева 2007:108). Наибольшими зверствами по отношению к заключенным отличались сотрудники лагерной администрации из числа украинцев. По свидетельству уроженца галицкой Лемковины И. Ф. Лемкина, «самым отъявленным палачом талергофских мучеников был украинец, австрийский офицер Чировский, который своими издевательствами над безоружными превзошёл всех немцев...» (Лемкин 1969:142). Позорным доказательством явно садистских наклонностей охранников и надзирателей концлагеря из числа украинцев стала популярная в то время в их среде песня со словами «украинцы пьют на гофи, а кацапы – в Талергофи...».

По подсчетам активиста русинского движения в Северной Америке, выходца из Лемковины П. С. Гардого, через Талергоф в общей сложности «прошло свыше 30 000 человек крестьян, интеллигентов и священников, число которых достигло 800. Тысячи заключенных погибли от голода, различных болезней и побоев...» (Пашаева 2007:110). По сути, в Талергофе был ликвидирован цвет русофильской интеллигенции Галиции, а сам концлагерь вошёл в историческую память галицких и угорских русинов как символ мученичества за народность и веру. Помимо Талергофа русинские русофилы томились и в других австрийских концлагерях, включая Терезин, Куфштейн и Шпильберг. Репрессии и частичная ликвидация галицко-русской (русинской) интеллигенции в годы Первой мировой войны в значительной степени подорвали русское движение в Галиции и облегчили окончательное утверждение здесь украинского национального движения.

Среди галицко-русского населения Талергоф сразу

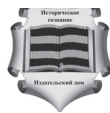

стал нарицательным понятием и общепринятым символом мужества и страданий за русские убеждения. Напротив, представители украинского движения, а также большинство исследователей советской и постсоветской Украины, предпочитают не заострять своего внимания на этой трагической странице в истории Галиции. Те же украинские деятели, которые пытаются разобраться в непростой истории западных регионов своей страны, стремятся возложить всю ответственность за страдания галицких русинов исключительно на «москвофилов», из-за которых «народ, осужденный за государственную измену, оказался в австрийских островах смерти» (Тарнович 1998:249).

Не получила должного внимания трагедия русинов и в работах украинского и советского историка М. С. Грушевского. В своём фундаментальном труде «История Украины – Руси» историк ошибочно указывает на «уничтожение Украинской Галиции» во времена «российской оккупации» (Грушевский 2002:570-571).

Стремление замолчать, принизить и всячески минимизировать значение Талергофа заметно и среди западных историков и публицистов. Так, некоторые польские историки, чьи предки тоже были жертвами террора по национальному признаку в XX веке, ставят под сомнение страдания русинов во время Первой мировой войны, по меньшей мере бестактно рассуждая о «мифе мариологии» и «легенде Талергофа» (Moklak 1994:66).

К сожалению, длительное время замалчиваемая трагедия Талергофа довольно плохо известна и в современной России. В нашей стране только в последние годы стали появляться труды профессиональных историков, затрагива-

ющие эту трагическую страницу в историческом прошлом русской Галиции. Знание места и роли Талергофа в трагической истории галицких русинов важно для понимания причин и механизма уничтожения русского начала в Галиции и превращения её в бастион украинского национализма.

Одними из первых исследователей трагедии русинов Галиции стали бывшие узники Талергофа, создавшие Талергофский комитет – общественную организацию узников концлагерей Первой мировой войны. Комитет действовал с 1920-х по 1930-е годы. Главным направлением его деятельности был выпуск «Талергофского альманаха». Всего узники концлагерей выпустили четыре части альманаха, содержащие статьи очевидцев тех событий, документы, свидетельствующие о жестокой расправе Австро-Венгрии с русинами. «Талергофский альманах» стал основным источником для изучения русинского вопроса последующих поколений историков.

Одно из центральных мест в историографии русинской трагедии занимает созданный активистом галицко-русского движения М. И. Туряницей (1912–2001) журнал «Свободное слово Карпатской Руси», который в конце 70-х годов XX века был переименован в «Свободное слово Руси». На его страницах публиковались в основном работы бывших узников Талергофа, активистов русинского движения, в частности, работа В. Р. Ваврика «Терезин и Талергоф», повествующая об ужасах лагерной жизни и лишениях русин в годы Первой мировой войны.

О развитии русофильского и украинофильского движения на территории Закарпатья в своей монографии писал и украинский историк, выпускник Ужгородского универси-

тета Р. Официнский. В своей монографии «Политическое развитие Закарпатья в составе Венгрии» он, обращаясь к истокам русофильского движения, в частности указывал на то, что русофильское и русинское движение на территории края носило коллаборационистский характер, так как было направлено на сотрудничество «с врагом» (Офіцинський 1997:27).

Немаловажной в исследовании русинского вопроса является монография канадского и американского историка венгерско-русинского происхождения П. Р. Магочи «Формирование национального самосознания. Подкарпатская Русь (1848–1948)» (Ужгород, 1994), где автор отрицает принадлежность русинов как к украинской нации, так и к Киевской Руси в целом и считает его отдельным народом. Подтверждает свой вывод П. Р. Магочи и в своей монографии «Народ ниоткуда. Иллюстрированная история карпаторусинов» (Магочій 2007:101).

Огромный вклад в развитие изучения истории русинов внес историк, бывший сотрудник Института славяноведения РАН И. И. Поп. В своей работе «Энциклопедия Подкарпатской Руси» автор излагает материал по географии, экономике, истории русинского края, о знаменательных датах истории русин, о выдающихся деятелях русинского движения (Поп 2006).

Несомненный интерес для исследователя русинского вопроса периода Первой мировой войны представляет работа российского историка А. Ю. Бахтуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)». В своей монографии автор в разделе, посвященном иссле-

дованию управления временно оккупированными территориями и изучению национального вопроса на данных территориях, пишет о русинском вопросе. Автор, в частности, исследует его природу, происхождение русинов и эволюцию русофильского и украинофильского движений (Бахтурина 2004:117-157).

Огромный вклад в изучение темы внёс российский историк, выпускник исторического факультета МГУ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований Олег Борисович Неменский. В своей работе «Чтобы на Руси не было Руси: исторические особенности идеологии украинства» историк объективно исследует появление такого понятия, как «украинофильство» и оценивает его роль в решении русинского вопроса (Неменский 2011:79).

В целом отметим, что, к сожалению, как в России, так и на Украине трагедия русинов в годы Первой мировой войны изучена недостаточно.

Террор против русинского населения в 1914–1917 годах являлся продолжением политики, которую, начиная с конца XIX века, проводила Австро-Венгрия в отношении русофилов.

Поводом для судебных процессов против жителей целых деревень чаще всего становился их переход из униатства в православие. Например, в 1881 году жители села Гнилички (ныне Тернопольская область Украины) массово перешли в православие. В связи с этим в конце января 1882 года власти Австро-Венгрии арестовали несколько жителей села; в их

числе были священник Иоанн Наумович, редактор одной из русинских газет А. В. Добрянский и его дочь О. А. Грабарь. Им предъявлялось обвинение в государственной измене. В суде это обвинение провалилось, но отца Иоанна Наумовича приговорили к восьми месяцам лишения свободы, трое арестованных также получили наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до пяти месяцев лишения свободы, О. Грабарь и А. Добрянский были оправданы. Впоследствии И. Наумович был отлучён от церкви Папой римским, а А. В. Добрянского вынудили переехать в Вену.

Процесс Ольги Грабарь стал в Австро-Венгрии началом преследования галицко-русского движения. Помимо административного ущемления и террора власти, организовывали массовые судебные процессы, среди которых наиболее громкими стали два Мармарош-Сиготских процесса и дело Максима Сандовича и Семёна Бендасюка – общественных и религиозных деятелей русинского движения.

1.2. «Жажда славянской крови помрачила умы...» Репрессии против русинов накануне и в ходе Великой войны в отражении публицистики и художественной литературы

Кирилл Шевченко

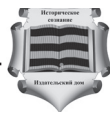
Общественно-политическое и этнокультурное положение русинов Восточной Галиции и Угорской Руси, входивших в состав Австро-Венгрии, во второй половине XIX века определялось доминированием общерусской идеологии, трактовавшей карпатских русинов как неотъемлемую часть триединого русского народа от Карпат до Камчатки в составе великорусов, малорусов и белорусов. Суть данной идеологии в её галицко-русской интерпретации исчерпывающе и афористично изложил в 1866 г. орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово», провозгласив, что «Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этнографической, языковой, литературной, обрядовой – это одна и та же Русь... Мы не можем отделиться китайской стеной от наших братьев и отказаться от языковой, литературной и народной связи со всем русским миром». Ещё более ярко «символ веры» галицко-русской интеллигенции во второй половине XIX века был выражен одним из литературных героев писателя и известного общественного деятеля Галиции И. Наумовича, по словам которого, «и Великая Русь, и Малая, и Белая, и Червонная – одно целое, так же как и Тело Христово одно, хотя раздробляемое, но не разделяемое...».

Последовательная и прекрасно организованная просветительская деятельность многочисленных галицко-русских

организаций, включая знаменитое Общество имени Качковского под руководством И. Наумовича, который являлся автором большого числа популярных брошюр для простого народа, в значительной степени объясняет широкое распространение «москвофильских» настроений среди галичан в конце XIX – начале XX века. Известный галицко-русский деятель и публицист О. А. Мончаловский в конце XIX века отмечал, что галичане превосходят «малорусское и великорусское простонародье в России в развитии национального самосознания, в патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и церкви». Примечательно, что с этим утверждением Мончаловского были вынуждены согласиться и активисты украинского движения в Галиции, сожалевшие по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы».

Общерусская идентичность, широко распространенная среди галицких русинов, с самого начала вызывала растущую озабоченность австрийских властей, опасавшихся потенциальной угрозы сепаратизма в своих восточных провинциях, граничивших с Российской империей. Именно этим обстоятельством объясняется системный и последовательный курс официальной Вены на трансформацию идентичности галицких русинов. Для реализации данного плана австрийские власти задействовали широкий инструментарий методов этнокультурной инженерии. Данные методы варьировались от попыток насаждения латиницы или изменения кириллической письменности галицких русинов до поддержки украинофильского движения, которое отрицало какую-либо связь русинов Галиции с Россией. Однако, поскольку данные меры не приводили к желаемым результа-

там, в конце XIX века официальная Вена всё более активно переходит к методам открытого силового подавления галицко-русского движения, хотя его лидеры постоянно подчеркивали свою лояльность Австро-Венгрии.

В 1882 г. австрийские власти организовали имевший большой резонанс политический процесс по делу О. Грабарь и А. Добрянского, обвинив их в государственной измене. На скамье подсудимых оказался также и ряд других деятелей галицко-русского движения, включая В. Площанского и И. Наумовича, который обвинялся в «возбуждении симпатий к России» и «распространении отвращения к австрийским политическим учреждениям и церковной унии». Наиболее суровый приговор в итоге был вынесен Наумовичу, который помимо предварительного шестимесячного заключения был вынужден отсидеть в тюрьме ещё восемь месяцев. После выхода из тюрьмы Наумович принял православие, а в 1886 г. вместе с семьёй эмигрировал в Россию. Таким образом австрийское правительство избавилось от талантливого, принципиального и популярного в народе галицко-русского патриота, который являлся серьезным препятствием в реализации Веней «украинского проекта». По справедливому замечанию русского публициста – современника данных событий, процесс О. Грабарь и А. Добрянского стал «началом австро-польских насилий, преследовавших в борьбе с влиянием России... уничтожение галицко-русского народа».

Общее положение в Галиции в культурно-языковой и образовательной сфере в конце XIX в., когда австро-польский проект этнокультурной инженерии, направленный на трансформацию идентичности галицких русинов, заработал

«Жажда славянской крови помрачила умы...»

в полную силу, один из признанных лидеров галицко-русского движения И. Наумович оценивал довольно пессимистично. По словам Наумовича, «нам грозит уничтожение нашей национальности. Нам несвободно иметь свой литературный язык. Нам велят довольствоваться простонародным наречием. Нам нельзя решать вопросов о своём языке и его грамматике. Наш язык идёт через польское решето: здоровое зерно отделяется, как московщина, а высевки оставляются нам из милости. Русских чиновников предают опале. Не остается нам ничего, как уйти из родной земли!».

Один из литературных героев И. Наумовича в конце XIX в. выражал пожелание скорейшего примирения между галицко-русскими деятелями и украинофилами, мечтая о достижении «нашего домашнего взаимного согласия, чтобы все мы утвердились на наших старых русских началах, чтобы вся наша Русь была с одним великим русским сердцем и одной душою!». Однако развитие общественно-политической ситуации в Галиции в конце XIX века пошло по совершенно иному сценарию, написанному австрийскими и польскими властями. Вместо «домашнего взаимного согласия», к которому тщетно призывал Наумович, между русскими галичанами и украинофилами произошёл окончательный раскол, подготовленный и организованный польской администрацией Галиции в 1890 г., когда после консультаций с заместителем Галиции К. Бадени русинский депутат галицкого сейма Ю. Романчук провозгласил программу соглашения с поляками, получившую название «Новая эра». Главные пункты программы Романчука, продиктованные Бадени, гласили, что русины являются самостоятельным народом, «отдельным от польского и российского», и на

этом основании желают развивать свою народность и язык. По словам галицко-русского публициста О. Мончаловского, данная программа означала «отречение от племенной связи с остальным русским миром...». Провозглашение этой программы положило начало системному преследованию русского литературного языка в Галиции, против которого, по выражению хорошо информированного русского современника и очевидца событий, «начался крестовый поход», а также связанная с ним кампания шельмования, дискриминации, открытой травли и преследований галицко-русских деятелей, не принявших «Новую эру». В конце концов, подобная политика Вены закончилась виселицами и концлагерными ужасами Терезина и Талергофа.

* * *

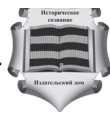
Начало Первой мировой войны было в полной мере использовано австро-венгерскими властями в качестве формального предлога для развязывания открытого террора против галицко-русского населения, включая не только его руководителей, но и простых крестьян, исповедовавших идеи общерусского единства.

Сразу после начала войны австро-венгерскими властями «одним махом пера были закрыты все галицко-русские институты, организации, бурсы, приюты, редакции газет, учреждения. Всё имущество подверглось грабежу и разгрому. На основании подлейших доносов в несколько дней были переполнены все львовские тюрьмы русинами». Значительная часть арестованных в начале войны галицких русинов оказалась в печально известном австрийском концлагере Талергоф, который был создан в начале сентября 1914 г.,

став символом страданий галицко-русского народа во время «Великой войны».

Описывая положение в Галиции в самом начале войны, известный галицко-русский общественный деятель и литератор В. Р. Ваврик, бывший не только свидетелем описываемых событий, но и узником австрийских концлагерей, констатировал позже, что «стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную жертву. В отчаянном страхе метался галицко-русский народ из стороны в сторону и не знал, куда бежать. Немцы и мадьяры бесились, как гады, и причину своих отступлений и поражений старались оправдать неблагоприятным поведением и изменой галицко-русского населения. В манифестах и воззваниях военные и административные власти обещали от 50 до 500 крон каждому, кто донесет на русина...». Ваврик зафиксировал огромное число беспрецедентных по жестокости военных преступлений австро-венгерских властей против мирного галицко-русского населения. Так, по свидетельству Ваврика, в селе Цуневе Городоского уезда Галиции «австрийские вояки арестовали 60 крестьян и 80 женщин с детьми. Мужчин отделили от женщин и поставили у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шею и вешал одного за другим. Через несколько минут остальные солдаты снимали тела, а живых докалывали штыками. Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы... В селе Кузьмине Добромильского уезда австрийцы вбивали в стены хат железные крюки и вешали на них людей. В один день повесили 30 крестьян. Австро-мадьярский террор сразу охватил Прикарпатскую Русь. Жажда славянской крови помрачила умы и помыслы военных и мирских подданных Габсбургской монархии...»

Одним из наиболее кровавых эпизодов развязанного австро-венгерскими властями террора против галицко-русского населения стал погром в Перемышле 15 сентября 1914 г., когда группа арестованных русинов из 46 человек была атакована венгерскими гонведами, австрийскими пехотинцами и озверевшей толпой. «Наступил бесовской погром, какого древний город не знал в своей богатой истории: били и секли саблями гонведы-уланы, кололи штыками пехотинцы, били кулаками и камнями евреи...», – отмечал В. Р. Ваврик. – Брызги крови и мозга летели на мостовую... Из тел изрубленных людей образовалась сплошная масса размозженного мяса...».

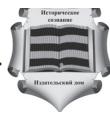
Характеризуя первые годы войны и репрессии австро-венгерских властей против русинов Галиции, Буковины и Угорской Руси, представители карпато-русской диаспоры Северной Америки в своём «Меморандуме Русского Конгресса в Америке», созданного «Союзом освобождения Прикарпатской Руси» 13 июля 1917 г. в Нью-Йорке, писали: «Как только Австро-Венгрия объявила войну России, более 30 000 русских людей – австрийских подданных в Галичине, Буковине и Угорской Руси были арестованы, избиты австрийскими жандармами, полицией и войском, подвержены неопишваемым мучениям и заключены в неподдающиеся по своему ужасу описанию, концентрационные лагеря... В одном лишь Талергофе, в продолжение нескольких недель, их умерло 1 500 человек от побоев, болезней и голода... Над мирным русским населением в Прикарпатской Руси... немцы и мадьяры издевались таким нечеловеческим образом и сделали над ним столько насилий и зверств, что они ни в чём не уступают зверствам турок в Армении... Лишь за первые

— *«Жажда славянской крови помрачила умы...»* —

девять месяцев войны немцы и мадьяры расстреляли и повесили в Галичине, Буковине и Угорской Руси 20 000 людей. Сколько русского народа перевешали они во время своего наступления в 1915 г. и в продолжение 1916 и 1917 годов – не поддается никакому исчислению...». Современные историки полагают, что общее число русинов – представителей мирного населения, ставших жертвами австро-венгерского террора в ходе «Великой войны», составило не менее 150 тысяч человек.

Осмысливая трагедию русинского народа во время Первой мировой войны и роль в ней активистов местного украинского движения, галицко-русские общественные деятели писали впоследствии, что «в то время как... террор в Бельгии или других странах всецело объясним одним фактором – войной..., в отношении Прикарпатской Руси этого недостаточно. Война тут была лишь удобным предлогом, а подлинные причины этой позорной казни зрели у кого-то в уме самостоятельно... Исключительным объектом... австро-мадьярских жестокостей... было русское народное движение, т.е. сознательные исповедники национального и культурного единства малороссов со всем остальным русским народом... Прикарпатские «украинцы» были одним из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, – отмечали галицко-русские деятели, – что карпато-русский народ вообще, а наше русское национальное движение в частности с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии... на положении казнимого преступника». Впрочем, некоторые польские историки, столь трепетные и чуткие к страданиям собственного народа, ста-

вят под сомнение страдания русинов во время Первой мировой войны, по меньшей мере бестактно рассуждая о «мифе мартирологии» и о «легенде Галергофа».

Очевидцами многочисленных военных преступлений Австро-Венгрии против галицко-русского населения стали и российские журналисты, посетившие Восточную Галицию после занятия её русской армией осенью 1914 года. По словам корреспондента московской газеты «Голос Москвы», который посетил Восточную Галицию и Львов в октябре 1914 г. сразу после его занятия русскими войсками, «быть арестованным и отведенным в военно-полевой суд, заседавший в каждом местечке, считалось счастьем, ибо в большинстве случаев палачи казнили на месте. Казнили врачей, юристов, писателей, художников, не разбирая ни положения, ни возраста».

Публикации российской прессы, посвящённые положению в занятой русскими войсками части Галиции, свидетельствовали о мощных русофильских настроениях значительной части галицких русинов. Так, 9(22) сентября 1914 г. назначенный генерал-губернатором Галиции граф Г. А. Бобринский принял в своей резиденции во Львове многочисленную делегацию представителей 19 галицко-русских обществ во главе с доктором В. Ф. Дудыкевичем, бывшим депутатом галицкого сейма и одним из лидеров Русской народной партии Галиции, которая выступала с позиций общерусского единства. Представители галицких русинов во главе с доктором Дудыкевичем выразили радость в связи с освобождением от австрийского ига и заявили о своих верноподданнических чувствах по отношению к императору всероссийскому. В свою очередь, 15(28) сентября 1914 г.

Николай II в своей телеграмме генерал-губернатору передал благодарность депутациям галицко-русских организаций.

Доказательством того, что, несмотря на успехи подерживаемого Веной украинского движения, широкие русофильские настроения сохранялись среди широких масс галицких русинов, являлось авторитетное свидетельство М. М. Пришвина, который, посетив Восточную Галицию осенью 1914 г., отмечал, что в тылу русской армии было совершенно безопасно даже в самых «мазепинских местах». Пришвин писал, что «почти нигде не было войск, даже разъездов, патрулей, и везде было так, как будто едешь по родной земле, способной нести крест татарского и всякого ига».

В годы Первой мировой войны информация о преследованиях галицких и угорских русинов со стороны австро-венгерских властей активно публиковалась и на страницах карпато-русской прессы в Северной Америке; при этом многие карпато-русские издания в США открыто призывали к присоединению Карпатской Руси к России. Так, газета «Народна обрана», орган влиятельной среди американских русинов «Американско-Русской Народной Обраны», отстаивая необходимость присоединения Карпатской Руси к России, писала в августе 1917 г., что «присоединение к русским владениям вотчин св. Владимира, Руси Червонной и Карпатской – утвердит на долгие века верховодящую роль России в славянстве, оспариваемую Австрией и Германией... Воссоединение Прикарпатской Руси диктуется... не какими-нибудь корыстными целями, а целями этическими и стратегическими, целями самообороны... В Галиции был создан головной операционный базис против России. Там свили себе гнездо... польские «ягеллоновцы», мечтающие о воскресении,

с немецкой помощью, исторической Речи Посполитой с включением Бело- и Малороссии. Там дало буйные всходы семя «мазепинства», созданное для расчленения... единого русского народа... Австрийский империализм, – подводила итог североамериканская «Народна обрана», – был построен на «ягеллонстве» и «мазепинстве».

Карпато-русская пресса в Северной Америке как в ходе Первой мировой войны, так и после её окончания крайне негативно и критически отзывалась об украинском движении в Галиции, подчеркивая его искусственный характер, антиславянскую направленность и полную подчиненность политическим интересам Германии и Австро-Венгрии. Влиятельный среди многочисленной карпато-русской диаспоры в США и Канаде «Американский русский вестник» – орган греко-католических русских братств в Северной Америке – писал в феврале 1930 г., что «украинизм есть творение немецкой политики, которая не хотела, чтобы подкарпатский и галицийский русский народ соединился и добился свободной национальной жизни. Немецкая политика и гроши, – подчеркивал «Американский русский вестник», – сотворили в Галиции украинизм на стыд и поругание русского народа...».

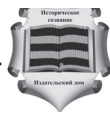
* * *

Трагедия русинов Галиции и Угорской Руси во время Первой мировой войны нашла своё отражение и в художественной литературе. Знаменитый австрийский писатель Йозеф Рот, уроженец галицийского местечка Броды, тонкий знаток галицких реалий и участник «Великой войны», в своём самом известном романе «Марш Радецкого», посвящен-

ном ностальгически-философскому осмыслению неминуемого заката империи Габсбургов, для показа ужасов Первой мировой войны выбрал именно Галицию. Изображая атмосферу антирусского психоза и шпиономании, охватившей австро-венгерскую администрацию Галиции сразу после начала войны, Рот писал: «Из штаба армии поступали многочисленные и весьма разноречивые приказы. Большинство их касалось... мероприятий против русофильски настроенных украинцев, попов и шпионов. Торопливые полевые суды выносили опрометчивые приговоры. Тайные шпики строчили бесконтрольные доносы на крестьян, учителей, фотографов, чиновников. Приходилось спешно отступать и также спешно карать предателей. ...Война австрийской армии началась с полевых судов».

В романе Й. Рота описывается ряд кровавых эпизодов, свидетельствующих о крайней жестокости австрийских военных властей по отношению к мирному галицко-русскому населению, что прямо перекликается со свидетельствами В. Р. Ваврика и других очевидцев трагедии галицких русинов. «В церковных дворах сёл и в деревушках раздавались выстрелы торопливых исполнителей опрометчивых приговоров, и мрачная барабанная дробь сопровождала монотонные, зачитываемые аудиторами решения судов, – размеренно повествует Й. Рот, – жёны расстрелянных, вопя о пощаде, валялись перед выпачканными в грязи сапогами офицеров, и пылающий, красный... огонь вырывался из хижин, овинов, сараев и скирд... По целым дням висели подлиннные и мнимые предатели на деревьях церковных дворов, наводя ужас на всех живущих. А живые разбегались куда глаза глядят...».

О масштабах и технологиях истребления галицких русинов австрийской военщиной свидетельствует описанный Й. Ротом эпизод поисков воды в галицких селах подразделением главного героя романа «Марш Радецкого» – австрийского лейтенанта фон Тротта. «Они прошли через несколько деревень, – пишет Й. Рот, – но колодцы были повсюду забиты телами убитых и казнённых...». Самоотверженно пытаюсь набрать два ведра воды для солдат своего подразделения, погиб последний представитель дворянского рода фон Тротта – молодой лейтенант фон Тротта, которому казачья пуля прострелила голову. Гибель единственного сына лишь ненадолго смог пережить его престарелый отец, потрясённый обрушившимся на него горем.

Ценные зарисовки, отражающие положение русинов во время «Великой войны», содержит и знаменитый роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», который, наряду с многочисленными литературными и художественными достоинствами, имеет колоссальную ценность в качестве оригинального исторического источника. Описываемые в романе события пропущены сквозь призму личного восприятия автора – не только современника и наблюдателя, но часто и прямого участника данных событий, что в известной степени размывает границы между реалиями и художественным вымыслом. Известно, что в образе ироничного и склонного к розыгрышам вольноопределяющегося Марека Гашек в определенной мере изобразил самого себя. Роман в концентрированной форме доносит до читателей неповторимый колорит изображаемой эпохи, отражая состояние чешского общества в начале XX века, сложные межнациональные отношения в монархии Габсбургов и

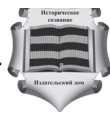

восприятие начавшейся Первой мировой войны многонациональным населением Австро-Венгрии.

Роман Гашека содержит несколько коротких, но ярких и выразительных эпизодов, непосредственно касающихся положения карпатских русинов, которые в то время были подданными Австро-Венгрии, исчезнувшей с политической карты Европы после Первой мировой войны. Гашек отнюдь не случайно уделил внимание русинам: во-первых, сказался его интерес к славянским народам и стойкие русофильские настроения; во-вторых, во время своих странствий по Венгрии и Галиции он сталкивался с местными русинами и уже имел о них определенное представление.

Краткое, но сочное и емкое упоминание о трагической судьбе Галиции и её русинского населения содержится в описании кабинета австрийского военного следователя Берниса, на допрос к которому бравый солдат Швейк угодил сразу после начала войны. «Нельзя сказать, чтобы обстановка здесь производила очень приятное впечатление, особенно фотографии различных экзекуций, произведённых армией в Галиции и Сербии, – с грустной иронией замечает Гашек. – Это были художественные фотографии спалённых хат и сожжённых деревьев, ветви которых прогнулись под тяжестью повешенных...». С нарастающим сарказмом Гашек продолжает: «Особенно хороша была фотография из Сербии, изображавшая повешенную семью: маленький мальчик, отец и мать. Двое вооруженных солдат охраняют дерево, на котором висит несколько человек, а на переднем плане с видом победителя стоит офицер, курящий сигарету...».

В романе Гашека показано, что жестокость к местному

населению оккупированных территорий и звериные инстинкты среди солдат австро-венгерской армии всячески поощрялись командованием. Так, старый сапёр Водичка рассказывал Швейку, что во время пребывания его подразделения в оккупированной Сербии австрийским солдатам, соглашавшимся выступить в роли палача по отношению к мирному сербскому населению, командование выдавало дополнительные порции сигарет. По словам сапёра Водички, избалованный чешскими солдатами его подразделения такой добровольный палач и любитель сигарет был казнен ими в результате скорого и сурового солдатского самосуда... Несколько словесных штрихов, сделанных рукой мастера, рисуют яркую и трагическую картину австрийских военных зверств над мирным населением Сербии и Галиции, напоминающих военные преступления немецких нацистов. Примечательно, что примерно в это же время, в начале сентября 1914 г., по решению австрийских властей был создан печально известный концлагерь Талергоф, предназначенный для тех русинов Австро-Венгрии, которые исповедовали общерусские идеи и цивилизационное единство с Россией. Жертвами Талергофа стали тысячи галицких русинов, брошенных в концлагерь только за то, что они придерживались русофильских взглядов.

С прибытием воинского подразделения Швейка в Угорскую Русь, являвшуюся в то время частью Венгрии, чешские солдаты полностью окунулись в прифронтовую атмосферу и стали свидетелями тяжелого положения местного русинского населения. По словам Гашека, «отчётливо были видны следы боёв... Там и сям виднелись сожжённые крестьянские усадьбы. Тут солдаты своими глазами увидели,

как жестоко после ухода русских обращаются власти с местным населением, которому русские были близки по языку и религии».

Выразительный эпизод, непосредственным свидетелем которого, судя по всему, был сам Гашек, также имел место на территории Угорской Руси. «На перроне, окруженная венгерскими жандармами, стояла группа арестованных русинов. Среди них было несколько православных священников, учителей и крестьян, – размеренно повествует Гашек. – Руки им связали за спиной верёвками, а сами они были попарно привязаны друг к другу. У большинства носы были разбиты, а на головах вздулись шишки. Поодаль забавлялся венгерский жандарм. Он привязал к левой ноге православного священника веревку, другой конец которой держал в руке и, угрожая прикладом, заставлял несчастного танцевать чардаш. Жандарм время от времени дергал за веревку и священник падал. Так как руки у него были связаны за спиной, он не мог встать и делал отчаянные попытки перевернуться на спину, чтобы таким образом подняться. Жандарм хохотал от души, до слез...». Чешские офицеры, впрочем, не разделили веселья венгерского жандарма. По словам Гашека, «этот эпизод стал поводом для крупного разговора в штабном вагоне, и большинство офицеров осудило такую жестокость». Конец забавам венгерского жандарма положил местный жандармский полковник, который, как поясняет наивным читателям Гашек, руководствовался при этом отнюдь не соображениями гуманизма, поскольку его приказ «отвести арестованных за вокзал, в пустой сарай» был продиктован желанием того, «чтобы никто не видел, как их избивают».

Русины часто становились жертвами и в ходе вполне будничных бытовых контактов с австро-венгерскими военнослужащими. Об этом свидетельствует изображённая Гашеком живописная сцена реквизиции свиней у крестьянина-русина, который вместо обещанной платы получил от австрийского солдата удар прикладом.

Имеются в романе и общие зарисовки с натуры, свидетельствующие о тех колоссальных опустошениях, которым подверглась многострадальная Угорская Русь и её население в ходе военных действий. «Вся Медзилаборецкая долина была разрыта и раскопана, как будто здесь работали армии гигантских кротов, – описывает Гашек состояние западных областей Угорской Руси, в настоящее время являющихся частью северо-восточной Словакии. – Шоссе за речкой было изрыто и разворочено, поля вдоль него истоптаны... В Медзилаборце поезд прошёл мимо разбитого, сожженного вокзала, из закоптелых стен которого торчали искорёженные балки...».

* * *

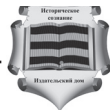
Романы Й. Рота и Я. Гашека стали одними из немногих произведений мировой литературы, где не только затронута до сих пор замалчиваемая проблема австро-венгерских репрессий против мирного русинского населения, но и выражено сочувствие этим многочисленным, но пока, увы, малоизвестным жертвам «Великой войны».

Русинские сюжеты и зарисовки с натуры, содержащиеся в данных произведениях, можно считать художественными иллюстрациями к имеющимся документальным свидетельствам о трагической участи карпатских русинов во время

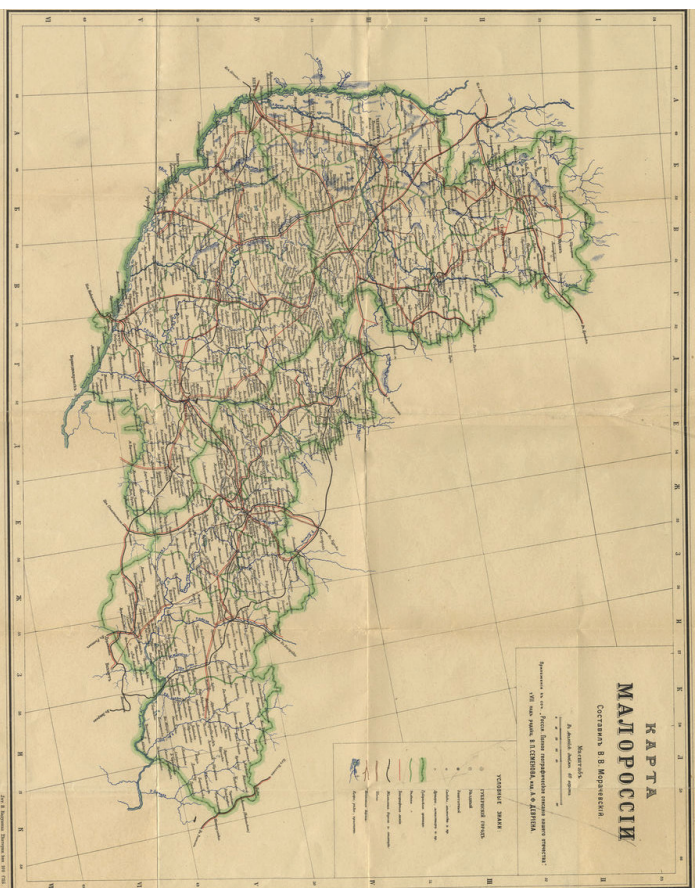
Первой мировой войны. Наблюдения Гашека, в частности, позднее подтверждались и теми представителями Чехословакии, которые специально изучали положение угорских русинов во время войны. Известный чехословацкий литератор и публицист А. Гартл в 1925 г. писал в авторитетном пражском славистическом журнале «Словански пршеглед», что Первая мировая война стала одной из самых трагических страниц в истории Угорской Руси. По словам Гартла, «полумиллиону угорских русинов был вынесен смертный приговор... Война обрушила на отсталый и обнищавший народ новые страдания. Начались преследования, поскольку мадьяры при приближении русских войск всюду видели панславизм. Русинское духовенство было под наблюдением полиции; в самом начале войны в двух русинских епархиях было арестовано более 100 священников, половина из них была до конца войны интернирована в разных областях южной Венгрии...». По окончании Первой мировой войны после вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии широко распространённые симпатии и сочувствие чехословацкой общественности к трагической судьбе русинов выразились в том, что чехословацкие власти, преследуя собственные цели в Подкарпатской Руси, тем не менее, в меру своих возможностей стремились улучшить положение местного русинского населения. В наибольшей степени это нашло своё выражение в политической, культурной и образовательной сфере.

Романы Й. Рота и Я. Гашека недвусмысленно свидетельствуют о том, что в свете совершённых Австро-Венгрией многочисленных военных преступлений против мирного русинского и сербского населения расхожий имидж Дунай-

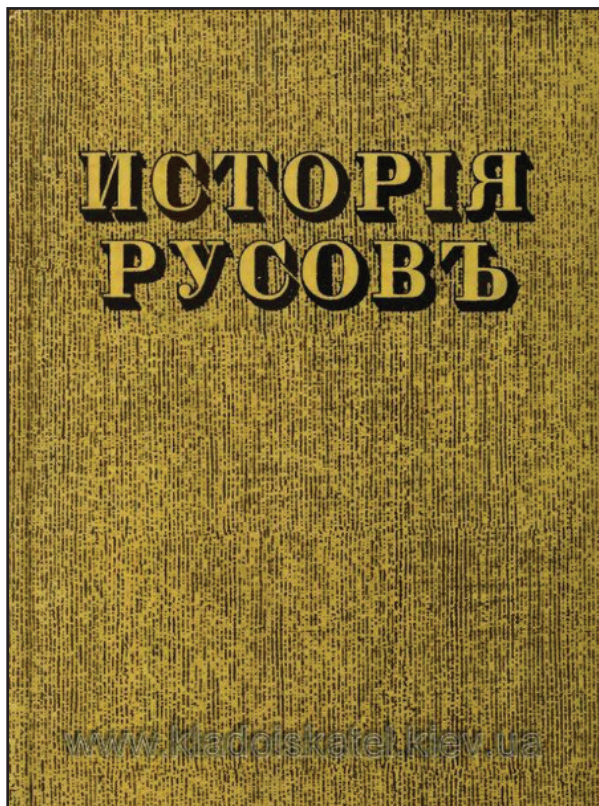

ской монархии как толерантного и цивилизованного европейского государства с венской оперой и вальсами Штрауса в качестве визитной карточки не вполне соответствует историческим реалиям, нуждаясь в существенной корректировке.

Известный немецкий историк, уроженец Богемии и признанный специалист по истории чешско-немецких отношений Фердинанд Сайбт, оценивая в одной из своих работ Австро-Венгрию с точки зрения её государственного устройства и национальной политики, писал, что «монархия Габсбургов при всей сложности её государственной структуры была политическим сообществом высокой правовой культуры. Данная культура оставила в теории и на практике, а также в законодательстве достаточно места для уравновешенности и индивидуальной справедливости, столь редких в сравнении с остальным миром...». Тысячи русинских узников австрийских концлагерей вряд ли согласились бы с этим мнением немецкого профессора. Впрочем, на фоне столь позитивного и, возможно, вполне обоснованного отзыва о национальной политике Вены тем более суровой оценки заслуживают репрессии австро-венгерских властей в отношении карпатских русинов, которые в трагические годы Первой мировой войны приобрели форму откровенного геноцида.

Малороссія в XIX веке

История русов. 1840-е гг.

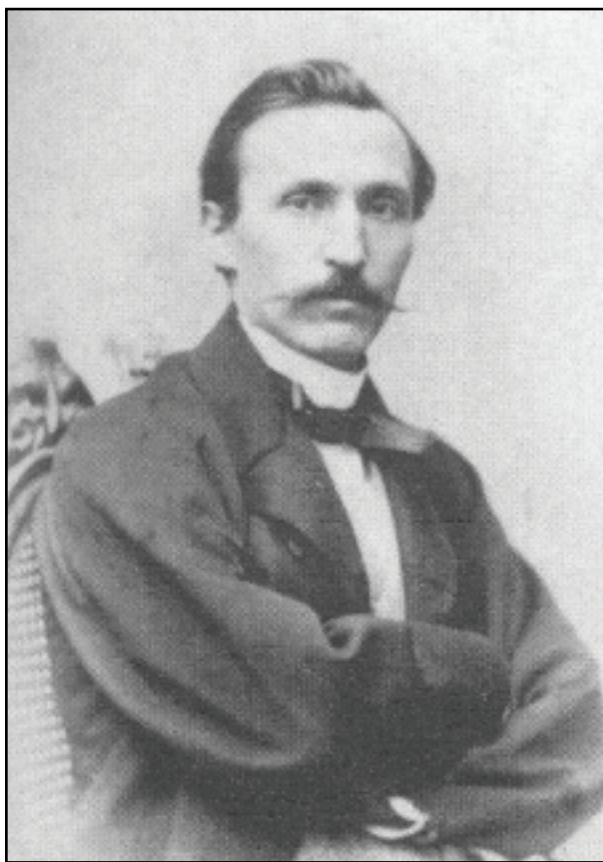
**Разделы Речи Посполитой
(1772 - 1795 гг.)**

П.П. Чубинский

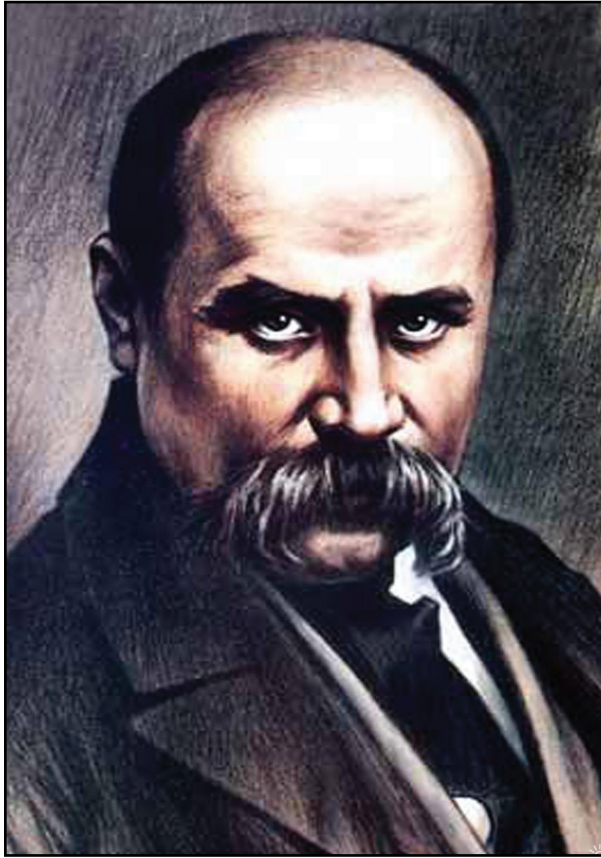
Н.И. Костомаров

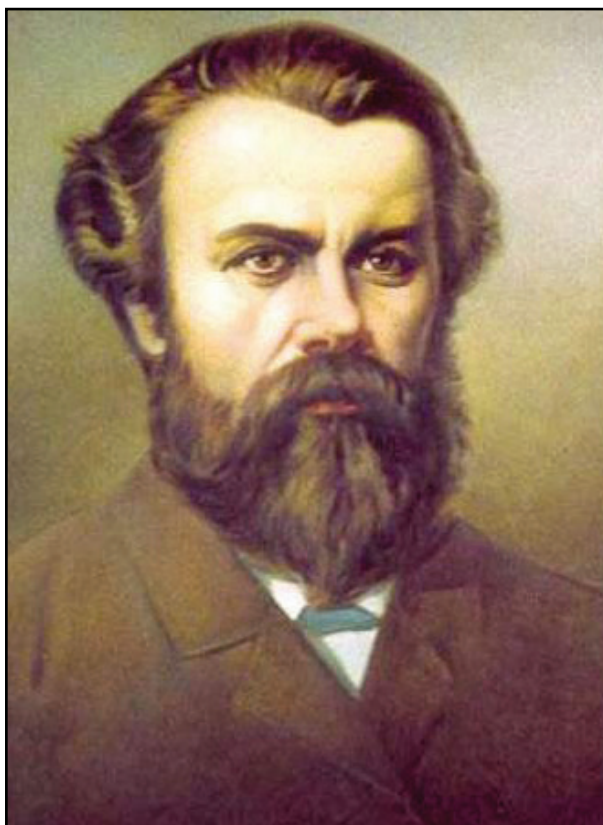
П.А. Кулиш

В.М. Белозерский

Т.Г.Шевченко

М.П. Драгоманов

П.А. Валуев, министр внутренних дел

Секретно. 11

Ст. № 4.

Киевскому Цесуарскому
Комитету.

№ 1000 1860г.

№ 397

Во исполнение представ-
лен, от 27 сего числа прош-
го № 342, предписано Киевско-
му Цесуарскому Комитету,
считать ратифицированными,
только в отношении убогих,
таких отаков, принадлежащих
благородским людям, кото-
рым принадлежат в облас-
ти цесуарской исторической
принадлежности на такие
убогие, как ратифицировано
указом, также уведомил о том
уже назначенный для перво-
начального чтения в сафиде
присутствовать до формирования
будущего по сему предпи-
санию в отделе в установленном
порядке, о чем Комитет бу-
дет своевременно поставлен
в известность.

Исполнительный Цесуарский Комитет

Секретарь Цесуарского Комитета

Валуйский

Валуйский циркуляр

18 Мая 1876... закон Юзефовичів

„Государь Императоръ 18 минушаго мая Всемилости-
вѣйше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ прелѣлы Имперіи безъ осо-
баго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати
какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на
малороссійскомъ нарѣчій.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ
произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчій воспретить,
за исключеніемъ лишь:

а) историческихъ документовъ и памятниковъ,

б) произведеній изящной словесности. Но съ тѣмъ, что-
бы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно
удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ
же изящной словесности не было допускаемо никакихъ
отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и
чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній русской сло-
весности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ *глав-
номъ* управленіи по дѣламъ печати, — и

3. Воспретить различныя сценическія представленія и
чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на
такомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“.

Эмский указ

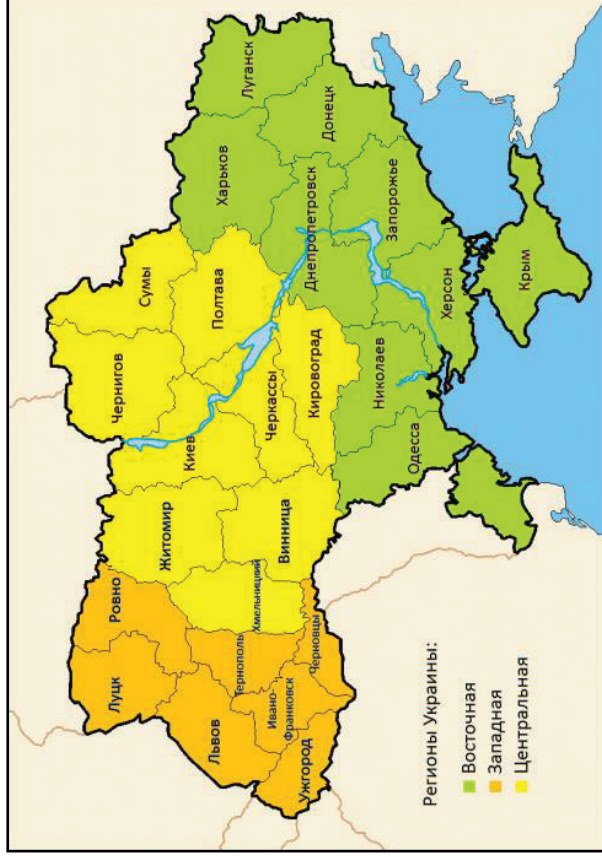
Тимашев А.Е.

Юзефович М.В.

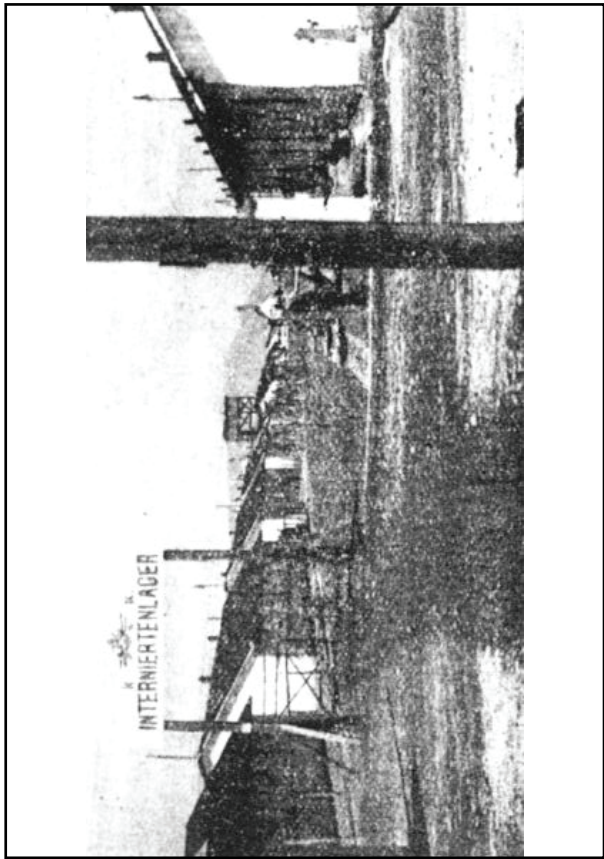
Степан Рудницкий

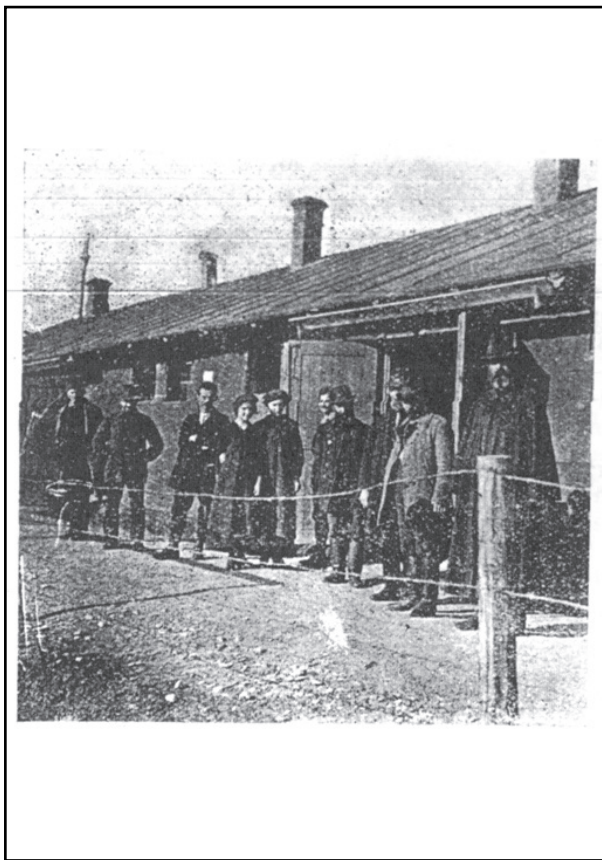
Карта Украины в 1954 - 2014 г.

Галицько-Волинське князівство

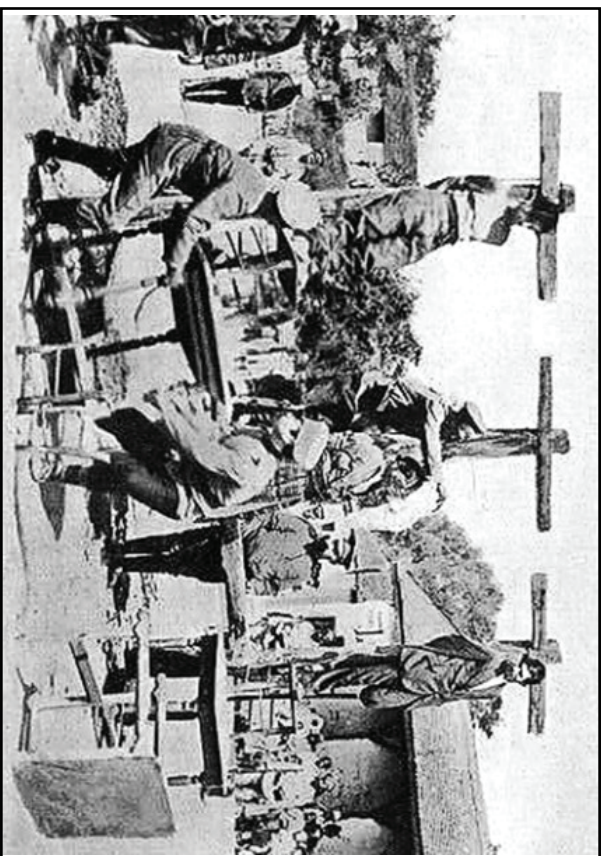
Ворога в Талергоф

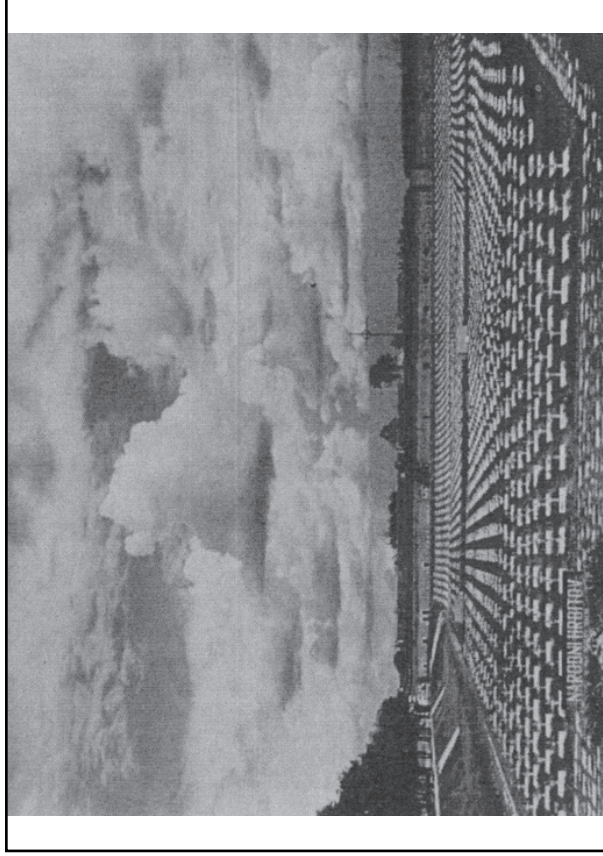
Узники Талергофа

Терезин. План

Расправа над русинами

Кладбище узников Талергофа

Памятник погибшим галергофцам. Львов

Памятник погибшим в Талергофе

Тюрьма в Терезине

II. ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

Во вторую часть сборника вошли документальные свидетельства военных преступлений против мирного русинского населения. Материалы, представленные в настоящем сборнике, отобраны авторами из издания Талергофского комитета «Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг.», созданного узниками одноименного лагеря в первой половине 1920-х годов. «Альманах» выходил в 1920–1930-х годах, был выпущен в четырёх частях. До сих пор «Талергофский альманах» является основным источником при исследовании террора против мирного населения со стороны Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Данный сборник содержит воспоминания узников Талергофа, их дневники, документы того периода, среди которых нормативные акты Австро-Венгерской империи, акты судебного делопроизводства, выдержки газетных статей той эпохи.

Среди основных источников, которые исследовали авторы настоящего издания, следует назвать также произведения узников Талергофа, а именно: рассказ В. Р. Ваврика «Талергоф и Терезин», дающий чёткое представление о тех издевательствах, которые происходили с народом, считавшим себя частью Русского мира и желавшим жить по канонам православия.

Незаменимым источником при изучении темы исследования являются отрывки из газетных статей того времени, в частности газет «Прикарпатская Русь», «Дило», «Львовский вестник» и др., которые повествуют о методах борьбы против «русофильской пропаганды» со стороны властей

Австро-Венгрии.

Впервые источники по теме были опубликованы в 1920–1930-е годы узниками Талергофа. Среди документальных свидетельств террора в Талергофе, введенных в оборот, следует отметить «Талергофский альманах» в четырёх частях и «Терезин и Талергоф» В. Р. Ваврика, изданный в 1928 году во Львове. Рассказ В. Р. Ваврика, известного историка, краеведа и литератора, переиздавался в США в 1966 году (благодаря карпаторусскому меценату, эмигрировавшему в США П. С. Гардому), а также в Москве в 2001 году Институтом стран СНГ.

До настоящего времени в России не издавался комплекс документов, свидетельствующих о преступлениях против русинов.

Данный сборник стал первой попыткой комплексного исследования всего массива документов по исследуемой теме. Документальные материалы о Талергофе впервые публикуются в современной орфографии русского языка, что делает их тексты более понятным современному читателю.

Все документальные источники, представленные в данном сборнике, были разделены авторами на пять частей. В первую часть вошли документальные свидетельства, представляющие из себя доносы на русофилов и документы судебного производства. Вторая часть документального приложения содержит документы, освещающие борьбу властей Транслейтании и Цислейтании против русского языка и пропаганды. В третьей части документального приложения находятся воспоминания узников Талергофа, их дневники. В четвёртую группу документального приложения включены отрывки из газет той эпохи, свидетельствующие о тер-

роре властей Австро-Венгрии над мирными жителями. Пятая часть документального приложения содержит материалы, описывающие борьбу властей Австро-Венгрии против общественных организаций и газет русофильского толка.

2. 1. Доносы на русофилов и судебное производство

ДОКУМЕНТ № 1

Список политически неблагонадежных («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 26)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
По- мер	Фамилия и имя	Год рожде- ния	Посто- янное место- житель- ства	Семей- ное по- ложе- ние Пред- полага- емые дети	Иные родствен- ники	Профес- сия	Подробные сведе- ния, почему яв- ляется неблагона- дежным Соответственно подозреваемым	Какие меры отно- сительно них при- нять по тревоге в случае мобили- зации	Примечания
1	Габриель Мулкивци	1871	Ками- онка	Женат, 4 детей	В Ками- онке от- сутству- ют	Кузнец	Расист, посещает Россию, агитатор	Под строгим на- блюдением, воз- можен арест!!	
2	Доктор Ладислаус Ступники	1851		8 детей	-	Врач	Глава русофиль- ской партии	Сослать вглубь страны!	
3	Роман Ступники	1890		Женат, 2 ребенка	Отец 2 матери 2 кухни	Слуша- тель пра- ва в Лем- берге	Агитатор и сто- ронник Марков- ского кандидата	Под строгим на- блюдением, при возможности выслать вглубь страны	
4	Йоханн Халуццо	1882	Крени- ов	Жена и 1 ребе- нок	Брат и зять	Подёнщик	Глава объеди- нения «Русская друтина»	Под строгим на- блюдением, воз- можен арест!!	
5	Дмитро Песух	1860	<	-	Отец и брат	Писатель Общины	Ревностный сто- ронник и глав- ный защитник, Хреннова сильно придерживаю- щегося русофильской пропаганды	(Лекарственная терапия и техни- ческая инструк- ция по испыта- ниям)	
6	Йоханн Панас	1883	> HNr103	-	Мать, сестра и брат	Подёнщик			
7	Йоханн Музюк Сын Хрюко	1880	> HNr364	-	-)			
8	Симеон Свисики	1852	Убини	Жена и 4 детей	-	Отставной школь- ный Учитель	Ревностный ру- софильский аги- татор	Строгие бдитель- ные Действия, Сослать вглубь страны	
9	Юлиус Цилески	1856	>	1 сын 3 дочери	-	Пастор	Русофил		
10	Йоханн Сорока	1870	Рценнов	4 ре- бенка	Брат и родствен- ники	Началь- ник об- щины	Ревностный ру- софил	Строгие бдитель- ные Действия, аре- стовать	Неразбор- чиво
11	Йоханн Мюсков	1876	>	Жена и 2 ре- бенка	Отец, брат и 2 сестры	Писатель Общины	Глава российской пропаганды		Как писа- тель общи- ны вовремя и без задер- жек

Доносы на русофилов и судебное производство

12	Иохан Козак		>	-	Родители	Помощник в земельном Хозяйстве	Ревностный русофил	Военнообязанный (земельное хозяйство) Под строгим наблюдением, Возможен арест	
16	Лико Романов Сын Олекса	1877	Дело в H№г 70	3 ребенка	Многочисленные Родственники	Земледелец	Фанатичный сторонник российской государственной идеи и агитатор	Под строгим наблюдением, возможен арест	
17	Лико Косцунски	1870	Хута Полоника H№г 10	Жена и ребенок			Ревностный агитатор –подозреваемый в шпионаже	арестовать	Перехватить предателя и перевести самолетом в Лемберг
21	Кирило Прютула		Полоника H№г 56	Жена и 4 детей			Радикальный русофил и агитатор	Строгие бдительные действия, Сослать вглубь страны	Взяться за повторяющиеся поездки в Россию
23	Михазль Бабирики	1882	Рожденный в Хута Полоника	-	Родственники (Брат) в Хута Полоника	Якобы управляющий имением в Би-ла Церква (Россия)	Подозреваемый в шпионаже - прибыл повторно из России	Строгое и длительное наблюдение и арест	
24	Стефан Пехник	1884	Полоника H№г 115	-	Отец Тимофей братья с сестрами	Ткач и помощник в земельном хозяйстве	Ревностный сторонник и деятельный приверженец русофильской (разрушительной) пропаганды	арестовать	Очень подозрительный Имеет несколько классов гимназии
25	Иоханн Лоцински	1854	Хорпин	3 ребенка	-	Пастор	Ревностный русофил	Под наблюдением - возможно, сослать вглубь страны	
26	Нрюнко Косцуки	1870	Соколов H№г 8	Жена и 3 детей	Многочисленные родственники в Оргшафт	Земледелец	Фанатичный агитатор, русофильски настроенный Лицемерный и хитрый	арестовать	Опасно! Не-разборчиво
27	Федко Косцуки		Дгто H№г 72	Жена и 4 детей			Ревностный агитатор Русофил	Под строгим наблюдением, возможен арест	Старший в русофильском объединении Не-разборчиво
53	Иохан Йасков	1885	Соколе	-		Земледелец резерв Корпораль 80	Имеющий русофильские взгляды, ревностный агитатор	Под строгим наблюдением, возможен арест или включить в ряды солдат	
56	Теодор Йасков Сын Стефана	1889	Дгто	-		Помощник в земельном хозяйстве	Ультрарадикальный русофил	Под строгим наблюдением, возможен арест	
57	Васил Лабай		Дгто	2 ребенка	-	Кузнец	Русофильский агитатор	Под строгим наблюдением	
60	Александр Курий	1878	Буск	Жена и 2 ребенка	Семья	Являющийся продавцом	Радикальный русофил и агитатор	Под строгим наблюдением, в перспективе арестовать	Неразборчиво

ДОКУМЕНТ № 2

**Записка командованию императорско-королевской
земельной жандармерии № 13
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 30-31)**

«Императорско-королевскому командованию
Отделение № 1 в г. Черновцы
земельной жандармерии № 13. пост № 16
порядковый номер 24 на вокзале г. Новоселица
Деаковски, Билински дэ Сайеса
и Иванусса, подозреваемые в шпионаже.

Командованию

императорско-королевской земельной жандармерии № 13
Вокзал Новоселица, 13 февраля 1914 в г. Черновцы

13 февраля 1914 года состоялась встреча Старшего на-
ряда жандармерии Эмилиана Пасканиука с мужчиной при-
мерно 28-30 лет, отдавшего лучшие годы своей жизни Мар-
марош-Сигготскому процессу.

В продолжение этого мужчина рассказал Пасканиуку,
что некоторые личности из Чорткова уже давно состоят в
переписке с графом Бобринским, подозреваемым в шпиона-
же или пропагандистских замыслах и получающим от него
финансовую помощь, а именно:

Дьяковский, комиссар императорско-королевского
окружного состава рядовых г. Чортков,

Билинский дэ Салесса, священник высшей категории в
Чорткове и

Иванусса, судья в Чорткове.

Где и кто есть этот человек и откуда он родом, Паска-
ниук не знает, к тому же сообщает, что он служит в армии в

Черновцах, его также часто видят в Черновцах.

Сообщение предоставлено командованию императорско-королевской земельной жандармерии № 13 и командованию отделения императорско-королевской жандармерии № 1 в Черновцах.

Вопата, началь-
ник караула»

ДОКУМЕНТ № 3

**Записка командованию императорско-королевской
земельной жандармерии № 13
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 31-32)**

«Командованию императорско-королевской земельной
жандармерии № 13

Пред. Черновцы, 15 февраля 1914.

Номер 31 res R.A./*BLG.

Отделение генерального штаба императорского и коро-
левского 11-го корпуса

Черновцы, 16 февраля 1914.

Лемберг

Для сведения.

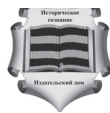
Подпись неразборчивая»

ДОКУМЕНТ № 4

**Записка Открытой жандармерии офицерскому штабу
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 31-32)**

«Отделение генерального штаба императорского и ко-
ролевского 11-го корпуса

Пред. Лемберг, 19 февраля 1914.

Номер 261../*ВІgn.

Открытой жандармерии – офицерскому штабу
в Лемберг, 19 февраля 1914

Станислав

Будет просьба, перепроверить значащиеся на обороте
страницы/ на следующей странице сведения и сюда сообщ-
ить результат сбора сведений.

Сбор сведений нужно провести строго конфиденциаль-
но и незаметно.

g. g R

Пред. Станислав 20 февраля 1914

Открытому Императорско-королевскому офицерскому
штабу

Е Номер 54 res с приложением»

ДОКУМЕНТ № 5

**Записка Отделению генерального штаба
императорского и королевского 11-го корпуса
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 32-33)**

«Отделению генерального штаба императорского и ко-
релевского 11-го корпуса в Чертков. 10 марта 1914

Лемберг

Комиссар по имени Дьяковский здесь неизвестен и не
числится, это имя неизвестно. Если некто Кирилл Дьяков-
ский, тем не менее, существует, то я сообщаю, что он пере-
водился один год назад во Львов как финансовый советчик.
Тем не менее, он считался здесь неопасным.

Греко-католический священник Билинский де Салесса
никогда не был в Черткове, а был в Шманьковцах, район
Черткова. Он прибывал примерно 3 года назад как насто-

Доносы на русофилов и судебное производство

атель после Станислава (ныне Ивано-Франковск), был переведен отсюда по прошествии некоторого времени в Доброполье. Он считается одним из опаснейших украинских агитаторов.

Судья Иванусса, больше года как переведен в Чертков; убежденный русофильский агитатор, считался очень пристрастным судьей, и было также известно, что он наказывался в дисциплинарном порядке из-за своей пристрастности, которая базировалась на национальной основе.

То, что Иванусса как Билинский получает русские деньги с целью агитации, является достоверным!

Подпись неразборчивая

ВТ. Е NO. 54 res. Adj. При рассмотрении!

К. к. Экспонируемый штабной офицер в Станиславе
Станислав 11 марта в 1914.

Экспонируемый штабной офицер временно освобожден от обязанностей.

Императорский и королевский

Подпись неразборчивая

Императорское и королевское Отделение генерального штаба 11-ого корпуса

Пред. Львов, 14/3 1914

К. Номер 261./* ВІgn.»

ДОКУМЕНТ № 6

Решение военно-полевого суда об исполнении смертного приговора в отношении русофила («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 34)

«От имени его Величества Кайзера и Святейшего короля Венгрии, суд императорско-королевского командования армии в Кракове, филиал в Новы-Сонч, в качестве военно-полевого суда под председательством майора Виктора Полли и под руководством майора аудитора доктора Мечислава Бельского, в присутствии лейтенанта ландштурма Йохана Душа, исполняющего обязанности секретаря, старшего лейтенанта аудитора Йозефа Вондрача, в качестве обвинителя, и старшего лейтенанта аудитора Юлиана Фулайта, в качестве защитника, провели затем судебное разбирательство в отношении Петра Сандовича, священника, и его сына Антона Сандовича, обвиняемых в совершении Государственной измены, согласно статье 344 закона. По выдвинутому обвинению, согласно закону, приговорены:

Петер Сандович, рожден 29 июня 1858 года в Зегестове, округ Новы-Сонча, греко-католик, женат, отец 9 детей, священник в Брунари;

Антон Сандович, 27 лет, рожден в Ростока Велка, округ Новы-Сонча, греко-католик, холост, слушатель университета, виновны в том, что в сентябре месяце 1914 г. составляли листовки в Избы, епископатом некоего Никона, согласно которым население Галиции освобождалось от подданства, распространены среди населения, что исключало опасность, привнесенную в страну извне. Таким образом, они совершили преступление государственной измены в соответствии со

— Доносы на русофилов и судебное производство —

статьей 334 0. и будут согласно статье 444 и предписанию от 5 августа № 122, приговорены к смерти через расстрел.

Военно-полевой суд принял как доказанное, а тем более на основании результатов дознания, что оба обвиняемых настроены русофильски. Всеобщая тенденция русофилов оторвать Галицию от Австрии и присоединить к России – была доказана в ходе судебного разбирательства посредством подтверждения при зачитывании протокола со свидетельством Петера Клучика и принята как доказанная.

Посредством клятвенных показаний со свидетельств Михаэля Хукулака, военно-полевой суд принял как доказанное и пришёл к подтверждению того, что обе листовки с докладами, составленные епископатам некоего Никона и в которых население Галиции освобождается от подданства, распространены среди населения Избы, что исключает привнесение опасности для государства извне.

Так как в этом деле содержатся следы преступления государственной измены, обвиняемые должны быть признаны виновными и должны быть приговорены к законному наказанию.

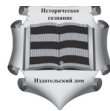
Новы-Сонч, 27 сентября 1914, доктор Бельский, майор аудитор. Установлен и обязан исполнить смертельный приговор – Грибов, 27 сентября 1914 Мелион, генерал-майор.

Приговор будет оглашён 28 сентября 1914 в 9 час 30 м. утра и исполнен в 12 часов дня.

Новы-Сонч, 28 сентября 1914, Бельский, майор-аудитор.

С подлинным верно. Моравский-Острау, 25 августа 1915.

Председатель суда: майор **Дуррак»**

Документ № 7

**Циркуляр об увозе арестованных русофилов из Львова
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 35)**

«Президиум ц. к. Дирекции полиции во Львове, отправлено 28 августа (н. ст.) 1914 г. № 4926.

В Президиум ц. к. Наместничества.

Уже несколько раз я имел честь обратить внимание ц. к. Н. на необходимость вывезти из Львова арестованных опасных для государства москвофилов, которые, в числе около 2000, с большим трудом размещены в местной тюрьме местного краевого уголовного суда и в полицейском арестном доме.

Уже само размещение в виду недостатка места, по санитарным соображениям угрожает взрывом эпидемических болезней и в ещё большей степени становится опасным в виду возможности вспышки бунта, вследствие возмущения тех заключенных, которые уже теперь высказывают громкие угрозы, что они, мол, посчитаются.

Эти угрозы, в случае неблагоприятной перемены военных обстоятельств, наверное, могли бы отразиться кровавой резнёй на польском населении города.

Поэтому настойчиво прошу ц. к. безотлагательно приступить к увозу этого крайне опасного для государства и общества элемента из Львова вглубь страны.

Львов, 27 августа 1914 г.

Рейхследер»

Документ № 8
Смертный приговор суда
(«Прикарпатская Русь», 1914 г. № 1479)

«Приговором суда ц. к. Львовского военного коменданта в Мукачеве, от 30 сентября 1914 года К. 183.—14 признаны:

1) Роман Березовский, греко-католический настоятель прихода из Протесов, Жидачевскаго уезда, рожденный 26 сентября 1874 г. в Ванятичах, вдовец, отец 3 детей, не бывший раньше под судом;

2) Лев Кобылянский, громадский писарь из Сенечола, Долинского уезда, рожденный 27 января 1857 г. в Надворне, греко-католического вероисповедания, холостой, не бывший раньше под судом;

3) Пантелеймон Жабяк, крестьянин, рожд. в 1867 г. в Сенечоле, женатый, отец 5 детей, не бывший под судом;

виновными в преступлении шпионства по 321 статье уголовного закона, выразившегося в том, что названные, а именно: Роман Березовский в последних числах августа и первых числах сентября 1914 г, а Лев Кобылянский и Пантелеймон Жабяк в первых числах сентября 1914 г., во время военного положения Австро-Венгрии в виду России, т.е. во время войны, по взаимному соглашению старались узнать о силах и состоянии армии в. крае, об её намерениях, планах, расположении и движении, а также о состоянии предметов, относящихся к военной обороне государства, с целью сообщать об этом неприятелю, — и приговорены за это, на основании § 444 уголовного судопроизводства, к смертной казни чрез повешение.

Приговор приведен в исполнение.

2.2. Борьба против русского языка и пропаганды

Документ №9

**Выговор писарю за использование русского языка
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 27-28)**

«Отдел районного Совета

в городе Новы-Сонч

17 сентября 1913

Кому: Пану Андрею Конраду Хома, районному (уездному) писарю

Районный Совет на заседании 6 сентября 1913 года принял решение сделать Пану выговор по поводу должностной некомпетентности, выявленной в результате расследования. Обвиняется, в частности, во внутреннем проведении самостоятельных действий, которые связаны с привнесением в польский язык русских элементов и употреблении неизвестной письменной этимологии. Пан не согласовывал действия с Начальником района, отправив письмо от имени властей города без ведома районного Начальника (мэра). Это считается халатностью со стороны пана.

Спешим предупредить, что в случае повторения подобной ситуации, Администрация будет вынуждена обсудить вопрос о смещении Пана с поста районного писаря.

Секретарь Председатель районного Совета

(Кобак)

(Виттиг)»

Документ №10
Циркуляр, направленный
на борьбу с русофильской пропагандой
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 34)

«Президиум ц. к. Наместничества.

Львов, 8 августа 1914.

№ 18385/пр.

Русофильская пропаганда.

Циркуляр.

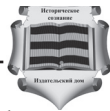
Всем госд. Ц. к. старостам и ц. к. директорам полиции во Львове и Кракове.

Настоящие напряженные отношения между нашей империей и Россией требуют энергичной борьбы с москвофильским движением, не скрывающим своих симпатий в Поссии.

Так как сторонники и организации этого враждебного государству движения могут в серьезный момент пагубно повлиять на действия наших вооруженных сил, следует немедленно принять соответствующие меры, чтобы энергично раздавить это движение всеми находящимися в распоряжении средствами.

Также против всяких русофильских выступлений и публичных манифестаций, или на собраниях или в печати, или иных каким-либо образом, следует беспощадно выступить, прибегая ко всем законным средствам, а в особенности к самому широкому применению средств экзекуции и с виновниками поступать без всякого снисхождения.

Об этом уведомляю господина старосту (г. директора), согласно рескрипту ц. к. Мин. Вн. Дел от 1 авг. 1914 г. №. 9140 М. I. Для точного исполнения, причём указания, дан-

ные местными циркулярами от 25 июля 1914 г. № 150/d и 26 июля 1914 г. № 17707 (пр.), относительно предотвращения сербских покушений, сербофильской пропаганды и южнославянского движения студентов, следует применять по аналогии и при подавлении русофильских стремлений и манифестаций.

Принятая по министерскому распоряжению от 25 июля 1914 г. Вести, Гос. зак. № 158 приостановка ст. 8, 9, 10, 12 и 13 основного закона от 21 дек. 1867 г. Вестн. Гос. зак. № 142, дает Вам возможность принять успешные меры в рамках закона от 5 мая 1869 г. Журн. Гос. зак. № 67, для подавления этого враждебного государству движения.

Обо всех в этом деле наблюдениях и возможных мерах в каждом отдельном случае следует безотлагательно мне доносить.

За ц. и к. Наметника

Гродзицкий»

Документ №11
Приказ военной комендатуры Львова
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 36-38)

«Ц. и к. Военная Коменда во Львове. К. Н. 283.

Д. Строго секретно.

В Президиум ц. к. Дирекции Полиции во Львове.

Львов, 15 августа 1914 г.

К сведению

Гоффман.

(На обратной стороне).

Президиум ц. к. Дирекции полиции

Во Львове.

Поступило 18 августа 1914 г.

№ 4509.

К сведению.

(Несколько нечетких подписей).

(Внутри)

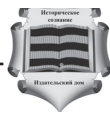
Ц. и к. Военная Коменда во Львове. К. Н. 283.

Ц.к. Краевой Обороны Дивизионный Суд в ...

Подвинувшиеся на восточной границе, в районе Белнец – Сокал – Подволочиск – Гусятин, русские войска произвели на русофильское население Восточной Галичины, находившееся уже издавна в изменнических сношениях с Поссией, огромное впечатление.

Государственная измена и шпионство, с одной стороны, и террор по отношению к нерусскому населению там, где оно находится, в меньшинстве, с другой (Сокал, Залозцы, Гусятин), множатся самым опасным и прямо угрожающим образом. Если немедленно не будут приняты самые строгие меры, то район военных действий в Восточной Галичане и Боковине может вследствие преступных замыслов русофильского населения оказаться в серьезной опасности. Наступление же и начальные военные действия могут быть значительно затруднены. Скорое наказание является крайне необходимым как острастный пример одним и в доказательство другим, что австрийское правительство имеет власть и силу для того, чтобы наказать виновных и охранять невинных.

Эти примеры смогут только тогда оказать свое действие, когда они будут производиться на глазах тех, кто были свидетелями ныне названных преступлений.

Казнь хотя бы даже, например, ста человек во Львове произвела бы на население Залозец, сильные нервы которого требуют сильных впечатлений, гораздо меньшее действие, чем казнь хотя бы только двух лиц в самих же Залозцах.

Военная коменда приказывает поэтому:

1. Исполнение приговоров за все предусматриваемые исключительными постановлениями преступления, подлежащие военному суду, строжайшее наказание которых является необходимым как устрашающий пример, должно происходить там, где преступления были содеяны.

2. Во всех этих случаях должно применяться сокращённое судопроизводство, чтобы наказание по возможности скоро, буквально по пятам (*auf dem Fusse*), следовало за преступлением.

3. Производство следствия во всех этих случаях должно быть поручено судьям, которые, с одной стороны, благодаря своему опыту, дают ручательство, что они успеют разобраться в исключительных отношениях и освободить себя от ненужного формализма, с другой же стороны, будучи лишёнными всякой чувствительности, иметь в виду одно — только благо государства.

4. Этого рода дела должны быть поручены установленному львовским судом краевой обороны аудитору, секретарю суда и лейтенанту запаса Гехту и установленному коломыйским судом краевой обороны адвокату и обер-лейтенанту запаса д-ру Рихе или другому аудитору, который отвечал бы вышеуказанным требованиям.

5. В трудных, не совсем ясно представляющихся (*nicht ganz klar darliegenden*) случаях преступления, можно, для

ускорения следствия, потребовать от военной коменды содействия полицейского чиновника.

Сие препровождается в Дивизионный Суд Краевой Обороны во Львове и Коломые, в Президиум Дирекции полиции во Львове и Черновцах, командированному штаб-офицеру во Львове и Станиславове и в краевое жандармское Управление № 13».

Документ № 12

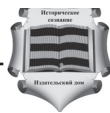
Приговоры военных судов на таданцев и др. («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 91)

Ц. к. Суд I пах. бригады общего ополчения издал 29-го июня 1915 г. следующий приговор:

Степан Федик, рожд. в Ягелла городке, 40 лет, греко-католического вероисповедания, женат, отец четверых детей, помощник каменщика, виновен в преступлении против военной мощи государства на основ. § 327 в. у. з., имевшем место в декабре 1914 г., а именно, в том, что продал российским войскам австрийские винтовочные патроны, которые собрал добровольно, за сумму более 70 рублей, чем совершил действие в пользу врага. Присуждается его на осн. § 328 и 125 в. у. з. к восьми годам тяжелого заключения, обостренного раз в месяц постом, твердой кроватью в дни поста и одиночным заключением в продолжение первого, пятого и девятого месяца каждого года.

Полевой суд 31 пех. дивизии издал следующие приговоры:

Феофан Гураль, 55 лет, православный, женат, отец 7 детей, земледelec, рожд. в с. Таданье, у. Каменка Стр., совершил преступление нарушения общественного поряд-

ка против § 341 1. а) в. у. з., тем, что во время пребывания россиян в Таданье выразился на улице при встрече с одним крестьянином: «Твой цесарь больше не вернется, не имеет он никакого значения, император Николай будет нашим царем», а затем, при другом случае, смотря на цесарский портрет в присутствии собравшегося большого количества людей, подтрунивал в одной хате над старостью Его Имп. Величества, сравнивал его с крепким царем Николаем и при том громко рассмеялся.

Димитрий Мотыль, 53 лет, православный, отец 6 детей, земледелец, рожд. в с. Таданье, у. Каменка Стр., совершил преступление нарушения общественного порядка против § 341 1. а) в. у. з., тем, что с радостью распространял между крестьянами вести о поражениях цес. кор. армии, причем выразился, что россиян есть столько, что накроют австрийцев шапками, что хватит одних российских обозов, чтобы взять Австрию.

Григорий Наконечный, 51 год, православный, земледелец, рожд. в с. Таданье, у. Каменка Стр., совершил: а) преступление нарушения общественного порядка против § 341 1 а) в. у. з., тем, что во время пребывания россиян в Галичине уговаривал многих крестьян к принятию православия, чтобы показать россиянам, что они настоящие русские, а также к приглашению российского священника, ибо старый местный священник – австриец; в) преступление против военной мощи государства по § 327 в. у. з., проявившееся в том, что во время наезда россиян на Галичину в начале войны, в день, точно неизвестный, повел добровольно россиян против наших войск.

Иван Портухай, 56 лет, православный, женат, отец 1

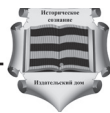

ребенка, земледелец, рожд. в с. Таданье, у. Каменка Стр., виновен в преступлении шпионства, против § 321 в. у. з., заключающемся в том, что, хотя он был эвакуирован и поселен в с. Дернове, то всё-таки 1 июля с. г. был пойман на месте преступления, когда хотел перейти через р. Буг, между с. с. Таданье и Спас, несмотря на указание, что там находится неприятель, так что, очевидно, хотел отправиться к россиянам и сообщить им о расположении артиллерии в Дернове, а равно о наших позициях над Бугом.

В виду этого полевой суд присуждает всех четырех к смертной казни через повешение. Приговор был исполнен 3-го июля 1915 года.

Федор Мартинюк, 65 лет, православный, рожд. в Таданье, земледелец, женат, отец одного ребенка, виновен в преступлении нарушения общественного порядка против § 341 д) в. у. а., а именно, в том, что во время российской оккупации в Вост. Галичине, в присутствии значительного количества людей, изъявлял свою радость по поводу прихода «круглых шапок» (россиян), отчего «прошла уже его печаль»; дальше, при другом случае, в присутствии многих же людей, выражал свою радость, что ему не нужно уже больше быть австрийцем; наконец, что держал приветственную речь к входящим россиянам, причем специально указал на то, что местное русское население ждет россиян уже 600 лет.

Василий Гринько, [Ошибка: вместо Гренки] 69 лет, православный, отец 4 детей, рожд. в Таданье, земледелец, и жена его Екатерина Гринько, 49 лет, православная, рожд. в Таданье, виновны в том же преступлении, заключающемся в том, что Василий наклонял крестьян к переходу в право-

славие, так как Австрия не вернется больше, что выразился в присутствии большого количества людей, что у Австрии нет уже орудий, что уговаривал крестьян к изгнанию учителя-украинца и, наконец, под церковью выразился перед собравшимися как бунтовщик об австрийском правительстве. Екатерина же подсмеивалась под церковью в присутствии собравшихся над австрийской армией, рассказывая, что Россия уже победила Австрию, что у австрийцев нет обуви и что они жрут кошек.

Иван Круцинский, около 40 лет, из м. Угнова, у. Русская Рава, греко-католик, сапожник, бездетный, вдовец, виновен в преступлении усиленного шпионства, против § 15 и 321 в. у. з., заключающемся в том, что пытался исследовать в Каменке Стр. расположение наших войск с целью уведомления о сём россиян, был, однако во время схвачен и вследствие посторонней помехи не успел довести до конца своих замыслов.

Анастасия Лащукевич, 52 лет, греко-католик, замужняя, мать 4 детей, жена черноработого, рожд. в Каменке Стр., виновна в преступлении нарушения общественного порядка, по мысли § 341 а) в. у. з., заключающемся в том, что, при вступлении россиян в Каменку Стр., приветствовала их, как избавителей от австрийской неволи, а при другом случае, когда хотели на её поле похоронить австрийского солдата, выразилась во всеуслышание, в присутствии многих людей, что она это не позволит, так как австрийцы воняют.

Наконец, Дмитрий Лапчина, рожд. в Каменке Стр., греко-католик, женат, отец двух детей, железнодорожник, 32 лет, виновен в преступлении против мощи государства, по мысли § 327 в. у. з., так как он добровольно поступил к рос-

Борьба против русского языка и пропаганды

сиянам на службу в Каменке Стр., качестве полицейского, разыскивал солдат, бежавших из российского плена, и сообщал о них россиянам, вследствие чего было схвачено и уведено около 20 солдат.

Полевой суд присудил их всех к смертной казни через повешение».

2.3. Воспоминания арестантов

Документ № 13

Из воспоминаний о. Григория Качалы («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 42-44)

«Меня арестовали 4 августа 1914 г. В поле нашли меня, лежащего в траве, не известный мне фельдфебель и сельский стражник и велели мне идти домой, где должен ждать меня какой-то австрийский офицер.

Вместо офицера встретил я дома жандарма. Во время обыска жандарм взял почему-то чешский проповеднический журнал «Kazatelna» и составил протокол, а затем увёл к уездному старосте в Бережанах.

Комиссар староства заявил, что имеется донос, будто бы я пугал своих прихожан страшным голодом, который возникнет во время войны.

По пути из староства в тюрьму, на мою просьбу, мы зашли в окружной суд.

Прокурор прочел протокол и подписал жандарму книжку, отправил его, заметив:

— Мы сами разберемся (**в оригинале на польском языке**).

После ухода жандарма прокурор пригласил меня садиться и сказал: «Мы арестантов хватаем кучами, их уже некуда сажать, каждого обвиняют в шпионаже. В ваших деяниях я не нахожу ничего крамольного, поэтому могу отпустить домой. Советую не прятаться от жандармов» (**в оригинале на польском языке**). Со страхом пробрался я между патрулями ночью, как вор, домой, но на другой день явился тот

же жандарм с пятью другими и забрал меня прямо в бережанскую тюрьму. В тюремной канцелярии объявили мне приказ львовского дивизионного суда об аресте, после чего отправили на вокзал.

Тут я встретился с благочинным из с. Мозоловки о. Томовичем, также в обществе жандарма.

Во Львове в какой-то канцелярии, не то военной, не то тюремной, фельдфебель-еврей отнял у нас все «опасные» вещи, как часы, портмоне с деньгами, брачные кольца и т.п., давая нам во время этой операции наставления, что, мол, не следует священникам-духовным пастырям заниматься шпионажем, что он этого не надеялся и пр.

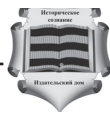
Некий молодой украинофил, служащий в этой канцелярии, угрожал нам виселицей, пока фельдфебель бережливо прятал как доказательство измены отобранные у нас мелочи.

Был здесь также свящ. Дуркот с двумя сыновьями.

На третий день перевели нас в большую камеру, в которой помещалось уже 48 человек, между нами знакомые священники Савула, Пилипец, Билинский.

Меня и свящ. Баковича из Лесенич допрашивал д-р Станислав Загурский (или Зигоржинский); хотя наш следователь хвастался во время допроса, что он львовский адвокат, но своим обращением он был похож более на австрийского капрала или старого дядьку, обучающего новобранцев и всячески старающегося показать им свою власть и превосходство.

Пан Станислав бросался на меня с кулаком, угрожая смертью и стараясь страхом заставить меня признаться, что я занимался пропагандой православия: но, получив от меня в десятый раз ответ, что я никакой пропагандой вообще не

занимался, а только однажды прочел в церкви послание митрополита Шептицкого о православии без всяких комментариев, – он распорядился отвести меня обратно в камеру. Тут следует заметить, что о. Бакович, весьма нервный и больной, сошёл после этого с ума и умер в Талергофе.

Жизнь в тюрьме была незавидная. Кажется, 2-го сентября я уехал со вторым транспортом в Талергоф; не помню даже хорошо, с кем ехал, потому что все мы были истомлены жаждою и голодом.

В нашем вагоне ехало 85 человек, кроме конвоя, который довольно удобно расположился посередине теплушки, заняв одну треть всего помещения и отталкивая нас прикладами направо и налево в углы вагона.

Ехали мы пять суток, получив за всё время путешествия раз чай с ромом, а раз рисовый суп.

По пути на вокзале били прикладами, куда попало. Меня ударили в бедро: счастье, что я тогда нёс шинель свящ. Петровского из Рыкова. Помню также, что, когда мы грузились во Львове на главном вокзале, полицейский ударил свящ. Марицкого дважды саблею плашмя по шее. Тот упал, и уже товарищи из его четверки вынесли его на руках из вестибюля по лестнице в вагон».

Документ № 14

**Из воспоминаний крестьянина с. Водники Бобрецкого уезда М.И.Зверка, 74-х лет
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 46)**

«Меня арестовали 24 августа 1914 г. по доносу одного из односельчан за то, что я читал газету «Русское Слово». На рассвете явился ко мне на дом австрийский жандарм Ко-

брин и, арестовав меня без обыска, отвел в м. Звенигород в полицию, где издевались надо мной вместе с комендантом Ковальским. Из Звенигорода отправили этапным порядком в Старое Село на железную дорогу.

Тут полицейский избил меня и моего спутника-арестанта Ивана Наконечного до крови. Во Львов приехали мы под сильной охраной в праздник Успения, и нас поместили в тюрьме «Бригадках» по Казимировской улице.

Во Львове сидел я вместе с другими русскими галичанами целую неделю, а там погрузили нас в товарные вагоны и под пломбой отправили на запад. По пути в Перемышль дали нам на обед бочку воды.

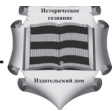
Из Львова в Талергоф ехали мы с понедельника до пятницы. В вагонах, рассчитанных на шесть лошадей или же сорок человек, находилось по 80 и больше людей. Невозможная жара и страшно спертый воздух в вагонах без окон, казалось, убьет нас, пока доедем к месту назначения в Талергофский ад.

Физические мучения, которым нас подвергли австрийские власти в начале нашего ареста, были злонамеренны. Чтобы усилить их, нам никоим образом не разрешалось слезить с вагона, дверь была наглухо заперта, даже естественные надобности приходилось удовлетворять в вагоне».

Документ № 15

Из воспоминаний узницы Талергофа Анны Сущинской («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 49)

«Я была арестована полицейским агентом, который отвел меня в пустой дом местного купца Розенталя, где уже находилось несколько человек из Бродов. Спали, где кто

мог; вместо постели служили купеческие книги. Из дому увели меня полураздетой. Так просидела я здесь две недели в голоде и холоде. Родные приносили теплую одежду и пищу, но не были к нам допущены караулом. Не оставалось ничего другого, кроме всегдашней надежды, что страдания наши кончатся и меня отпустят на свободу.

После недельного пребывания в бродской казарме отправили всех арестованных во Львов, где мадьяры, проводив нашу партию целый день по городу от одной тюрьмы к другой, поместили нас, наконец, в тюрьму по улице Батория. Через неделю мы были переведены в «Бригидки». Здесь пришлось мне заболеть; у меня пошла носом кровь, почему меня и отправили в городскую больницу, где я пролежала спокойно два месяца. Оправившись немного, я вернулась обратно в тюрьму, а отсюда уехала вместе с другими русскими людьми в Талергоф».

Документ № 16

**Из воспоминаний жителя с. Коропец В.Андрейшина
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 51)**

«Нашего села не миновала общая судьба, постигшая все русские селения в Галичине. Арестовали у нас члена и основателя читальни им. М.Качковского, крестьянина Павла Ив. Мельника, 61-летнего старичка.

Павел Иванович был главным нервом в нашей деревне и, несмотря на то, что сам был неграмотным, много поработал над просвещением нашей молодежи. Мельника заподозрили в измене и шпионстве и после ареста выслали его в Талергоф, откуда он вернулся домой совершенно больным 20 октября 1918 г.»

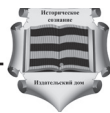
Документ № 17

**Из воспоминаний священника с. Крцов
Добромильского уезда Владимира Венгриновича
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 59-60)**

Вторично был я арестован жандармом «украинцем» Онуферком из Кривчи под Перемышлем. Последний увез меня из дому в день Успения Пр. Богородицы в 6 ч. утра, не разрешив отслужить обедню и взять с собою на дорогу некоторые книги и зонтик.

В полицейском аресте в Перемышле сидел вместе с неким крестьянином-портным из Пикулич. Когда нас переводили в тюрьму при окружном суде, он с замечательною настойчивостью затребовал возвращения отобранных у него книг и бюста Ивана Наумовича, взятых в его доме во время обыска. Держа отвоєванные таким образом свои драгоценности крепко при груди, упомянутый портной перенёс их среди надруганий уличной толпы в здание суда. Тот же крестьянин-патриот умер от сыпного тифа в Талергофе и был погребен в один день с покойными Павловским из Галича и врачом Дориком.

По пути в Талергоф наш поезд задержался некоторое время в Новом Санче. Что там делала нахлынувшая толпа с препровождаемыми в ссылку – трудно описать! В одном вагоне со мной находился десяток священников, а между ними престарелый о. Иосиф Черкавский, умерший позже в Талергофе. Отец Иосиф лежал на полу товарного вагона. Вдруг впрыгивает в вагон фельдфебель с обнаженной шашкой, бросается на лежащего старика и заносит над его головой каблук, угрожая размозжить голову. Охрана молчала, с

удовольствием наблюдая зверскую картину.

В одном из местечек на Венгрии, когда стража и большинство арестантов спало, и, проснувшись и услышав, что рядом с вагоном продают пиво, попросил дежурного караульного достать бутылку вина. Расплатившись за товар, я первым долгом угостил дежурного. Вино развязало ему язык. Оглядываясь кругом, нет ли непрошенных свидетелей, солдатик сказал мне шёпотом следующее:

– Отче, я также русский. Тяжело мне смотреть на ваши мучения, тем более что сам являюсь невольным участником ваших страданий. Но у вас бы волосы дыбом встали, когда бы вы узнали те инструкции, которые дало нам во Львове наше начальство!

Возвратившись в мае месяце 1917 г. из Талергофа в свой приход, я узнал о следующих печальных событиях, постигших двух моих прихожан. Именно, во время оккупации русскими войсками Галичины управляющий крецовским поместьем спрятал в соседнем лесу помещичьих лошадей. При допросе, где спрятаны барские лошади, указал крестьянин Николай Кокитко, 40 лет, родом из Лихавы, их местонахождение. Когда же русские отступили из Галичины, Кокитка потянули на военный суд в Сяноке, откуда он уже не вернулся более, оставив дома жену и шестеро детей. Очевидно, он был убит. Другой крестьянин, Пётр Ткач из с. Крецовской Воли, вышел во время отступления русских в поле – посмотреть на убытки, причиненные переходящими войсками. Подоспевшие австрийцы, заметив его, арестовали и затем повесили его на вербе при дороге. Труп висел в продолжение пяти суток.

В две недели после моего арестования были арестованы

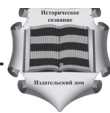

и сосланы в. Талергоф местная учительница Фёкла М. Лисовская-Бедзык и 15 крестьян».

Документ № 18
Из воспоминаний священника с. Тарнава
Г. А. Полянского
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 60-64)

«7-го августа 1914 г. находился я с женой и внучкой в саду возле приходского дома, когда во двор к нам заехала повозка с жандармом и четырьмя солдатами; через несколько минут после них явился также местный войт. Жандарм кратко заявил, что имеет поручение от уездного начальства произвести у меня тщательный обыск. Перерыв все комнаты, жандарм отобрал кипу разных писем и опечатал их приходской печатью, а затем отправился на чердак в поисках за дальнейшими уликами моей неблагонадёжности. К великой своей радости он нашёл на чердаке самодельный глобус грубой работы и велел солдату взять его в уездное староство, как доказательство «шпионской» работы. Затем велел мне собираться в дорогу.

В Добромиле я был заключён в отдельную, довольно чистую камеру при местном суде. Вот где я очутился на 41-ом году служения церкви и народу. Имея чистую совесть и сознавая свою правоту, я был убежден, что причиной моего ареста явились мои взгляды на национальное единство русского народа и та культурная работа, которую я вел среди народа в продолжение своей жизни. Это успокаивало меня до некоторой степени, но, с другой стороны, я сильно беспокоился за судьбу своих детей и внуков. Также беспокои-

ла меня мысль, как подействует известие о моём аресте на моего отца, 95-летнего старика-священника и что сделают власти с моими четырьмя братьями-священниками?

Утром я был вызван в канцелярию суда для свидания с приехавшей женою. Жена передала мне привезенную постель и бельё и сообщила, что разлука наша будет, по всей вероятности, продолжительной, так как в мой приход приехал уже заместитель в лице добромильского законоучителя, назначенного на мое место временным настоятелем прихода. Видно, знал епископ, что я буду арестован, и заблаговременно назначил на мой опустевший приход нового священника.

В добромильской тюрьме обращались с узниками по-человечески. В частности, мне было разрешено читать книги и газеты. В Добромиле просидел я неделю.

13 августа в камеру вошёл надзиратель с тем же жандармом, который меня арестовал, и велел мне собираться для следования в Перемышль. На вокзале отставили меня в закрытой повозке во избежание издевательств со стороны уличной толпы. Жандарм сел рядом со мною, а на козлах примостился солдат с отнятым у меня глобусом в руках. Впоследствии уже рассказывали мне, что по городу ходила весть, будто бы я начертал на этом глобусе раздел Австрии.

В восемь часов вечера приехали мы в Перемышль. В канцелярии военной тюрьмы фельдфебель отнял у меня все вещи, имевшиеся у меня в карманах, после чего велел отвести меня в камеру № 25, где уже находилось более двадцати человек, почти все знакомые. Находилось здесь несколько священников, знакомый адвокат из Сянока, студенты Клим и Грицык, помещик Товарницкий и др. И всё время пере-

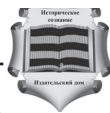
мышльская военная тюрьма постепенно наполнялась всё новыми, заподозренными в государственной измене, русскими людьми со всех концов Галичины.

Харчи были военные. Вначале трудно приходилось есть, ибо не было ни ложек, ни ножей, и лишь со временем мы приобрели на свои деньги семь ложек, а посредством цыгана-арестанта добыли несколько ножииков. Этот же цыган снабжал заключенных табаком, карандашами и бумагой. За отсутствием спичек курильщики пользовались стёклами от очков для зажигания папирос от солнечных лучей. Во время прогулок, во дворе тюрьмы я встречался со многими знакомыми и друзьями. На прогулку выводили вместе с нами также двух солдат, убивших в Пикуличах еврейскую семью. По-видимому, нас держали здесь наравне с простыми разбойниками.

Немало удивился я, когда к нашей компании присоединили также нескольких украинофилов, напр. священник Ив. Сорокевича из Уйкович и адвоката, «украинского» организатора из Мостиск д-ра Д., который сам искренно недоумевал по этому поводу: «Представьте себе, я председатель одиннадцати «украинских» обществ и организатор «Сечей» в Мостиском уезде – и меня дерзнули арестовать!..»

Однако через неделю его отпустили на свободу вместе с остальными, арестованными по недоразумению украинофилами.

Наконец я дождался допроса перед военным судьей. Трижды вызывали меня туда, предъявляя мне самые нелепые обвинения. Все вопросы военного аудитора сводились к тому, «русифил» ли я, а как доказательство этого ставилось мне в вину то, что я состоял членом многих русских

просветительных и экономических обществ во Львове. Также и злополучный глобус являлся веским доказательством моей виновности, хотя я и разъяснил судье, что он сделан мною для лучшего и наглядного объяснения истории Ветхого завета своим прихожанам. Впрочем, в конце концов, судья, по-видимому, убедился в моей невинности, ибо, когда впоследствии последовали на меня доносы со стороны двух моих прихожан, а затем ещё донос со стороны некоего Ивашкевича, сидевшего вместе с нами в тюрьме, он не придавал этим доносам большого значения и, после краткого допроса меня и свидетелей о Максимовича и г. Товарницкого, оставил меня уже в покое. Тем не менее, донос Ивашкевича явился причиной моего заключения в одиночной камере. В частности, он, чтобы заслужить признательность властей и добиться скорейшего освобождения, обвинял меня в получении от русского правительства «рублей», а также в том, что я, под предлогом поездки к моей сестре в г. Красностав в России, имел какие-то подозрительные сношения с русскими военными властями.

Одиночная камера, в которую я был теперь переведён, была куда удобней комнаты № 25. В ней находились, кроме нар, стол, скамейка и стул, а главное, не было клопов. Проводил я время в чтении, а также в составлении записок, которые я писал обгоревшей спичкой и разжиженным шоколадом. В военной тюрьме в Перемышле просидел я в общем 5 недель, в том числе 3 недели в одиночном заключении. Четыре недели караулили нас солдаты, после чего их сменили львовские городовые. Последние допекали нам до крайности: каждые 5-10 минут открывали глазок в двери и заглядывали в камеру; один из них, когда я молился, врывался в

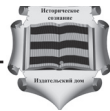
камеру и с грубой руганью отнимал у меня молитвенник, если же я отдыхал или читал, язвительно увещевал меня молиться, так как это более приличествует мне как священнику, чем шпионство, которое вот привело меня в тюрьму...

За две недели до моего отъезда из Перемышля образовался у меня на ноге нарыв, в виду чего меня отправили к тюремному врачу, а тот перевел меня в военный госпиталь для операции. Однако, дежурный военный врач, злобно смерив меня глазами, крикнул:

– Что? Попа, предателя, шпиона лечить? Ни за что в свете! У меня довольно работы с ранеными воинами-патриотами. Убирайся вон!

И только на следующий день я получил медицинскую помощь в другом, частном лазарете саперов.

После этого оставаться в тюрьме пришлось мне уже недолго. 17-го сентября, во время обеда, забили тревогу. Были настежь открыты все камеры, и всем нам, политическим арестантам, было приказано скорее собираться к выезду из Перемышля. В тюрьме возникло небывалое движение. Во дворе стали строиться: во главе духовенство, затем мирская интеллигенция, студенты, крестьяне, а в конце эшелона – женщины-арестантки. Всех нас было свыше восьмисот человек. Между рядами стал бегать незнакомый фельдфебель, нанося направо и налево удары по чём попало. Я отделался лёгкой пощечиной. Больше всех попало лицам полного телосложения. Увидев перед собой священников Куновского, Семенова и Р. Крушинского, бешеный фельдфебель набросился на них. Тогда о. Крушинский стал звать на помощь, после чего из канцелярии выбежал офицер и запретил фельдфебелю бить нас. Побои прекратились, но зато усилилась

отборнейшая брань. Тут уже все тюремные сторожа дали волю своему австрийскому «патриотизму», так что у всех нас, в особенности у женщин, просто вянули уши.

После проверки мы подошли под конвоем к готовому уже поезду. Я и священники И. Миланич, Е. Гомза, Ф. Сапрун, Р. Крушинский, М. Растваецкий, Д. Куновский и др. вошли в товарный вагон. В общем, поместилось нас вместе 35 человек, а на свободном месте посередине вагона разместилось пять караульных солдат-крестьян из Зборовского уезда; это были славные и добрые люди, по убеждению – наши единомышленники, всячески нам помогавшие и защищавшие нас в пути от напастей и издевательств со стороны встречной разъярённой толпы. Выехав из Перемышля, мы увидели вокруг города свежие окопы и военные укрепления, а также на некотором расстоянии горящие скирды хлеба, из чего мы заключали, что русские войска находятся недалеко.

Куда нас везли – мы не знали, – и только далеко уже за Перемышлем узнали от караульных солдат, что нас отправляют в какой-то неизвестный, далекий Талергоф...»

Документ № 19

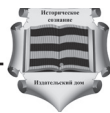
**Из воспоминаний священника И.Р. Винницкого
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 68-69)**

«Нас вывели из камер дрогобычской тюрьмы для следования на вокзал. Камеры, предназначенные для четверых, вмещали по двадцати и больше человек, так что мы были рады, увидев дневной свет и вздохнув свежим воздухом.

Под воротами тюрьмы стояла уже заранее предупрежденная толпа и неистово редела: «смерть изменникам!», причем сразу же посыпался на наши головы град камней; затем запруженная народом улица всколыхнулась, подалась немного назад и, пропустив нас, окружённых значительным конвоем, вперед, двинулась вслед за нами по направлению к вокзалу. Здесь мы немного отдохнули за железнодорожной решеткой, но ненадолго, так как некоторые из дрогобычских мясников, несшие службу в железнодорожной милиции, обкладывали нас прикладами и кулаками. Попадало нам также от бегущих с фронта солдат, пристававших на каждом шагу к интернированным. К студенту Вербицкому подошёл офицер и со словами: «почему смотришь на меня?» ударил его по голове. Мы с минуты на минуту ждали, что вот-вот солдаты бросятся на нас и избьют или даже поубивают нас всех. К счастью, начальник конвоя, дрогобычский еврей, успел во время посадить нас в вагоны, причем ему пришлось с револьвером в руках защищать нас от разъярённой толпы.

Неимоверно тяжелым оказался наш переезд из Рыманова в Вадовичи. Попутно польское и еврейское население, науськиваемое железнодорожниками и полицией, бросалось на каждой станции на наши вагоны, на которых находились провокационные надписи: «jada zdrąjсу», – а даже кое-кто из более ретивых врывался в самые вагоны, нанося нам оскорбления словом и действием. Были также попытки со стороны нападающих вызвать у едущих интернированных наших крестьян вражду к рядом сидящим интеллигентам, в частности к духовенству. Хуже всего приходилось нам, когда в вагоны врывались офицеры. Те били нагайками всех без разбора. Двое из едущих в вагоне, от постоянного испу-

га и побоев, сошли с ума, а девица Н. в полупомешательстве пыталась даже удавиться платком.

Наконец, после продолжительного и тяжелого пути (с 2–18 сентября), мы очутились ночью в Abtissendorf; возле Талергофа. Тут окружили нас солдаты, под конвоем которых, среди новых издевательств и побоев, достигли мы в течение двадцати минут окончательной, страшной цели – Талергофа».

Документ № 20

Из воспоминаний жителя Жидачевского уезда, студента юридического факультета С. С. Павлюка («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 70)

«Я был арестован 7 августа 1914 г. в с. Великой Воле, возле Николаева над Днестром, за то, что будто бы я давал сигналы русским войскам, когда австрийцы подходили к г. Калишу в Польше. После обыска меня перевели в тюрьму в Николаеве, а потом в Стрый, Вадовицы, St. Vicheli в Каринтии и, наконец, в Талергоф. До 14 марта 1916 г. я сидел в Талергофе, затем меня зачислили на военную службу в Грац, а через две недели отправили на итальянский фронт. После контузии я был определен в рабочую дружину».

Документ № 21

Из воспоминаний крестьянина В. Р. Грицюка («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 96-97)

«У меня была семья, дом, свое хозяйство, на котором я трудился 52 года, а сегодня пришлось в одной рубаше, без родных, бежать перед разбойничьим набегом австрийских

солдат и мазепинцев из окрестных деревень.

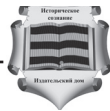
Когда к нашей деревне подошли русские войска, австрийцы отступили в горы и скрывались в лесах за рекой Пистынской. С русскими солдатами наладились у нас скоро прекрасные отношения. Между тем, австрийские жандармы приходили с гор, переодеваясь в крестьянское платье и пользуясь содействием евреев и мазепинцев, чтобы собирать сведения обо всём, что касалось отношения местных жителей к русским солдатам. Ежедневно ездили через наше село верхом какие-то люди в м. Яблонов и Коломью.

12 сентября 1914 г. зашли в лавку Евстафия Лучки австрийские жандармы с несколькими мазепинцами и приказали подать себе закуску. Покушав, взяли в лавке керосину и подожгли по очереди дома сознательнейших русских крестьян. В доме Ив. Стружука находилась только его старуха-мать, так как его самого раньше арестовали. Старуха, заметив приближающихся к дому жандармов в касках, вышла навстречу и умоляла пощадить её дом. Но удар по голове прикладом был ответом на её мольбы. Арестовав затем около 29 крестьян, жандармы ушли в Косов.

В воскресенье, 14 сентября, когда крестьяне выходили после Богослужения из церкви, жандармы вновь устроили охоту на них и опять арестовали около 30 человек, так что в деревне остались одни женщины и дети.

Через некоторое время русские войска отошли в Коломью. Это произошло в четверг вечером. В пятницу утром из леса вышло несколько солдатских и жандармских австрийских патрулей. Я сейчас оделся в киптарь (верхняя одежда гуцулов) и побежал из села в направлении Коломыи.

На верху горы я услышал позади себя выстрелы и

страшные крики. Оглянулся и остолбенел. Австрийцы группами подходили к крестьянским избушкам и поджигали их. Со стороны Пистыня видно было тоже облако дыма и зарево пожара, и слышались выстрелы. Женщины с детьми с отчаянными воплями бежали, а солдаты и жандармы гнались за ними и беспощадно расстреливали их на бегу.

Убегая в ужасе от этой страшной картины, я только со следующего холма решил посмотреть на родное село. Но кроме облаков дыма и зарева, покрывавших всё село, я не мог ничего более увидеть. Издали раздавались отдельные ружейные выстрелы.

Так я и побежал дальше и насилу добрался пешком во Львов».

Документ №22
Из воспоминаний русина, отправленного на фронт
Австро-Венгрией
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.
С. 97-99)

«Пока я попал в ряды армии, успел побывать в пяти тюрьмах в Галичине и Венгрии, был под военным судом, судился как «изменник», и только после погнали меня на фронт.

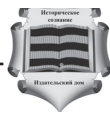
После объявления мобилизации, жандармы, а даже акцизные стражники арестовали всех, кого подозревали в «русофильстве». В с. Городнице, славившемся своей «неблагонадежностью», было арестовано 6 человек, в том числе я и сын местного священника, канд. адвокатуры И. В. Козоровский. Всех «русофилов», в том числе гусятинского бургомистра, еврея Кавалка (вскоре, впрочем, отпущенного на

свободу) и уездного инженера – поляка, держали сначала в гусятынском арестном доме, а затем, под конвоем акцизных стражников, отправили в Коломыю. Коломыйская тюрьма была битком набита русскими галичанами. В числе узников были судья А. О. Гулла из Коссова, священник А. Гелитович из Коссова, его сын, судья А. Гелитович, священник Николай Семёнов из Коломыи, священник М. Левицкий из Вербежа, член австрийского парламента д-р Н. Н. Глебовицкий, его отец священник Павел Глебовицкий и др. Число арестантов всё увеличивалось. Привели страшно избитых, изуродованных – учителя из Хоросткова Кенса с сыном Амвросием, которых избил еврейско-мазепинская толпа, сначала в Хоросткове, а затем в Копычинцах, когда их везли из суда на вокзал, так как конвоировавшие их жандармы приказали нарочно извозчику ехать медленно, чтобы толпа могла выместить на них свою злобу, причем старик Кенс потерял даже сознание от побоев. Кстати сказать, оба Кенса были в кандалах, так что не могли парировать наносимых им ударов.

В Коломые держали нас около месяца, а когда русские войска стали приближаться, нас увезли в Шатмар-Немети в Венгрии, причём на всех станциях нас обкидывали камнями. Когда мы на вокзале в Шатмар-Немети вышли из вагонов, на нас бросилась толпа с кусками каменного угля. Били, как зверей, посыпалась отборная ругань. Особенно досталось священникам Левицкому (80 лет) из Вербежа и Семёнову из Коломыи.

Мы были ошеломлены этой встречей и особенно тем, что все эти насильники, здесь, в глубокой Венгрии, говорили по-польски. Секрет вскоре выяснился. Банда громил, около ста человек, были поляки, почти исключительно интелли-

генты: чиновники, железнодорожники, учителя, бежавшие перед «москалями» из Восточной Галичины. Для них была устроена в Шатмаре колония. Узнав заблаговременно о нашем приезде, они собрались на вокзале, чтобы встретить нас должным образом.

В Шатмаре держали нас четверо суток взаперти, в совершенно темном магазине какой-то мельницы. Спали мы на сырой, голой земле. Затем нас отправили в Мискольч, в военную тюрьму. Там было уже около 600 человек галичан, в том числе до 200 человек интеллигентов; были тоже чехи (двое из них – запасные офицеры) и несколько словаков. Отношения были довольно сносные, благодаря чехам и словакам, смотревшим за порядком. Но всё-таки случались тяжелые, гнусные сцены. Напр., тюремный унтер-офицер, венский еврей, приставал ко всем молодым крестьянкам, а особенно к одной красивой гуцулке. Гуцулка с отвращением отклоняла его гнусные предложения, однако еврей не унимался, а даже, случайно захватив её наедине, изнасиловал её.

Солдаты немцы и мадьяры крали пищу, присваивали себе деньги узников и т.п.

Всех узников привлекли к военному суду станицлавовской дивизии, пребывавшему в то время в Мискольче. Конкретной вины не доказали никому. Всё сводилось к вопросу: «что такое «русофилы» и «украинцы» и почему первые не желают называть себя «украинцами»? Военные судьи совершенно не понимали причин, которые ставились в вину узникам, но, несмотря на это, было решено задержать всех арестованных в тюрьме до конца войны. Кроме того, двое крестьян были приговорены к 10 годам тюремного заключения, один за отказ дать солдатам подводу, другой же за

разборку телеги, когда солдаты хотели реквизировать её для отступающих войск. Все обязанные к воинской повинности были «амнистированы» и призваны на военную службу, а с ними и я был отправлен в Кошицы, а оттуда в Левочу, в 95 п. полк. В Левоче была образована из арестованных особая часть и отправлена на фронт в Галичину, где я и попал к русским в плен».

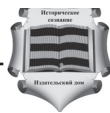
Документ № 23

Из воспоминаний Г. Лещака, жителя Галиции («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 112-113)

«Всем памятен 1914-й год, но, кажется, больше всех помнят его русские галичане! У всякого стоят ещё в живой памяти гонения и ужасы, разыгравшиеся в нашей стране. Везде – в походах и лагерях, на улице и в вагонах – падал русский человек от ударов штыков, палок и камней солдат и уличной толпы. Озверевшая орава с радостью смотрела на кровавое зрелище, рукоплескала с окон и балконов, или же сама принимала участие в этих диких, кровавых оргиях. Убивали безнаказанно, без суда; за убийства, запрещенные Божьим и человеческим законом, получались награды и похвалы.

Тут я хочу рассказать один трагикомический инцидент, разыгравшийся на этом мрачном фоне 31 августа приснопамятного 1914 года.

Стояла хорошая погода. Около 10 часов утра двинулись мы эшелонем из тюрьмы «Бригидки» вверх по Казимировской улице в направлении главного вокзала. Там предполагалось погрузить нас в вагоны и увезти на запад, из стра-

ха перед русскими войсками, которые стояли уже у ворот Львова.

Эшелон был окружён густым кордоном пешей и конной полиции, а мы в середине двигались четверками до того сбитыми рядами, что через наши головы мог полицейский передать полицейскому по другой стороне папироску.

Солнце пекло немилосердно. От жажды и волнения мы находились в лихорадочном состоянии; во рту высохло, трудно было дышать.

Вдруг какой-то еврей с железной палкой пробирается сквозь густые ряды конвоя и хочет ударить по голове кого-нибудь из арестованных, чтобы показать и удовлетворить свой австрийский «патриотизм».

Не знаю, что за человек был тот полицейский, мимо которого как раз, с занесенной на нас палкой, протискивался юркий еврейчик, – русский ли он был тоже и возмутился за нас, или же просто хотелось ему посмеяться над евреем, – только он в то время, когда еврей между конвойных протянул руку, чтобы нанести удар, схватил его за шиворот и толкнул в середину.

Еврей сразу опешил, не сознавая своего положения. Подумав, что это шутка, стал бросаться на все стороны, угрожать нам кулаком и, наконец, глупо улыбаться. Мы также предполагали, что конвойный помог ему подойти ближе, чтобы удар был вернее, а потом отпустить его на свободу.

Тем временем еврейчик всё-таки спохватился и начал силой пробиваться из наших рядов, а когда это не помогало, стал просить полицейского выпустить его из нашей среды, причем даже слезы у него выступили на глазах, а лицо от испуга всё посерело.

Но не отпустили уже полицейские еврея. Одни просто не заметили этого происшествия, другие были рады комическому случаю, а мы шагом обреченных подвигались вперед, сосредоточив всё своё внимание не так на глупом еврее, как на грозной, разъярённой толпе вокруг, которая не знала, какой бы избрать для нас род смерти, и всё советовала конвойным то расстрелять нас, то повесить, то заживо погребать.

На вокзале посадили нас в товарные вагоны, загрязнённые лошадиным пометом.

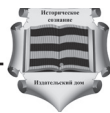
Еврея также втолкнули в вагон как участника транспорта. Он начал всё ещё утешать себя, что это одно недоразумение и что с ним ничего плохого не произойдёт, то вдруг бросался на нас, как бешеный, ругая проклятых «москвофилов», как причину своей беды. А когда сменилась стража, тут уже никто не обращал внимания на еврея. Приклад винтовки одинаково хорошо работал на нашей и на еврейской спине.

Так мы с ним вместе и приехали в талергофский ад. А когда через некоторое время в нашей среде вспыхнула эпидемия тифа, заболел им и наш еврей и вскоре почил вечным сном в русской братской могиле «под соснами».

Документ № 24

Отрывок рассказа В. Р. Ваврика, узника Талергофа, «Терезин и Талергоф» (Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф. Львов, 1964)

«Самым тяжелым ударом по душе Карпатской Руси, был, без сомнения, ТАЛЕРГОФ, возникший в первые дни войны 1914 года в песчаной долине у подножия Альп, возле Граца, главного города Штирии. Это был лютейший засте-

нок из всех австрийских тюрем в Габсбургской империи.

Что же это за страшный Талергоф?

В дневниках и записках талергофских невольников имеет точное описание этого австрийского пекла. Участок пу-стого поля в виде длинного четырехугольника, в пяти кило-метрах от Абтиссендорфа и железной дороги не годился к пахоте из-за обилия песка, на котором рос только скудный мох. Под сосновым лесом находились большие ангары для самолётов, за лесом стоял синий вал альпийских гор.

На первых порах эту площадь солдаты отделили дере-вянными кольями и колючей проволокой. Лагерь охраняли солдаты в полном боевом вооружении, которым приказано было расстреливать каждого, кто приблизится к проволоке. Со временем лагерь Талергоф расширился, т.к. массы плен-ных со всех сторон Прикарпатской Руси стекались на эту территорию.

Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф солдаты грацкого полка 4 сентября 1914 года. Штыками и прикладами они уложили народ на сырую землю. Голое поле зашевелилось, как большой муравейник, и от массы людей всякого возраста и сословий не видно было земли.

Вначале в этой массе чёрного народа бушевала какая-то зловещая тревога; чёрной тучей лежала на ней беспокой-ная тишина, точно после побоища на бранном поле. Затем, когда отошли солдаты первой разъяренной охраны, в гуще народа закишело и заклокотало, будто в бурном потоке ран-ней весной. Плач и стоны кипели и дрожали от непомерных мук и страстей. Но все телесные муки не могли равняться с душевной горечью и отчаянием ссыльных по случаю поте-ри родного края, оторвавшихся от родных очагов, разлучив-

шихся с детьми и с родителями. В этом временном, казалось бы мертвом застое, в пропасти жалости и тоски, в рабском виде людей, в гное их существования, в тревоге и слезах таилось что-то грозное.

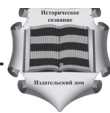
За Талергофом утвердилось раз и навсегда название немецкой преисподней. И в самом деле, там творились такие события, на какие не была способна людская фантазия, забегаящая по ту сторону света в ад грешников.

В апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» говорится, что Мария в сопровождении архистратига Михаила посетила ад в западной его стороне и увидела она площадь, покрытую чёрным мраком. В болоте лежали грешники, и черви грызли их непрерывно, и страсти, как морские волны, хлестали немилосердно. От снов, воплей, рыданий там клокотало, как в раскаленном котле, и в отчаянии причитали обречённые на вечное наказание: «Помилуй нас, Праведный Судия!»

Также припадали к земле и молились о помощи и справедливости несчастные мученики Талергофа, но просили напрасно. Никто не слышал их стонов, никто не обращал внимания на их мучения; зато все надзиратели, вся служба, каждый немец и не только немец, а кто только захочет, каждый солдат мог издеваться над ними самым диким и жестоким способом.

Талергофская котловина дышала, как вулкан, протяжным стоном, глухим сетованием.

До зимы 1915 года в Талергофе не было барачков. Люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз. Счастливы были те, кто имел над собою полотно, а под собою клоч соломы. Скоро стебло стиралось и смешивалось с

грязью, пропитанной людским потом и слезами. Эта грязь являлась лучшей почвой и обильной пищей для неисчислимых насекомых. Вши изгрызли тело и перегрызали нательную и верхнюю одежду. Червь размножился чрезвычайно быстро и в чрезвычайных количествах. Величина паразитов, питающихся соками людей, была вопиющая (бесчисленная). Неудивительно поэтому, что немощные не в силах были бороться с ними. Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек просто загрызли вши. Болезни и антисанитария оборачивались на каждом шагу смертью.

В позднюю, холодную осень 1914 года руками русских военнопленных талергофская власть приступила к постройке барачков в земле в виде землянок-куреней и над землёю – в виде длинных стодол с расчетом, чтобы поместить в них как можно больше народу. Это как раз нужно было кровопийцам, вшам, и палачам. Вдоль стен в 2 ряда были сколочены нары, одни над другими. Таким образом, в одном бараке помещалось более 300 человек. На грязных телах разводились миллионы насекомых, которые разносили по всему Талергофу заразные болезни: холеру, брюшной тиф, дифтерию, малярию, расстройства почек, печени, селезенки, мочевого пузыря, поносы, рвоты с кровью, чахотку, грипп и прочие ужасные болезни.

Кроме нечистоты, эпидемии в Талергофе способствовал всеобщий голод. Немцы морили наших людей по рецепту своей прославленной аккуратности и системы, а бросая кое-что, как собакам, ухитрялись, будто ради порядка, бить палками всех, куда попало. Капралы щеголяли своими знаниями, обучали военной дисциплине, выправке, применя-

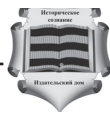

ли жестокие приёмы при долбёжке муштры даже стариков, священников и женщин, которые никогда в солдатах не служили. Не спокойным, разумным словом, а бешеным криком, палкою и прикладом водворяли часовые «порядок» так, что часто возвращались многие от выдачи постной воды, конского или собачьего мяса калеками.

В голоде и холоде погибали несчастные рабы; страшные болезни косили людей бесщётно. Немошные организмы валялись, как подкошенные, в мучительной лихорадке и беспомощности кончали жалкую жизнь, а более сильные срывались ночью с нар и бежали куда глаза глядят, натываясь на колючую проволоку или на штык, или на пулю и падали замертво. В записках студента Феофила Курилло читаем, что солдаты убивали крестьян за то, что они бежали. Эта неточность записок вполне оправдана, т.к. из ангара в бараки был переход запрещён.

Впрочем, каждый был занят собою до того, что никто не записывал имена жертв, а по прошествии времени всё забывалось. Злодеи оповещали каждый день о новых и новых жертвах. Но есть, однако, и достоверные записи: так, священник Иоанн Мащак записал 3 декабря 1914 года, что часовой выстрелил за барак в перелазившего через проволоку крестьянина. Пуля не попала в него, но убила в бараке Ивана Попика из с. Мединичи, отца 7-х детей. В ангаре солдат заколол насмерть крестьянина Максима Шумняцкого из с. Исаи Турчанского уезда.

В народную легенду перешло талергофское кладбище у соснового леса. Эта легенда передается из уст в уста, от деда к внуку, из поколения в поколение о том, что на далекой немецкой чужбине, в неприветливой земле, лежат не-

сколько тысяч русских костей, которых никто не перенесет на родную землю.

По Талергофу триумфально прогуливалась насильственная смерть. О каком-нибудь лечении погибающих людей и речи не было. Враждебным отношением к интернированным отличались даже врачи. С дикой злобой, переходя из барака в барак, с бранью они приближались к больным, боясь заразиться, осматривали людей тыкая в тело палкой, проверяя таким образом, кто умер, а кто издаёт ещё признаки жизни. В продолжение нескольких часов держали санитары и низший медицинский персонал наших людей на холоде и даже на морозе, заставляя их купаться в студеной воде, причем солдаты издевались над беззащитными людьми, особенно над женщинами, нанося им удары по голому телу тросточками.

Основными лекарствами в Талергофе, были вонючая мазь и нафталин, которым бесчеловечная медслужба просто засыпала с головы до ног. Приходилось спать, задыхаясь от нафталина. О нормальной пище думать не приходилось: терпкий хлеб, часто сырой и липкий, изготовленный из отходов самой низкопробной муки, конских каштанов и тёртой соломы, красное, твердое, несвежее конское мясо, выдаваемое дважды в неделю по крошечному кусочку, чёрная вода, самые подлые помои гнилой картошки и свёклы, грязь, гнёзда насекомых были причиной неугасаемой заразы, жертвами которой падали тысячи молодых, ещё вполне здоровых людей из крестьян и интеллигенции.

В продолжение полутора лет вымерли 15% талергофцев, т.е. свыше 3 000 галичан и буковинцев...

Но пакости немцев не могут сравниться с издеватель-

ствами своих соотечественников.

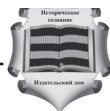
Бездушный немец не мог так глубоко понять душу русина-славянина, как тот, который назвал себя украинцем вроде официала полиции г. Перемышля Тимчука – интригана, провокатора, доносчика, раба-мамелюка – всё в одном лице, который выражался о родном народе как о *Mistvieh* т.е. как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому доносил на арестованных.

Однако Тимчука перешеголял в этом деле украинец – панович Чировский, оберлейтенант австрийского запаса. Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального мучителя и палача.

Чировский был небольшого роста, на вид грубый, коренастый мужчина, заплывший жиром, с широким лицом, рыжей бородой и такими же усами, с толстым носом, на котором висело большое пенсне, удерживаемое сжимающей пружинкой. Он ходил дробным шагом, вприпрыжку. В левой руке он носил сверкающую саблю, в правой – держал тоненькую трость. Входя на территорию лагеря, он, как гончая собака, вынюхивал носом, заглядывал во все дыры и щели, чтобы поймать кого-нибудь за «нарушение закона» и отвести в одиночную камеру. Поймав жертву, он потирал руки от радости, топтался на одном месте, хихикал, предвкусывая экзекуции над «провинившимися».

Излюбленным занятием Чировского в Талергофе было производить частые ревизии в сумках, чемоданчиках и тюфяках. Переводить людей из барака в барак, по несколько раз в день сдавать «рапорты», выводить людей на работы под усиленной охраной.

В «Записках» священника Генриха Полянского читаем

о пронырствах Чировского такую заметку: «Дали нам нового настоятеля, поручика д-ра Чировского, с виду только гладкого и масляного. Ох, он уж знал, как за нас браться! Утром в 6 часов – подъём; в 9 вечера – отбой. Сколько раз пришёл Чировский на осмотр утром, а застав кого под одеялом, особенно женщин, срывал одеяло, грубо выкрикивая; поднимались крики и плач, т.к. часто матери с маленькими детьми, которые ночью не давали им спать, засыпали утром, а это ужас как раздражало Чировского».

Во время военного хаоса он всеми силами старался набить свой карман чужой монетой.

Была это продажная шкура и шарлатан с бесстыдным языком. Народ, из которого он вышел, не представлял для него ни малейшей цены. Партийный шовинизм не знал у него ни меры, ни границ.

Дьявол в людском облике! Чировский был специалистом от немецкого «Анбинден», он извлек огромную пользу по случаю набора рекрутов в армию в то время, когда студенты называли себя русскими. Это злодеяние взбесило украинца, австрийского лейтенанта запаса до того, что он потребовал военного суда над студентами. Их конфликт закончился тем, что фон Штадлер всех приговорил к трёхнедельному заключению в одиночных конкуррах под усиленной стражей и усиленным постом, а после этого на 2 часа «Анбинден». Понятно, что экзекуцию подвешивания исполнял сам Чировский по всем правилам военного времени. Каменного сердца выродка не тронули ни слезы матерей, ни просьбы отцов, ни обмороки, ни кровь юношей, у которых она пускалась из уст, носа и пальцев.

Пришла, однако, пора, и поскользнулась крепкая нож-

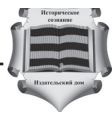

ка пана Чировского. Будучи жадным на деньги, он пускался в большие злоупотребления и хитростью обманывал наивных, обещая им свободу при помощи «украинской комиссии» в Граце во главе с доктором Иваном Ганкевичем, зятем Кости Левицкого. Тут и пришёл конец оберлейтенанту. Немцы поймали его на мошенничестве, бросили в тюрьму, разжаловали из офицера в простого солдата. В Талергофе все говорили, что досталось ему по заслугам!

Черная физиономия Чировского перешла в историю мартирологии претерпевших страдания галицко-русского народа. Ни один украинский адвокат, ни один украинский «письменник» не в силах обелить его. Хуже немцев топтал он чувства своих земляков, и всё «ад майорем Австрии глориям» будто бы для Украины. Вышедши из того же народа, что и мученики Талергофа, он знал куда ударить, как добраться до живого сердца и сделать жизнь в тюрьме ещё более невыносимой. Варварство его дошло до того, что велел на могиле под соснами уничтожить православные кресты, доказывая немцам, что в этих крестах таится символ русской веры и русской идеи.

Муки в Талергофе продолжались от 4 сентября 1914 года до 10-го мая 1917 года. В официальном рапорте фельдмаршала Шлеера от 9 ноября 1914 года сообщалось, что в Талергофе в то время находилось 5 700 русофилов. Из публикации Василия Маковского узнаем, что осенью того же года там было около 8 000 невольников. Не подлежит, однако, сомнению, что через талергофское чистилище и горнило прошло не менее 20 000 русских галичан и буковинцев.

Украинские хитрецы и фальсификаторы истории пускают теперь в народ всякие блахманы, будто в Талергофе

мучились «украинцы». Пусть украинцы, но украинцы типа Зубрицкого, Наумовича, Гоголя, которые Прикарпатскую Русь, Волынь, Подолье и Украину считали частями Русской Земли.

Горсточка «самостийных» украинцев, которые в военном замешательстве, по ошибке или по доносам своих личных противников, попали в Талергоф, очень скоро, благодаря украинской комиссии в Граце во главе с д-ром Иваном Ганкевичем, получили свободу. В бредни украинских подлогов никто не поверит, ибо как могли в Талергофе томиться украинцы за украинскую «идею», когда Австрия и Германия создали самостийну Украину?»

Документ № 25

**Дневник Феофила Курилло, студента-лемка, сына священника, узника Талергофа
(Талергофский альманах. Вып. III. Львов, 1930.
С. 27-86)**

Сентябрь 1914 года

14 сент. понедельник. – В 8 ч. вечера выезжает первый транспорт русских лемков из Горлицкой тюрьмы, при уездном суде в Горлицах.

Тюремные власти, во главе со Скальчинским, собрали нас на тюремной площади, прочли список всех нас и, произведши ревизию вещей, приказали строиться в ряды по четыре и отправиться вместе с этими вещами на вокзал. Держа вещи в руках, мы шли, не зная куда, и даже не смея спросить, куда нас направляют.

При нашем выходе из тюремного помещения собралась толпа местных жителей, которая относилась к нам поче-

му-то враждебно и ругала нас. На эту ругань мы не реагировали и молча продолжали свой путь.

Сопровождает нас несколько жандармов.

На вокзале размещают нас в товарных вагонах числом больше сорока человек в одном вагоне. На вагонах жандармы мелом начертили надпись: «едут москалофилы изменники».

15 сент. – Поезд трогается с места и затем делает остановку на каждой станции. Почти на каждой станции встречает нас местное население и ругает нас.

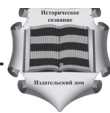
Некая старая женщина, держа в руке молитвенник и четки, говорит своей соседке: «слушай Маша, я так чувствительна, курицы сама не зарежу, но того попа, что находится в вагоне, я резала бы по кусочкам». Кто-то стал бросать в нас песком и бумагой. Увидев это, жандарм закрыл дверь вагона, и поезд тронулся с места.

Прибываем в г. Живец, та же самая картина. Едим собственные припасы, купленные в Горлицах, но экономно, ибо не знаем, как долго придется нам ехать.

16 сент. – Проезжаем через Венгрию. Жара нестерпимая! В закрытом вагоне страшно душно, ибо нас в нём много, а открывать вагон запрещено. Некоторые из нас лежат на полу почти без чувств.

Вспомнив, что у меня в вещах находится вода для полоскания зубов, вынимаю её, сам нюхаю и даю понюхать о. Дуркоту из Ждыни. Это нас несколько освежает. Лишь только жандарм открыл дверь вагона на несколько минут, мы с жадностью силимся хватать полной грудью свежий воздух. Лица наши красны, а глаза от духоты выпячены кверху.

17 сент., четверг. – Как только поезд останавливается

на какой-нибудь станции, сейчас жандармы осведомляют местных жителей, кого они везут. Жандармы открывают двери вагонов, толпа местных жителей уже поджидает нас, ругает и даже требует выдачи нас, дабы растерзать нас.

Кто-то из толпы сказал, что среди нас находится профессор русского университета, я на это лживое заявление улыбнулся, за что толпа стала бросать в меня камнями. Если б жандарм не успел сейчас закрыть дверь вагона, то толпа могла бы и убить меня. На следующей станции толпа категорически требовала выдачи нас для самосуда. Мы молчим и, попрятавшись вглубь вагона, с трепетом ожидаем неизбежной смерти, но, к нашему счастью, поезд трогается, и жандарм закрывает двери.

18 сент. пятница. – В 10 часов ночи прибываем в г. Грац, в Стирии, после в Абтисендорф и Карлгоф.

На вокзале встречают нас солдаты из Талергофского лагеря. Построив нас в ряды по четыре, приказали нам идти за собою. При свете факелов идем пешком в лагерь под ударами прикладом и сапогами в спину и куда попадет.

Идущий рядом со мною юрист Дмитрий Качор из Водаков получил сильный удар прикладом в спину, стиснув зубы, идет дальше, но от сильной боли навернулись слёзы на глаза. Наш транспорт разделяют по полевым шатрам («цельтам»), где по сторонам и посередине находится несколько снопов соломы. Спать можно там только сидя, опираясь спиной о сноп соломы.

Некоторые, сильно утомленные, засыпают в таком неудобном положении. На поданное нами прошение нам разрешено было выходить за надобностью из шатра в сопровождении солдат, но только на весьма короткое время, – боль-

ше одной минуты нельзя было употребить на естественную надобность под угрозой ударов прикладом или даже штыком. Разрешение это было выдано только некоторым из нас, и то через каждые 2 часа разрешалось обращаться с просьбой о выходе за надобностью не больше, чем 4 лицам.

С момента выезда из Горлиц не получали мы теплой пищи. Уничтожаем остатки привезенных из Горлиц съестных припасов.

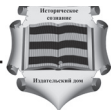
19 сент., суббота. – Есть не дают. Если у кого из нас имеется немного хлеба, тот делится им с другими. Съестных припасов нигде нельзя достать.

Лагерь наш состоит всего из 10 меньших шатров и одного большого и разбит на значительной песчаной равнине. Наш транспорт, кажется, был вторым, как часть шатров была занята какими-то людьми. Посты были заняты исключительно немцами, говорящими простонародным наречием Стирии и Вены, так что и интеллигентные люди с трудом их понимали, а простой русский люд, который говорит только лемковским наречием, и подавно не в состоянии понимать их. Вследствие этого происходят частые недоразумения, кончающиеся большей частью руганью и побоями со стороны надзирателей.

20 сент., воскресенье. – В тот же день вечером надзиратель нашего поста перевёл нас в большой шатёр. В этом шатре нет ни дверей, ни соломы; пришлось спать на сырой земле, вследствие чего мы продрогли от холода. Ванька Михайлович Вербицкий сшил из полотенца мешок для своих вещей.

Испытываем голод.

21 сент. В шатре встречаю Стефана Тыминского, старо-

го своего знакомого, с которым жил на квартире у Брониславы и Феофилы Кржиштофиковской в гор. Ясле. В 10 ч. утра получаем впервые хлеб и в 5 ч. вечера полбу (пенцак).

22 сент. – Первый завтрак. Визит врача. Получаем лекарства и незначительное количество соломы, которую разделили между нами коменданты шатра (циммеркоменданты).

Дождь. Шатры наши протекают. Спать приходится на мокрой земле. Некоторые из нас вырезают из дерева ложки, другие играют в самодельные деревянные шахматы или же в карты, а иные читают книги, которые случайно захватили с собой. Врач осматривает глаза интернированных. На обед дают бульон с рисом.

23 сент. – Пишу домой во Флоринку открытое письмо, а малограмотным товарищам написал их штук десять.

Для осмотра прибыл наш врач д-р Цеханский из Крыницы. В 10 1/2 ч. утра получаем хлеб, а в 3 ч. дня обед. Покупаем пледы, рубахи и пр. Новый визит врача. Спать пришлось в платье, прикрываясь шинелью.

24 сент. – Ванька Вербицкий брил меня. Покупаю молока за 9 геллеров, а булок за 12 и кружку для питья. Для интернированных устраивают кухню. Я простудился и схватил жестокий насморк. Знакомство с О. Фольварковым.

25 сент. – Свящ. о. Сеник, член львовского сейма, и Странка подают жалобу властям лагеря, описывая наше бедственное положение, жалуясь на то, что от голода и негигиенических условий жизни в лагере умерло уже 9 человек интернированных.

Сегодня довольно хороший день.

Женщин переводят в деревянный барак. Я гуляю в сво-

ём плаще. Укладываю хлеб в ряды для раздела его между интернированными большого шатра. Ложусь спать в 6 ч. вечера. Ночью у о. Хомицкого было кровотечение из носа. В шатре ночью холод невыносимый, кому холод не дает спать, тот гуляет по шатру.

26 сент., суббота. – В 9 1/2 ч. утра солдаты привязали (т. е. сделали т. наз. «anbinden») одного русского к столбу на 1 1/2 часа за то, что украл у своего товарища сорочку. Наказанный несколько раз терял сознание, а из промежностей между пальцами ног его показалась кровь. Стирка белья производится у нас, конечно, без мыла.

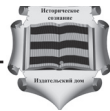
Встречаю здесь моего венского товарища Феодосия Перчинского, который заказал через надзирателя мыло. Укравший хлеб тоже получил наказание «anbinden».

И этой ночью невыносимый холод.

27 сент., воскресенье. – Хороший день. Молебен Божией Матери в большом шатре. Литургии служить нельзя было, так как не было ни алтаря, ни сосудов, ни риз, ни даже богослужебных книг. Пели все, но многие плакали и не могли больше петь.

Результатом этого молебна было новое распределение нас по всем шатрам. Случалось и так, что отделяли детей от родителей, брата от брата. Я попал в шатер № 15. По этому поводу водворилось у нас сумрачное и угнетенное настроение.

28 сент., понедельник. – Новая мойка белья, ибо уже начинают появляться паразиты, и больших размеров. Пил молоко, сильно разбавленное водой, причём количество этого купленного мною через надзирателя молока было незначительно, а цена изрядная.

29 сент., вторник. – Шесть человек интернированных умерло утром. Солдаты, посыпав их негашёной известью, вынесли и закопали, не позволяя не только что служить панихиду при их гробе, но даже сопровождать тела умерших их родственникам.

Подверглись наказанию «anbinden» ещё 5 человек.

Сильный, холодный и пронизывающий ветер. Пишу малограмотным крестьянам открытые письма домой.

30 сент., среда. – Опять хорошая погода.

Вновь подверглись наказанию «anbinden» 2 человека.

Опять закопали солдаты двух умерших, из которых один был православный.

Переводят нас в большой центральный шатер, ибо военнопленных русских перевезли в другое место.

Скончался благочинный о. Кушнир.

Октябрь 1914 г.

1 окт. – Меня избрали комендантом шатра.

Кроме других обязанностей, я имею право делить пищу среди заключённых, и платье и бельё, если таковые присылаются в шатёр властями лагеря. Но, увы, не смотря на то, что многие из нас ходят в лохмотьях и не имеют средств покупать при посредстве властей лагеря необходимое платье (платить приходится за одно и тоже по несколько раз), ни белья, ни одежды ни разу власти не выдали беднейшим из нас.

Ночью холодно, чтоб согреться, варим тайком чай и попиваем его.

2 окт. – Опять хорошая погода. Разрешено гулять между шатрами и похоронить четырёх умерших, в их числе одного студента, с участием хора. Вечером дают нам кофе.

3 окт., суббота – Получаем кофе.

Прислали нам жестяные котелки для супа (шальки). Делаем список людей другого шатра.

4 окт., воскресенье. – День ангела императора Франца Иосифа I. На расстоянии каких-нибудь 100 шагов от наших шатров строят 2 деревянных барака в некотором расстоянии друг от друга.

На плацу между этими деревянными бараками состоялась полевая обедня, на которой присутствуют представители всех шатров и бараков. Обедню совершает почтенный старик о. Долинский, соборне с оо., членами сейма, Сеником и Метеллой. Хор, состоящий из регентов, хороших певцов и студентов университета, числом до 150 человек, поет великолепно.

Присутствующие австрийские офицеры изумлены и приходят в восторг.

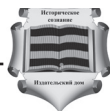
Из нашего шатра присутствуют о. Сприсс и я.

Визит врача. Вечером многие из нашего шатра кашляют.

5 окт., понедельник. – Хорошая погода. Кашель меня меньше мучит, желудок не в порядке, получил рвоту.

К нам все прибывают новые интернированные. Число обитателей нашего шатра достигает уже 300 человек.

6 окт., вторник. – Ночь холодная, спать нельзя. Несогласия между главным комендантом шатра о. Сприссом и цельткомендантами Северином Гайдашевским, Феофилом Ляшем и гимназистом Тюком. О. Сприсс требователен по отношению к подчиненным и смирен по отношению к высшим. Владея в совершенстве немецким языком, он многим помог в беде, умея своевременно замолвить словечко у властей.

На расстоянии каких-нибудь 100 шагов от нашего шатра устроена купальня, состоящая из 2-х маленьких комнат, могущих поместить человек 20. В каждой комнате есть бассейн, деревянный, с горячей водой. Нас делят на партии не больше 30 человек, и каждую партию приводят к купальне каждые 1/2 часа. Первая партия, прибыв на место, выстроилась в ряд и по команде тут на дворе перед купальней раздевалась и голая вошла в купальню, где стала мыться горячей водой. Но зато вторая и следующие прибывали значительно раньше, до выхода купающейся партии, несмотря на это солдаты немедля по их прибытии к купальне приказывали на дворе раздеваться, и интернированные голые стояли в строю, ожидая своей очереди иногда и полчаса. Шёл мелкий снег, обсыпая их тела и одежду, лежащую у их ног. Только когда партия предыдущая выкупалась и выходила, дабы на холоду одеть промерзшую одежду, эти смерзшие люди шли в купальню мыться. Такое купанье явилось рассадником болезней, тифа, воспаления легких и т. п.

Беспорядки при разделе пищи. Восстанавливает порядок главный повар («zwei und zwei»), штыком наказав троих.

Производят дезинфекцию нас и наших вещей, кажется жидким формалином.

8 окт. – Есть дают нам не больше 2-х раз в сутки; чтоб убить ощущение голода, варю себе подобие супа.

10 окт., суббота. – На завтрак дают нам грязный суп с фасолью. В третьем бараке умер какой-то еврей, которого вынесли из барака для установления его смерти. Похороны одного крестьянина.

Привезли лемков из грибовского и сандецкого уездов. Лагерные власти проверяют списки всех живущих в дере-

вянных бараках. Женщины моют белье, а сапожники 2-го барака починяют обувь. Чтобы узнать, кто прибыл с последним транспортом, я вместе с одним священником схватил ушат и отправился по воду.

Вижу перед большим бараком, который предназначался для заболевших холерой, своего отца свящ. Василия Курилло, настоятеля прихода Флоринки, о. Феофила Качмарчика из Белцаревой, с сыновьями Людомиром, нотариальным депендентом, и Владимиром.

Обменяться с ними хоть бы словечком нельзя было, так как за нами по пятам следовали солдаты с ружьями.

Несмотря на это по несколько раз хожу по воду, дабы хоть издали посмотреть на своего отца.

Возле этого большого барака для холерных больных находится главная кухня, а около неё стоит солдатская лавка, где с разрешения властей можно покупать и нам необходимые вещи.

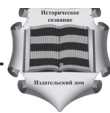
11 окт., воскресенье. – Похороны 2-х человек.

12 окт. – Встаю раньше, чтобы принести в ушате завтрак для барака, а главное, чтобы опять увидеть своего отца.

Похороны православного священника.

Ввиду большого скопления народа в лагере лагерные власти принуждены были запастись новыми котлами, чтобы устроить специальную кухню для интернированных. Теперь уже власти стараются делать запасы съестных припасов, чтобы не морить голодом заключенных в лагере, что раньше водилось постоянно.

Лагерный врач раздает небольшое количество пледов особенно нуждающимся. Оканчивают постройку начатых бараков и начинают строить новые.

13 окт. – Хорошая погода. Раздают некоторым из нашего барака одеяла. За баракком делаем в земле примитивные кухни, чтобы варить часть пищи в кастрюльках или даже кружках. Священники служат вечерню.

14 окт. – Получаю от матери из Флоринки 20 крон и покупаю каучуковый воротничок, также заказываю гетры на ноги. Вновь приводят в Талергофский лагерь несколько новых транспортов интернированных. Ночь теплая.

15 окт., четверг. – С разрешения врача удалось мне передать отцу купон с записками от денежного перевода (на 20 крон) из Флоринки. Свидания с отцом добиться не мог. К своей радости, удалось мне приобрести небольшой кусок мыла, Отдаю в починку пришедшие в негодность сапоги.

Умер о. Людкевич, проф. канонического права.

15 окт. – Умерла одна из женщин. Совет ночью, намереваясь просить помощи для интернированных у военного прокурора (кригс-анвальта)

17 окт., суббота. – Счастливый для меня день, ибо людей из транспорта Грибовского и Новосандецкого перевели в наш барак № 8, так что живу теперь вместе с отцом и о. Владимиром Мохнацким из Черной. Передаём друг другу события, происшествия с нами и наши переживания за время разлуки, вспоминаем прошлое. Впервые узнаю, что благочинный, о. Петр Сандович и его сын Антон, студент философии, с. Брунары, были расстреляны в Новом Санче. Эта весть сильно потрясла всех нас.

18 окт., воскресенье. – Заказываю вторично жилетку, ибо первый заказ оказался безуспешным. Холодно. Врач лечил по старым приёмам военных врачей времен Николая I. Он приносил с собою лекарство одного рода и пичкал им

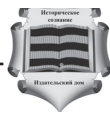

всех больных, независимо от рода болезни, хотя менял сорта лекарств для разнообразия. Сначала давал аспирин, другой день каломель, а на третий – вновь аспирин или какое-то иное лекарство.

19 окт. – Подаю прошение об освобождении меня из лагеря, и отдаче под суд. Все тело моего отца ноет и болит, боли эти вызваны тем, что он был выброшен из автомобиля во время катастрофы, которая случилась по дороге в Новый Санч, куда его вместе с другими везли на военный суд.

20 окт. – Меня избрали комендантом отделения барака (цугскомендант). По новому повелению властей лагеря нам нельзя выходить из бараков с 5 ч. вечера до 11 часов утра следующего дня под угрозой удара штыком. Разрешается выход или больным, или же за надобностью, и то только партиями через каждые 2 часа. В сортир шли мы, сопровождаемые солдатами. Здесь по команде должны были скинуть брюки и сесть на шесть (дрючек) для отправления надобности, по истечении короткого времени (около 2–3 мин.), успел ли кто отбыть надобность или нет, раздавалась команда «одевайся». Вся картина продолжалась не больше 5 минут. Один старик не успел вовремя раздеться, за что солдаты сбросили его в гноевик и остались очень довольны своей шуткой. Бедного почти целиком испачканного испражнениями, с трудом удалось нам вытащить из этой ямы. Сначала и для мужчин и для женщин было одно отхожее место, так что женщины должны были садиться на шест вместе с мужчинами. Только значительно позже для женщин устроили отдельное отхожее место.

21 окт. – Утром мыться можно только с определенного часа, и то не больше 15 минут; кому бы пришла охота мыть-

ся больше или же не в дозволенное время, того ожидал удар ногой и тому подобные наказания. Подавленное настроение среди интернированных. День теплый, но пасмурный. 65 похорон уже было. Сегодня похоронят 66-го умершего. Лагерные власти сняли с нашего барака запрещение выхода с 5 ч. вечера до 11 ч. утра и раздают нам несколько пледов и одеял.

22 окт. – Возле новых деревянных бараков строят новую кухню. В поле сохнет кукуруза в снопах. Военные власти наказали одного солдата 5-часовым арестом за то, что не пробил штыком интернированного крестьянина, за мнимое неповиновение ему же, т. е. солдату. Один мальчик, осмелившийся закурить папироску, подвергся наказанию...

24 окт. – День теплый. Раздача соломы и пледов и составление списков новых интернированных.

25 окт. – воскресенье. Хорошая погода. Богослужение.

26, 27, 28, 29 окт. – Не писал за отсутствием бумаги, которой купить было негде. О. Василий Курилло, с о. Едналием, и Мохнацкий заказывают в лавке таз для мытья, ибо до сих пор мылись мы, поливая воду друг другу на руки.

30 окт. – Приходят вещи моего отца (постель) из Бялой. Для нас это событие было радостью, ибо до сих пор спали мы на соломе, а под голову приходилось класть или одеяла или что-нибудь подобное.

Наконец устроили почтовое отделение в лагере.

Получаю заказанный плед, уплаченный до его получения, но он плохого качества и очень тонкий.

31 окт. – Теплый день. Большая часть, соблазненная теплым днем, вышла из барака: некоторые сели на скамейку, другие варят чай, третьи гуляют или, держа руки в дырявых

карманах, тускло посматривают на проходящих, иные курят тайком из приобретенных тоже тайком трубок, ещё иные играют в карты или самодельные шахматы.

Главный повар приказал всем собраться с котелками для получения обеда за полчаса до его прихода. Мы собрались и, выстроившись в ряды по четыре человека, ожидали прибытия повара более 1/2 часа. Один старик при этом заснул, когда дошла до него очередь, то главный повар черпаком от супа ударил его по голове за то, что тотчас же не подставил своего котелка.

Ноябрь 1914 г.

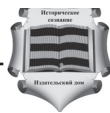
1 ноября, воскресенье. – Холодный и пасмурный день. У кого-то пропал браслет. В 9 ч. утра лагерные власти производят обыск по баракам, отнимают курительную бумагу «Абади» и составляют списки денег, имеющихся у интернированных.

2 ноября. – Дожливый и пасмурный день. Лагерные власти отнимают у интернированных деньги, вносят их в депозит. Вводится строжайшая цензура всех писем.

Лемков из Горлицкого и Ново-Сандецкого уездов, совершенно без основания заподозренных в государственной измене, переводят в Грацкую тюрьму. О. Тофан подвергся 8-дневному одиночному тюремному заключению в лагере за то, что продавал табак.

3 ноября. – Пасмурно. Власти реквизируют суммы денег свыше 10 крон у интернированных нашего барака.

Встречаюсь с вдовой о. Максима Сандовича, православного священника из Ждыни, которого расстреляли без суда и следствия в тюрьме Горлицкой 6 сентября 1914 г., в 6 часов утра.

4 ноября. – Раздача соломы по баракам. Лагерные власти производят дознание, занося в протокол показания в некоторых интернированных из Перемыльского транспорта.

Солдат проколол штыком одного ни в чем неповинного интернированного.

Сегодня кончается третий месяц моего заключения, напрасно потерянное время. Это наводит тяжкие думы, всё раздумываю я, за что и зачем меня здесь держат так долго, сколько дней потерял я даром, никто и никогда мне их не вернет. Грустно и скучно! Каждую минуту можно ожидать ударов, побоев, криков и ругани.

5 ноября. – День тёплый, но пасмурный, солнца не видно. Встречаю цыган полотняного шатра, которые приветствуют меня радостно, как бывшего своего коменданта, и хватают полученными от властей сапогами и платьем, так как то, что было, совершенно обносились. Всё одна и та же песня. Скука и тоска по родным местам.

6 ноября. – Маркус – комендантом какого-то барака. В бараках № 13 померло двое, одного из них проколол солдат штыком за то, что ссорился с товарищем при раздаче соломы.

В лагере холера. Уже ночью власти вывели караулы из лагеря и поместили их за решеткой. Курить ввиду этого уже можно, ибо никто не наблюдает. Ужасный переполох в лагере. Новые распоряжения по случаю холеры, изданные врачами-интернированными. На плацу грязь. Запрещается варить чай! Караульные солдаты стоят сначала в расстоянии 3-х шагов от решетки, а потом в расстоянии 10-ти шагов. Лагерные повара уже не раздают пищи каждому отдельно в котелки, а только в ушаты, на каждый барак в отдельности. Из ушатов мы сами делим пищу между собою. Все лагерные

лавки (кантины) закрыты. Получить съестных припасов, табаку или чего-либо другого нельзя. Курильщики собирают последние крохи табаку, вытряхивая из карманов табачную пыль, и курят эти остатки, с трепетом думая и спрашивая, что им придется курить, если кантина долго будет закрыта. Ванька Вербицкий изображает на бумаге картинки жизни интернированных в лагере. Он тщательно оберегает и прячет свою живопись от ненадёжных глаз.

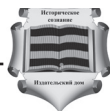
7 ноября. – День холодный и пасмурный. Стирийские крестьяне продают нам хлеб за решеткой. Покупаю 4 1/2 головки чеснока за 30 геллеров, как противохолерное средство. Иду с людьми за хлебом за решётку, в ангарах для аэропланов встречаю массу русских. Полотняные шатры, как видно, опорожнены от живущих в них.

8 ноября. – Отец Василий Курилло собрал 14 крон 41 геллер на покупку риз.

10 ноября. – День солнечный и тёплый. Встаю позже обыкновенного. Коломыец прочёл нам бумагу, по которой 70 человек поимённо суд освободил, и вскоре их пустят домой. Следственные власти производят допросы интернированных через решетку.

12 ноября. – В 10 1/2 часов утра падает дождь. Выйти нельзя. Сидим в бараках и со скуки всё варим чай, или курим. Мыдльак заболел инфлюэнцей. В 4 часа пополудни 77 «украинцев» выходят в сопровождении невооружённых 5-ти солдат из лагеря, это те, кого выпустили на волю. Идут в Грац. Многие из нас сопровождают их до решётки. В бараках № 8 выпущены на свободу: Шеремета, о. Коренец и Чеснок. У них отбирают котелки.

13 ноября. – Наш барак долго был изолирован, и вход не

живущим в нём был запрещён. Следственные власти допрашивают «украинцев». Власти не хотят отправлять наших писем. Нет никаких сведений из Галичины. Зарождается предчувствие великих событий.

14 ноября. – Вечером видим, как люди возле полотняных шатров жгут солому с вшами на кострах. Дым от этих костров стелется по целому лагерю. Собрал 6 крон 9 геллеров на покупку лизоля как дезинфекционного средства. Лизолем моем руки по несколько раз в день.

16 ноября. – Приводят два новых транспорта интернированных, один из Горлиц, сопровождаемый преподавателем гимназии Ельяшом как комендантом транспорта, а другой из Кракова. Разрешение полковника курить явно вызвало великую радость у курящих, которые тотчас же воспользовались правом, демонстративно куря на открытом воздухе.

17 ноября, вторник. – Врач признал меня больным и велел лежать в течение 3-х дней. Лежу на соломе.

Священник о. Кмицикевич-Савин заболел инфлюэнцей и лежит тоже на соломе.

Сегодня врач впервые приказал натопить железную печку, что вызвало среди нас восторг, ибо часто мы прямо-таки замерзали от стужи, в особенности ночью. Все мы собрались кругом печки и радуемся, словно дети, теплу, распространяемому этой благодетельницей. Власти лагеря приказали впервые наклеивать на письма почтовые марки, очевидно, до сих пор они бросали наши письма в мусор, не высылая их.

19 ноября. – Похороны свящ. о. Сандровского. День солнечный, но дует холодный ветер. Распространился слух, что 98 «украинцев», выпустят на свободу. Свящ. Отто и Ед-

накий на паях намереваются приобрести умывальник (таз). Составляю список лемков нашего барака.

24 ноября. – Утром снег, несколько позже мелкий дождь. Иду за завтраком. Высылаем Могилу, Савицкого и Шууха за углём, ибо становится холодно. Власти не хотят дать угля, утверждая, что переговоры с поставщиками (собственно торговцами) угля ещё не закончены. Многие, в их числе и я, сильно кашляют. Похороны Кобылки Николая.

Власти перевели всех евреев в 11-ый барак, который потому и получил название «еврейского».

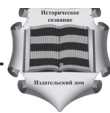
26 ноября. – Узнаю, что почти в каждом бараке образовался хор.

28 ноября. – Пришёл новый транспорт интернированных, который распределяют по баракам. В нашем бараке есть 200 человек, из которых некоторые спят на сырой земле, ибо нет соломы. Солома, на которой мы спим, стерлась и смешалась с грязью.

30 ноября, понедельник. – В бараке холодно. Власти раздают женщинам несколько десятков сапог и солому. Одному священнику за то, что хотел взять себе немного соломы, солдат палкою перебил руку.

Декабрь 1914 г.

6 дек. – Постовой солдат выстрелил в одного человека, намеревающегося перейти за решетку, однако пуля попала не в этого человека, а в другого, который в тот момент молился в бараке № 15. Сейчас прибыл д-р Могильницкий и 2 лейтенанта, велели взять раненого в лазарет, где спустя 2 часа раненый скончался. Его похоронили в 6 часов после обеда.

Из нашего барака выслан был на похороны как представитель Гоцкой. Умерший был русским душою.

Власти открывают госпиталь.

9 дек. – Удалось мне получить от властей 50 рубах, 18 одеял и 35 онучей для нуждающихся в нашем бараке. Я покупаю лампу за 4 кроны. Эта первая лампа в лагере вызвала восторг в нашем бараке, ибо дает возможность читать и писать даже ночью.

10 дек. – Получаю из магазина для нашего барака 50 пар онучей и 30 одеял датских, которые набиты вместо ваты тоненькими обрезками бумаги, но толщина одеял незначительна. И такие одеяла произвели радость, ибо многие спали в том, в чем ходили.

11 дек. – По приказанию властей делаем список больных и калек и стариков, для осмотра и – допроса.

16 дек. – В моём бараке 212 человек, из которых много больных, так что ежедневно веду по несколько человек в лазарет. Вшей так много, что не успеваем их уничтожать, солома пропитана и ими и грязью.

29 дек. – Сегодня ранним утром один из больных, почти в бреду, взял котелок и пошёл к решётке за водой, ворота были открыты. Постовой солдат, вероятно, крикнул ему «стой» (halt), но он, сонный, не слышал окрика и шёл дальше, тогда солдат выстрелил и ранил его, причём ранил вторым выстрелом другого, который побежал за первым, чтобы его вернуть. Раненых тотчас же отвели в лазарет. Распространился слух, что в лагере воскрес мертвец.

Это, вероятно, был больной, который находится в лёгком летаргическом сне. Прибывший медик констатировал смерть и велел похоронить его. Мнимого покойника поло-

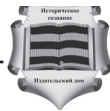
жили в гроб, в действительности в ящик, в котором обыкновенно доставляют в Галичине яйца, забили крышку и понесли «к соснам»; в боковых воротах решётки один из несущих покойника споткнулся, чем вызвал сотрясение ящика; почти тотчас же, внутри ящика, послышался стук, несущие, в испуге, опустили ящик и стали отбивать крышку. Лежащий в ящике пошевелинулся и даже открыл глаза, тогда вынули его из ящика и повели обратно в лазарет. Постовой же солдат донес властям, что мертвец воскрес.

Весьма возможно, что проверка факта смерти производилась медиками небрежно, только для виду. Такой медик тыкал предполагаемого мертвеца палкой в разные места тела и, если тот не шевелился, признавал его мертвым, хотя тот мог находиться в летаргическом сне. Что же касается трёхдневного срока для похорон, то его не придерживаются из-за эпидемии тифа. В виду этого могло быть и больше таких случаев, когда мы по приказанию властей хоронили своих товарищей в летаргическом сне, сами не зная этого. Только случай с мнимо воскресшим открыл нам глаза на эту полную ужаса возможность.

Январь 1915 г.

20 янв. – В лагере умерло 25 человек. Врач д-р Дорик заболел тифом.

30 янв. – Сегодня очень холодно. Большая часть людей лежит на соломе, прикрытая всем, что только у каждого ещё есть. Велю топить печку досками, ибо стужа нестерпима. Некоторые из нас имеют только подобие кожухов, ибо эти кожухи вследствие дезинфекции паром, пришли в негодность.

Февраль 1915 г.

1 и 2 февр. – Вследствие недостатка движения, у большинства наступили такие запоры, что только значительные дозы каломели или глауберовой соли могут очистить желудок.

4 Фев. – Получаю на наш барак 47 датских одеял, у всех оказалось теперь по одеялу, за исключением о. Курилло, который отказался взять одеяло. В 7 часов пополудни температура в бараке упала до 12° Реомюра.

21 февр. – Люди 1-ого барака спят сегодня на голых досках, ибо в надежде на получение свежей соломы, которой им не доставили, выбросили свою истёртую солому. Осталось там только 79 человек, ибо 120 заболевших тифом перевели в тифозный барак. Говорят, что всех нас переведут в 1-й барак.

22 февр. – День тёплый. Конференция всего медицинского персонала лагеря под председательством главного врача. Врач нашего барака после конференции заявляет нам, что произведёт дезинфекцию нашего барака. Мы собрали всю солому нашего барака и вымели её, со всеми паразитами, в ней находящимися, за барак и, сложив в одну, кучу сожгли её. Многие из наших пытались уйти в 1-й барак, но вернулись обратно.

Март 1915 г.

4 марта. По баракам впервые раздают по одной ванне, многие из нас смотрят на эти ванны с таким видом, как будто впервые в жизни видят что-то подобное, до того мы отвыкли от привычек культурной жизни.

9 марта. – Увы, мы получаем вещи забракованные и сшитые почти по одной мерке, и то получаем их всегда перед

прибытием ревизионной комиссии. Понятно, что эти вещи почти никуда не годятся и особенно не подходят тем, кто их получает. Из-за этого почти всегда передаются портному Вейсу (немцу) для переделки, и вследствие этого у него всегда много работы. Один просит укоротить брюки или душегрейку, другой, напротив, удлинить брюки или их сузить, или же расширить, то же с душегрейками: тому она узка, а другому чересчур широка, тому рукава короткие, другому же длинные и т. д. Бедный Вейс не знает, за что раньше взяться, а работу надо скоро окончить, ибо может нагрязнеть комиссия. Часто можно видеть людей, ходящих в платье, сшитом из кусков разных материй, ибо Вейс производит починки из всего, что ему попадает под руку.

2.4. Газетные статьи о злодеяниях против русинов

Документ № 26 Отрывок из статьи (газета «Прикарпатская Русь» от 24.01.1915 г.)

Один из интернированных в Талергофе, возле Граца, галичан, интеллигентное лицо, освобожденный по ходатайству влиятельного депутата, вернувшись через Бухарест на родину, сообщает, что он был вывезен из Львова с партией в 1 600 человек. Ехали в товарных вагонах. Были пять суток в дороге. Несколько лиц от истощения и от полученных во Львове, при следовании на вокзал, побоев от толпы, умерли. По прибытии в Талергоф трое суток ютились под открытым небом, окружённые караулом. Затем партию в 700 человек, в составе которой было 300 русских подданных, захваченных у буковинской границы, в том числе 20 православных священников, перевели в громадный ангар, освобожденный от аэропланов. Спали на земле. Пищу получали раз в день. Почти каждый день 200–300 человек оставались без пищи. Караульные немцы и мадьяры издевались и мучили заключённых стариков, священников, членов суда; заставляли их чистить отхожие места, таскать тяжёлые предметы, избивая до крови тех, кто не мог справиться. Настоятеля прихода Добрусин, Жолковского уезда, старика священника Дуркота, не могшего справиться с тяжестью, избили прикладами до крови. Сыновья подошли выручить отца – их тоже избивали. Часто караульные без малейшего повода пускали в ход штыки. Трёх крестьян закололи. 50 человек, в том числе православный священник, получили штыковые раны. В конце сентября караулили славянские солдаты и офицеры-славяне.

Число узников возросло до 8-ми тысяч. В первой половине октября положение узников круто переменилось: начали обращаться человечнее, кормить два раза в день; отделили больных, разрешали врачам пользоваться больных, а священникам – хоронить умерших. К концу ноября умерло в общем свыше 150 человек. Заключённые помещаются в ангаре и в нововыстроенных бараках; среди них 1 500 интеллигентов, в том числе 300 священников и 6 000 крестьян. Есть двенадцати-, десяти- и даже пятилетние дети. Большинство заключённых были под следствием, которое прекращено, и считаются интернированными. Несколько человек подлежат суду, в том числе бывший депутат сейма Сеник и настоятель прихода Галича священник Винницкий. На обратном пути, в Вене, рассказчик узнал, что всех священников галичан арестовано около 800; большинство из них находится в Линце, где содержится под стражей также депутат венского парламента Марков.

Документ № 27

Отрывок из статьи о репрессиях русского населения Галиции (газета «Діло» № 180 за 1914 г.)

Военные власти предприняли целый ряд репрессивных и превентивных факторов, которые заключались прежде всего в аресте московских агентов и шпионов и в запрете русофильских обществ. Кроме того, также было арестовано небольшое количество «старорусинов» в Бучачи и её окрестностях. В первую очередь, в неволе оказался доктор Могильницкий... У него в доме был произведён тщательный обыск, который мало чего дал в поисках компромети-

рующего материала на него, по этой причине на следующий день были арестованы его жена и сын. Одновременно с Могильницким был арестован судья Костецкий и начальник почты...Кисилевский... Всех арестованных вывезли в Коломыю, административный центр района. Все русофильские общества были запрещены.

Документ № 28

Отрывок из статьи о злодеяниях австрийцев при наступлении русских (газета «Прикарпатская Русь» № 1521 за 1915 г.)

Корреспондент «Утра России» Михаил Ратов передает рассказ одного крестьянина из Городка про ужасы, какие творили австрийские власти при приближении русских:

«Вот видите, на этих деревьях перед окнами висели подозренные в «русофильстве», так прямо на деревьях вешали. Сутки повисят, снимут – и других на них же вешают. Много ужасов набрались. Здесь вот обломанная ветка. Повесили одного, обломилась, подтянули его повыше. А тут за углом учителя расстреляли. Поставили к стене, а напротив 5 солдат с ружьями. Дважды дали залп, хоть он и упал, – хотите посмотреть?»

Пошли. На стене выбито несколько дыр от оружейных пуль.

И трудно себе представить, что на этом самом месте, где мы стоим, разыгралась такая ужасная трагедия. Здесь, на этом месте, со связанными назад руками, подкошенный пулями, свалился несчастный – по доносу шпиона.

А шпионов развели австрийские власти массу. На заборах, стенах – всюду висели объявления с расценками: за

учителя – столько-то, за священника – столько-то, за крестьянина цена ниже и т.д.

И достаточно было одного голословного доноса, чтобы несчастного схватили и бросили в тюрьму либо предали казни.

Много страшных вещей рассказал наш хозяин...

Документ № 29

Отрывок из статьи о репрессиях против русинов (газета «Прикарпатская Русь», 1914 г., № 1490)

Из местной русской интеллигенции не осталось в Добромиле к началу войны почти никого. Вообще арестовали австрийцы в Добромиле 41-го человека. В числе других были арестованы местный настоятель прихода о. Владимир Лысяк, секретарь городской управы Петр Теханский и адвокат д-р Мирослав Ильницкий. Характерно, что тут же был арестован сам уездный староста-поляк Иосиф Лянге за то, что будто бы слишком вяло принялся за истребление «русофилов» в уезде.

Вообще, в Добромильском уезде, как везде, не обошлось без казней и расстрелов русского населения. Центральным местом для этих казней было село Кузьмино. Сюда приводили арестованных со всей окрестности и здесь же вешали. Виселицы были устроены очень просто. В стену одного крестьянского дома вбили ряд железных крюков, на которых затем и вешали несчастные жертвы. В общем казнено здесь 30 человек, в том числе 20 из с. Бирчи.

Среди жертв удалось впоследствии опознать четырёх крестьян из с. Тростянца – Кассияна Матвея, Евстахия и Ивана Климовских и пастуха Дуду.

В с. Кваскнине застрелил австрийский офицер крестьянина Павла Коростенского за то, что тот не мог указать ему, куда пошли русские войска.

Документ № 30
Отрывок из статьи
(газета «Прикарпатская Русь», 1914 г., № 1493)

Во время вторичного вторжения австрийцев в Долинский уезд, в первой половине октября 1914 г., были арестованы ими в с. Княжолук по доносу местных мазепинцев пять крестьян и одна крестьянка. Один из арестованных дал доносчику 100 корон и после этого был отпущен на свободу, все же остальные были повешены в с. Выгоде, под мостом. Имена повешенных: Матвей Петрик, Иван Гайнюк, Осип Фединяк, Дорофей Сосник и Елена Ковердан.

Двумя жандармами, поляком Холевой и «украинцем» Винницким, был предложен властям список лиц, которых следует повесить. На первом месте в списке стоял настоятель местного прихода С. Т. Рудь. Однако, в виду прихода русских войск, австрийцы не успели исполнить своих замыслов.

Документ № 31
Отрывок из статьи
(газета «Львовский вестник», 1914 г.)

В г. Долине австрийцами был схвачен крестьянин Иван Шинков, которому, после продолжительного допроса и издевательств, объявили, что он приговаривается к смертной казни за «предательство». Но затем «сжалились» и предложили уплатить 100 корон (30 рублей) штрафа «за измену», и «он будет помилован». К счастью Шимкова, у него нашлась

требуемая сумма, и он был отпущен. Односельцы же его – Иван Гаянюк, Елена Ковердан, Матвей Петрик, Дорофей Сосник и Осип Фединяк – по-видимому, не имевшие в своём распоряжении требуемой суммы, были все повешены.

Документ № 32
Отрывок из статьи
(газета «Прикарпатская Русь», 1914, № 1478)

В с. Устьи над Днестром ворвавшиеся в село австрийцы увели 10 человек крестьян (двое мужчин и восемь женщин) и в продолжение двух дней зверски издевались над ними. Арестованных настойчиво спрашивали, русские ли они, или же поляки, причем крестьянина Федора Горака, назвавшего себя русским, ограбили и тут же убили. Опасаясь судьбы несчастного Горака, арестованные женщины заявили, что они польки, после чего им было приказано молиться по-польски. Польскую молитву знала только одна из них, и её отпустили домой, остальных же взяли с собой и во время сражения держали впереди боевой линии. Напор русских войск со стороны Дороговыжа заставил австрийцев бежать, что спасло арестованных от неминуемой смерти.

В своей ненависти к русскому населению австрийцы пользовались также и провокацией. Например, в с. Тернавке появилась какая-то женщина и просилась к крестьянам на ночь. Её приютил А. Каминский. Утром после её ухода нашли в комнате трёхрублёвку, а в час после этого явился жандарм и арестовал Каминского как опасного шпиона. Доказательством послужила русская ассигнация.

Неизвестная женщина дальше оставалась в селе на свободе, но ей никто уже не позволил ночевать в своём доме.

Как относились к этим издевательствам и арестам галицкие «украинцы», можно видеть из следующих фактов:

В с. Дубравку несколько раз заезжал благочинный Березовский (украинофил) из Ляхович Заречных, расспрашивая крестьян, о чем говорит их священник (русский), в частности же, не распространяет ли он среди них «русофильства»?

В с. Ляховичах Подорожных арестовали крестьян по указаниям железнодорожного кондуктора из Стрыя, «украинца» В. Найды, который за освобождение из-под ареста брал от крестьян 10-20 корон. Освобожденных записывал Найда за такую же плату «на Украину», уверяя тёмный народ, что только эти записанные останутся на свободе и в безопасности.

2.5. Закрытие «русифильских» обществ и газет во Львове

Документ № 33 Отрывок из статьи (газета «Діло» 1914 г., № 17/18720)

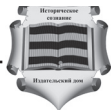
«Многие «москвофильские» деятели заблаговременно убежали в Россию, между прочим – Бендасюк, Дудыкевич, Глушкевич. Бендасюк успел уже принять православие в Харькове.

Во Львове также производятся аресты «москвофилов»; между прочим, арестован Пашкевич, директор «москвофильской» львовской «Самопомощи». «Прикарпатская Русь» перестала выходить.

Произведены аресты среди «москвофилов» также в Городке, Бобрке и других городах. Аресту подверглись также польские «москвофилы». В Кракове арестован польский депутат Заморский, известный «москвофил», а его газета «Polska Gazeta Ilustrowana» закрыта.

Документ № 34 Отрывок из статьи (газета «Діло», 1914 г., № 172, 4 августа)

Среди москвофилов во Львове и на провинции производятся дальнейшие обыски и аресты. В Щирце арестованы о. Романовский из Дмитря, о. Стебельский из Горбач и щирецкий псаломщик Хомин. Во Львове арестован д-р Гриневецкий, представитель официального русского телеграфного агентства. Существование издательства «Прикарпатской Руси» полиция прекратила, в редакции произвела тщатель-

ный обыск и арестовала несколько лиц из администрации, а также редакции газеты. Редактор «Прикарпатской Руси» Лабенский, вместе с Дудыкевичем, Глушкевичем и другими выдающимися «москвофилами», бежал в Россию.

Документ № 35
Отрывок из статьи
(газета «Діло» № 173, 5 августа 1914 г.)

Вчера, по приказу наместничества, прекращена деятельность «москвофильских» обществ: «Народный Дом», «Общество им. Михаила Качковскаго» и всех других «москвофильских» обществ. Для управления имуществом этих обществ назначены правительственные комиссары.

Документ № 36
Отрывок из статьи
(газета «Діло» № 174, 1914 г.)

В очередном порядке полиция приостановила деятельность следующих «москвофильских» обществ во Львове: «Русская Рада», «Общество русских дам», «Свято-Владимирское Общество», «Союз русских дружин в Австрии», «Русская дружина во Львове», «Общество русских женщин» «Жизнь», «Кружок русских студентов-политехников» и «Друг». Помещения всех названных обществ опечатаны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Но выставить и пригвоздить весь этот кошмар и ужас к позорному столбу истории всё-таки желательно и нужно»

Трагедия восточнославянского населения Галичины и Буковины, а если быть более точным – той его части, которая отождествляла себя с русской цивилизацией и испытывала симпатию к России, уже достаточно хорошо известна. Последние годы к ней проявлен интерес, который в исторической ретроспективе сложно назвать иначе, как запоздалым.

Тем не менее, несмотря на значительный объем литературы, остаётся ряд непрояснённых вопросов, без понимания которых невозможно в полной мере оценить маховик террора, его движущие пружины и принцип действия.

Одной из таких неизученных тем является гибель галицийских и буковинских русинов в ходе бессудных казней и линчеваний. С психологической точки зрения, подобные казни (или, скорее, убийства) отражают атмосферу, царившую в восточных габсбургских провинциях. С юридической – степень девальвации как правовых, так и нравственных норм у значительной части их населения, охваченного шовинистической горячкой.

О ходе подобных расправ могут свидетельствовать несколько самых характерных случаев. Первый – это крупнейшая и наиболее циничная их них, произошедшая 15 сентября 1915 года в Перемышле. Тогда военнослужащие австро-венгерской армии, вместе с присоединившимися к ним обывателями, убили 44 человека. Расправа произошла днём, в центре города, в людном месте. Множество людей

оказалось свидетелями, кроме того, выжило двое участников расправы. И, тем не менее, документы свидетельствуют однозначно – австрийское правосудие в лице военного командования перемышльской крепости закрыло глаза на бойню. Формальный отчет полицейской команды, за которым не последовали никакие судебные действия – это всё, чем отреагировали власти. Эта трагедия получила некоторое отражение в исторической литературе – так, со ссылками на документы, её описал польский историк Зигмунт Ласоцкий (Lasocki 1929:246-248) и галицийский историк карпато-русского направления Адриан Копыстьянский (Копыстьянский 1937). После Второй мировой войны, однако, тему постигло практически полное забвение.

Меньшими по размаху, но также весьма показательными случаями, являются расправы в галицком селе Сосница и буковинском посёлке Глыбокая. Расправа в Соснице (ныне – Польша, подкарпатское воеводство) произошла 13-14 октября 1914 года. Тогда венгерские солдаты, войдя в село после временного отступления арестовали и повесили восемь местных крестьян. После войны удалось установить, что крестьян обвинили в «русофильстве» односельчане. Расправа не имела даже формального сходства с правосудием – арестованные по голословному доносу крестьяне (среди которых, к слову, один слабоумный) были казнены по приказу оставшегося неизвестным офицера. Как сообщали впоследствии свидетели, казни предшествовали жестокие истязания. Никакого, даже такого формального, как в случае с перемышльским погромом, следствия не проводилось, подробности расправы были установлены после войны деятелями галицко-русского движения путём опроса очевидцев

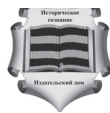
(Талергофский альманах, 1924:т.1).

Аналогичным является случай буковинского села Глыбокая (ныне – райцентр Черновицкой области, Украина), где в том же октябре 1914 года по устному распоряжению австрийских жандармов было повешено, по меньшей мере, шесть крестьян, заподозренных в симпатиях к российским войскам (Компанієць, 1960:223). Эта расправа не была подкреплена никакими судебными документами или официально вынесенным обвинением.

Все три случая имели несомненное сходство по нескольким пунктам. Во-первых, расправы были классическим линчеванием, не сопровождавшимся даже самым условным юридическим базисом. Во-вторых, по меньшей мере, в случае с Сосницей и Глыбокой, опорой для расправы были голословные доносы. В-третьих, убийцы не понесли никакого наказания, хотя установить их личности было сравнительно нетрудно.

Эта сторона террора показывала, во-первых, насколько глубоко заражены были многие граждане Австро-Венгрии национализмом и русофобией, становясь порой способными на самые отвратительные преступления. Во-вторых, полная безнаказанность линчевателей демонстрировала, сколь плотной была повязка на глазах габсбургской Фемиды в случаях, касавшихся её «неправильных» граждан.

Перечисленные выше случаи, безусловно, не были единственными. В позднейших работах, посвященных мартирологии австро-венгерского террора, в периодической печати отражено множество подобных происшествий. Тем не менее, эта сторона трагедии галицийских и буковинских

русофилов остается полностью неизвестной.

Сколь ни часты были подобные самосуды, но они во многом остаются белым пятном. В отличие от жертв концлагеря Талергоф, военной тюрьмы Терезин и других лагерей и тюрем меньшего размера, которые поддаются хотя бы примерному подсчету, число жертв самочинных расправ не установлено даже приблизительно. Сам факт произвольности подобных расправ делал их «юридическими невидимками»: люди погибали, но ни в каких официальных документах это не отражалось. Об этом можно было судить лишь по воспоминаниям очевидцев, ретроспективному отражению в прессе, начиная с 1917-го года (до этого военная цензура напроць исключала любое упоминание в печати), отдельным историческим работам.

Оценка общего количества погибших подобным образом, анализ обстоятельств их смерти и причин трагедии остаётся ещё не выполненной, а по сути, и не поставленной исторической задачей. Даже самый беглый обзор работ и источников, касающихся темы (таких как, к примеру, «Талергофский альманах» или работа румынского историка Теодора Балана «Suprimarea mișcării naționale din Bucovina pe timpul războiului mondial 1914–1918») позволяет утверждать, что в результате приговоров военных судов и самовольных линчеваний погибло не менее нескольких сот человек обоого пола и разных возрастов, включая детей и подростков.

Волна террора, как направляемого государством, так и осуществлявшегося по личной инициативе военных и гражданских лиц, покоилась на многолетней кампании ненависти ко всему, что так или иначе связано с Россией.

Заключение

Результатом этой кампании стали не только несколько тысяч погибших (в местах заключения либо в результате военных судов и самочинных расправ) и десятки тысяч прошедших сквозь лагерь и военные тюрьмы. Надлежит помнить, что, спасаясь от террора, десятки тысяч буковинцев и особенно галичан покинули родную землю. Очевидно, что речь идет в абсолютном большинстве о представителях старорусинского (русофильского) лагеря. Часть из них впоследствии вернулась в родной край, но не все. Организационный разгром карпато-русского движения, эмиграция или гибель множества его активистов позволили вывести движение из политического поля в переломный исторический период. Этот факт надлежит учитывать, анализируя причины широкого распространения в этих регионах украинского национализма в послевоенный период и угасание карпато-русской идентичности.

Львов. С 1772 по 1918 год официально носил название Лемберг и был столицей австрийской провинции. В сентябре 1914 года был взят русскими войсками, и почти год был центром Галицийского генерал-губернаторства. На сегодняшний день является областным центром Львовской области, а также Галиции и Западной Украины.

Перемышль (Пшемысль). Город на юго-востоке Польши на реке Сан. После первого раздела Речи Посполитой был частью Галиции. В начале Первой мировой войны (1914) считался военной крепостью с 140 тыс. австрийских солдат. К 1915 году был взят русской армией, но через некоторое время был отвоёван немцами и австрийцами. После Первой мировой становится административным центром Перемышлянского воеводства, а с 1998 года – является центром Подкарпатского воеводства.

Лемковщина. Австрийские власти были против дружественного отношения лемков к русским, поэтому во время Первой мировой войны несколько тысяч лемков было вывезено в Талергоф, где они и погибли. После распада Австро-Венгрии Лемковщина боролась за самоопределение, пытаясь создать свое государство. В конце концов, отдельное государство не образовалась, и сейчас Лемковщина располагается частично на территории Польши (Малопольское и Подкарпатское воеводства), Словакии и Закарпатской Украине.

Станислав. После Первого раздела Польши уже переименованный Станиславов отошёл к империи Габсбургов. Во время Первой мировой здесь проводились ожесточённые бои, в результате чего к 1915 году русские войска заняли

город. Но через 2 года сюда вновь вернулись австрийские власти. После Второй мировой войны город получил свое прежнее название – Станислав – и стал областным центром УССР. В 1962 году к 300-летию города Станислав был переименован в Ивано-Франковск в честь выдающегося писателя и поэта Украины.

Черновцы. Город находился в составе Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны русские преследовали евреев, депортируя их из Буковины. После войны было решено воссоединить украинскую и румынскую части Буковины в составе Румынии. В начале Второй мировой войны Черновцы вошли в состав УССР. Город располагается на юго-западе Украины, на правом берегу реки Прут, и наше время считается административным центром Черновицкой области.

Мукачев (Мукачево). Является центром Мукачевского района в Закарпатской области Украины. Во время Первой мировой войны в Мукачевском районе по указанию Австро-Венгерской Империи находились русские пленные. Бои здесь не велись, но с 1890 по 1913 год из Мукачева эмигрировало около 100 тысяч из-за вспышки холеры. За все годы своего существования город переходил от одного государства к другому (Австро-Венгрия, Русская Краина, Чехословакия, Венгрия), но окончательно стал принадлежать Украине с 1944 года после прихода советских войск.

Бережанский уезд. С конца X века был в составе Киевской Руси, с XIV века – под главенством Галицко-Волынского княжества, а после Первого раздела Речи Посполитой уезд перешёл к Австрии. Во время Первой мировой на данной территории разразились бои между австрийскими и

русскими войсками. 1919–1939 гг. – в составе Польши. С 40-х годов XX века Бережанский район – административная единица на западе Тернопольской области.

Борщевский уезд. Был под подчинением Польши до её Первого раздела, после этого перешёл к Австрии. С 1914 по 1917 год город Борщев был оккупирован русскими войсками. С 1918 по 1939 год был частью Тернопольского воеводства Польши. Начиная с 1939 года, находится в составе Украины, на юго-востоке Тернопольской области.

Гусятинский уезд. С X в. является частью Киевской Руси, с XIV века и до Первого раздела Польши находится под властью Польши. С 1772 года до конца Первой мировой уезд считался Австро-Венгерским. Во время Первой мировой войны в Гусятинском уезде, как и в других уездах Тернопольского воеводства, шли бои между русскими и австрийскими войсками. С 1939 года становится частью Украинской ССР, а потом уже Украины в составе Тернопольской области.

Красное. Село в Гусятинском районе Тернопольской области Украины. Было основано в 1564 году. В селе находится Братская могила воинов УСС (Украинские сечевые стрельцы). Данное воинское формирование появилось в начале Первой мировой войны.

Городок. Административный центр Городокского района Львовской области. Был основан в 1213 году. Был в составе Галицко-Волынского княжества. Во время Первой мировой войны в 1914 году здесь произошла Городокская битва, в которой столкнулись русские и австро-венгерские войска. Русские войска одержали победу. Данное сражение являлось составной частью Галицийской битвы.

Яворов. Город в Львовской области, Украина. После Первого раздела Польши был в составе Австро-Венгрии. После Первой мировой войны входил в состав Западно-Украинской Народной Республики со статусом уездного города. Сейчас это город, расположенный на реке Шкло.

Дрогобычский уезд. Дрогобыч – город областного значения Львовской области. С 1772 года был в составе Австро-Венгрии. В сентябре 1914 года вошли русские войска, а в мае 1915 года город захватили австро-венгерские и немецкие войска. Начался жестокий террор, многих жителей отправили в концентрационный лагерь в Талергофе. С 1939 по 1956 год существовала Дрогобычская область. На сегодняшний день район находится на юго-западе Львовской области.

Жидачовский уезд. Находится в Львовской области. В годы Первой мировой войны очень пострадал от австро-венгерских войск. Они грабили и убивали украинских крестьян. В 1915 году в Талергоф было отправлено большое количество жителей города (А. Гивель, И. Ткачик, А. Бобык, М. Гордышинский, И. Скоробогатый, Д. Богонос и др.). Жидачовский район расположен в юго-восточной части Львовской области в бассейне реки Днестр.

Золочевский уезд. Считался частью Галиции. В начале Первой мировой являлся ареной военных действий. Также арестовывали прорусски настроенных жителей, уже в августе было арестовано и отправлено в Талергоф 150 человек. После войны в 1920 году в городе Золочев провозгласили Советскую власть. Золочев – город районного подчинения Львовской области, находится в восточной её части.

Калушский уезд. Центром является город Калуш. Дан-

ный район известен тем, что в селе Старый Угринов в 1909 году родился Степан Бандера. Калушский район находится на севере Ивано-Франковской области.

Радеховский уезд. Радехов – город районного подчинения Львовской области. В период Первой мировой 18% жилых домов было разрушено, а прорусские жители насильно были перемещены в Талергоф. Радеховский район расположен на севере Львовской области.

Самборский и Старосамборский уезд. Эти уезды появились давно. Как и многие районы Львовской области были в составе Галиции. Во время Первой мировой войны здесь, в районе Карпат, велись бои между австро-венгерскими и русскими войсками. Местные жители испытывали симпатию к русским, и поэтому многие были отправлены в концлагерь Талергоф.

Стрыйский уезд. Стрый – центр Стрыйского района. Первая мировая дала надежду жителям уезда освободиться от гнёта Австро-Венгрии. Именно поэтому они были на стороне русских, когда проходили бои. Русские освободили уезд. В наше время Стрыйский район находится в Львовской области, на левом берегу реки Стрия.

Мостисский уезд. Мостиска – город районного подчинения Львовской области. С XIV века и до распада Речи Посполитой Мостисский уезд был в составе Польши. После распада Польши перешёл во владение Австро-Венгрии (Перемышльский округ). В городе, да и во всем прилегающем уезде во время Первой мировой войны было тяжёлое положение. Ситуацию ухудшало и то, что многих из-за симпатии к русским отправляли в концлагеря, в частности, в Талергоф. Современный Мостисский район находится на

реке Сечна (бассейн Вислы) недалеко от украинско-польской границы.

Русско-равский уезд. Рава-Русская – город районного подчинения, центр городского Совета, расположенный вдоль реки Рата, в Нестеровском районе (с 1991 года – Жолковский район) Львовской области. 2-11 сентября 1914 года в городе проходило сражение Галицийской битвы между русскими и австро-венгерскими войсками. Также в военное время тех, кто выражал протесты по поводу существующего государственного строя, расстреливали, а остальных отправляли в Талергоф (прорусских). В 1919 году проходили бои I Корпуса Украинской Галицкой армии и поляками.

Добромильский уезд. Добромиль – центр районного подчинения в Старосамборском районе Львовской области. В годы Первой мировой войны многие жители были в составе австрийской армии. После войны до 1939 года Добромильский район был в составе Польши. На сегодняшний день является частью Украины.

Санокский уезд. Санок – центр Санокского повята в Подкарпатском воеводстве Польши. Первые письменные упоминания приходятся на XII век. Своего процветания достиг к XIV веку, во время правления Казимира Великого. В результате разделов Польши уезд был под управлением Австрии. Но после распада Австро-Венгрии перешёл обратно к Польше. Санокский повят находится на юго-востоке Польши, граничит со Словакией.

Горлицкий уезд. Горлице – административная единица Малопольского воеводства Польши и центр повята. Считается, что Горлице был основан в XIV веке Дерславом I. Город известен тем, что в 1915 году здесь произошёл Гор-

лицкий прорыв. Это была наступательная операция германо-австрийских войск для разгрома русских. Начавшаяся 2-го мая 1915 года, операция закончилась 15-го мая того же года поражением русских. Это поражение минимизировало шансы русской армии победить в Карпатской операции.

Коломыйский уезд. Коломыя – центр Коломыйского района в Ивано-Франковской области. С 1772 года уезд был в составе Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны в Коломые проходило несколько сражений при участии русских, польских и австро-венгерских войск. После войны район был разграблен и разрушен. С 1918 года уезд относился к ЗУНР, 1939–1941 гг. – в составе СССР. В годы Великой Отечественной войны город был оккупирован немцами, треть города была сожжена.

Каменка-Струмиловский уезд, город Каменка-Струмиловская. До 1471 года город назывался Дымошин, с 1471 по 1944 год – Каменка-Струмиловская, с 1944 – Каменка-Бугская. Во время Первой мировой войны город переходил из рук в руки. В августе 1914 года местные жители поддерживали русских, а когда в город вернулись австрийские войска, жителей преследовали за их дружеское отношение к братскому народу.

Подгаецкий уезд. Подгайцы – центр Подгаецкого района Тернопольской области. После Первого раздела Польши город принадлежал Священной Римской Империи германской нации до 1804 года. С 1804 года – в составе Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны Подгаецкий уезд стал частью Брусиловского прорыва.

Будапешт. Столица Венгрии. В IX веке возникают два отдельных города: Буда и Пешт, которые разделяла река

Дунай. Первый мост, соединивший города, был построен в 1849 году. Строительство этого моста поспособствовало созданию Будапешта в 1873 году как единого города, объединившего Буду, Пешт и Обуду. В Первой и Второй мировой войнах Венгрия была на стороне Германии. Современный Будапешт с населением 1,8 млн. чел (на 2011 год) входит в десятку крупных городов ЕС.

Зборов. Находился в Галиции, Австро-Венгрия. В июле 1917 года во время Июльского наступления между русскими и австро-венграми произошло Зборовское сражение. С 1939 года город перешёл в состав УССР. На сегодняшний день Зборов находится в Тернопольской области, в Украине.

Любачувский уезд. Любачев – город в Галицко-Волинском княжестве. Первое упоминание относится к XIII веку. С 1376 года был в составе Русского воеводства Польши с переименованием в Любачув. В результате Первого раздела Польши гмина становится австрийским владением. После Первой мировой войны с 1920 года Любачувский повят находится во Львовском воеводстве Польши. В 1939 году становится частью УССР. С 1999 года город Любачув является центром Любачувского повята Подкарпатского воеводства.

Рогатинский уезд. Город Рогатин – административный центр. 1772–1918 гг. – Рогатинский уезд находился в составе Королевства Галиции и Лодомерии в Австро-Венгерской Империи. К 1910 году почти половина жителей была евреями. С началом Первой мировой войны многие евреи под давлением преследований покинули город, но к 1917 году в связи с созданием ЗУНР большая их часть вернулась. После распада Советского Союза Рогатинский район относится к Ивано-Франковской области в Украине. (Интересный факт:

в Рогатине родился французский композитор Натан Глацберг, сочинявший музыку для кино и песен Эдит Пиаф).

Сокальский уезд. Сокаль – город районного подчинения. Впервые упоминается в начале XV века. С 1772 года – составная часть Австро-Венгрии. В 1891 году Сокаль стал свободным королевским городом, одновременно оставаясь уездным центром. В 1915 году жители встретили русскую армию под командованием Брусилова как освободителей от иностранного ига. 1920–1939 гг. – находился в составе Львовского воеводства Польской Республики. С распадом СССР стал принадлежать Украине, входит в состав Львовской области.

Тернопольский уезд. Тернополь вместе с округом после раздела Речи Посполитой в 1772 году входил в состав Австрии. По Шенбруннскому договору с 1810 года и до проведения Венского Конгресса был в составе Российской Империи. С 1815 года – вновь в составе Австрии. После Первой мировой войны находится под управлением Польши. С 1944 года город стал носить название Тернополь. Сегодня это четвёртый по величине город в Западной Украине.

Толмачский уезд. Город Толмач возник в XII веке. С XVIII века был в составе Австрии, потом с 1939 года по пакту Молотова-Риббентропа в результате деления Второй Польской Республики современный Тлумачский район достался Советскому Союзу. В этом же году Толмач переименован в Тлумач. Сегодняшний Тлумач находится в Ивано-Франковской области.

Тюрьма св. Бригиды. Старейшая действующая тюрьма во Львове. Она расположена в здании бывшего римско-католического монастыря женского ордена Святой Бригиды,

построенного в 1614 году. В 1784 году австрийские власти закрыли монастырь и перестроили его в тюрьму. В июне-июле 1941 года органы НКВД проводили здесь массовые расстрелы. В наше время в здании находится СИЗО № 19.

Сигет. Город в Румынии, полное название Сигету-Мармацией, известен с XIII века. До Первой мировой войны считался частью комитата Марамуреш и входил в Закарпатскую область Украины. Город интересен тем, что здесь расположена Сигетская тюрьма, в наши дни превращённая в мемориал памяти жертв коммунистических репрессий. Она была построена ещё в 1897 году при австро-венграх. Город находится на севере Румынии на границе с Украиной.

Долинский уезд. Долина – административная единица Ивано-Франковской области, центр Долинского района. Город возник в X веке. До Первого раздела Польши был в её составе, а после 1772 года до 1918 года входил в Австро-Венгрию. После окончания Первой мировой войны уезд поддерживал появившуюся ЗУНР, а с 1939 года город был присоединен к Советской Украине. Долина находится на западе Ивано-Франковской области.

Залещицкий уезд. Залещики – административный центр Залещицкого района. Появление города относится к 1578 году, хотя первые упоминания были ещё в XIV веке. Современный город был основан в 1750 году. Залещицкий повят был в составе Польши, а после её Раздела вошёл в Австрийскую Империю. При появлении ЗУНР многие жители повята были в рядах Украинской Галицкой армии. В начале Второй мировой войны (1939 г.) после нападения Германии на Польшу, в Залещиках находилось польское правительство. Залещицы находятся на юге Тернопольской области в

Украине.

Дуклинский перевал (Дукельский перевал). Битва за Дуклинский перевал была частью Восточно-Карпатской операции, проходившей в сентябре–октябре 1944 года. Эта стратегическая военная операция советских войск против армии Германии в ходе Второй мировой войны, была попыткой оказать помощь Словацкому восстанию. В ходе операции советские войска совместно с 1-м чехословацким армейским корпусом овладели Дуклинским перевалом и освободили Закарпатскую Украину. Перевал находится в Лаборецкой Верховине в Низких Бескидах на юго-востоке Польши возле границы со Словакией.

Градец-Кралове. Город в Чехии у слияния рек Эльба и Орлин (Орлице). Первое упоминание приходится на X век, но официальный статус королевского города получил при Пржемысле Отакаре I в 1225 году.

Гнас. Посёлок в округе Фельдбах, в Австрии. Находится в федеральной земле Штирия.

Олешице. Градо-сельская гмина в Любачувском повяте Подкарпатского воеводства в Польше. Первые упоминания приходятся на XV век. В 1576 году Олешице получил официальный статус города, но в 1901 году после Великого пожара этот статус был утерян. Олешице стал градо-сельской гминой в 1989 году.

Новы-Сонч. Город на правах повята в Сандецком повяте Малопольского воеводства в Польше. Город появился в 1292 году. Ещё до Первого раздела Польши в 1770 году Австрия присоединила к себе эту территорию в состав Галиции. В 1893 году в городе была создана первая в Европе крестьянская партия. Во время Первой мировой войны го-

род был оккупирован русскими. В 1918 году освобожденный Новы-Сонч вошёл в состав вновь образованной Речи Посполитой. А после Второй мировой войны после освобождения от немецких войск город был награжден орденом «Крест Грюнвальда» 3-й степени. С 1999 года Новы-Сонч является городским повятом, одновременно относясь к Новосандецкому повяту.

Эстергом. Город в Венгрии, находящийся на границе со Словакией (через Дунай проходит граница). Эстергом – один из древнейших городов, его первыми поселенцами были кельты. Первое официальное упоминание приходится на 972 год. 1543–1683 гг. – город был во власти Османской Империи. После освобождения от турок город был сильно разгромлен. Началось его восстановление, и к 1708 году Эстергом получил статус свободного королевского города. На сегодняшний день Эстергом находится в медье (область) Комаром-Эстергом в Центрально-Задунайском крае.

Оберголлянбрун. Скорее всего, сейчас называется Обергургль. Это деревня в Эцтальских Альпах, в Тироли в Австрии. Деревня является туристическим местом. Обергургль прославился тем, что в 1931 году Огюст Пикар, совершая первый полет в стратосферу на воздушном шаре, был вынужден посадить стратостат на соседнем леднике.

Энценсдорф. Современное название – Мария-Энцерсдорф. Это город в федеральной земле Нижняя Австрия в округе Мёдлинг. Впервые упоминается в XII веке. В 1529 и 1863 годах был разрушен турками. 1938–1954 гг. – город был в составе 24-го округа Вены.

Мискольч. Сегодня город носит название Мишкольц. Раскопки показали, что первые поселения на месте города

появились ещё 70 000 лет назад. Потом здесь жили кельты, а примерно с IX века – венгры. Город был дважды полностью разгромлен: в 1544 году – турками, а в 1707 году – из-за антигабсбургской политики был сожжен имперскими войсками. После эскалации советской власти экономика города пошатнулась, но, тем не менее, город на современном этапе является четвёртым по населению в Венгрии, сегодня здесь развита тяжелая промышленность.

Терезин. Терезин (Theresienstadt) был основан в конце XVIII столетия Императором (Kaizer, Кайзером) Йозефом II как укрепленный гарнизонный городок-крепость и назван в честь его матери императрицы Марии Терезии. Все сооружения крепости несли на себе печать строгой фортификационной архитектуры в стиле военно-арийского классицизма. Форты, казематы и здания были готовы во время войны принять до 15 тыс. солдат и офицеров, призванных отразить любую атаку воинственных пруссаков, а главное сдержать их продвижение вглубь монархии из Дрездена как по суше, так и по реке Лаба (Elba). Для повышения обороноспособности крепости на крайний случай предусматривалось частичное затопление прилежащих к ней рвов и низин. Однако укрепления никогда не были использованы в задуманных целях, а в 1882 году, когда бывшие враги заключили тайный «Тройственный союз» Австро-Венгрии, Германии и Италии, крепость была расформирована. Всё же, например, в 1910 году гарнизон Терезина, в соответствии со штатом мирного времени, насчитывал 2996 человек. Недалеко от собственно укрепленной городской части на другом берегу реки Огре (Eger) располагалась строго охраняемая «Малая крепость» – форт Б. Она стала государственной тюрьмой

Австро-Венгрии и выполняла эту роль до самых последних дней распадающейся монархии.

5 декабря 1914 года терезинская тюремная камера № 1 приняла особого заключенного – Гаврило Принципа. Убийца императорской Габсбургской четы был приговорён к максимально возможному для молодого человека, не достигшего к моменту совершения преступления 20-ти лет, сроку – 20 годам тюремного заключения. Он содержался в тюрьме в очень тяжёлых условиях. Осенью 1917 года из-за гангрены ему ампутировали левую руку. Г. Принцип умер от туберкулёза 28 апреля 1918 года. Здесь же ещё в 1915 году погибли его молодые сподвижники и участники теракта сербы Неделько Чабринович и Трифко Грабеж. Их товарищ Л. Дюкич от голода и одиночества сошёл в «Малой крепости» с ума и был перевезён умирать в Прагу. Все участники теракта находились в «Малой крепости» под самым строгим надзором. Они были изолированы друг от друга и от остальных узников, при этом вплоть до 2 декабря 1915 года они, в отличие от остальных «тяжких преступников», носили кандалы весом 10 кг. Г. Принципу позволили снять оковы только в феврале 1916 года. На ночь их привязывали к стенам. Для большинства из них крепость стала «живым гробом». Югославов тайно хоронили на Терезинском городском кладбище. После войны один из чешских солдат идентифицировал их гробы. Останки были эксгумированы и в 1920 году перевезены в мавзолей героев в Сараево. И. Кранчевич и С. Степанович дожили до смерти императора Франца Иосифа 21 ноября 1916 года и были помилованы вместе с карпатскими русинами-русофилами его сыном Карлом I Францем.

30 августа 1914 года в Терезин прибыли первые 800 интернированных граждан – мужчин, женщин и детей, русских, «русских» или русин из Галичины, Буковины и Подкарпатской Руси. Австрийские официальные источники называли их «русофилами» и превентивно арестовывали после начала войны. Политическим оправданием австро-венгерского террора служили опасения, что культурные и другие союзы и организации «прямо или непрямо пытались присоединить эти земли к России».

Транспорты из львовской тюрьмы отправлялись в Терезин 27-28 августа 1914 года в связи с наступлением русских войск. Депортированные по дороге страдали от голода и жажды, от тяжелых антисанитарных условий в переполненных вагонах. Некоторое облегчение им досталось на станциях в Пржерове и в Праге. Чешские жители и солдаты открыто выражали свою симпатию к России и всячески помогали арестантам. 30 августа поезд прибыл в Богушовицы, откуда интернированных погнали в «Малую крепость». В начале осени в Терезине их набралось до тысячи человек. Заключение были разделены по группам в многочисленных тюремных камерах, в бывших конюшнях, в свободных складах и казармах. Женщины и дети были помещены в здании штаба. Наилучшим местом размещения считались конюшни – здесь спали на земле, но на соломе, и можно было свободно перемещаться и общаться. Состав интернированных был весьма пестрый: довольно много интеллигенции (греко-католические священники, профессора, доктора, студенты), крестьяне, предположительно из богатых грамотных слоев, чиновники и относительно немного рабочих. Часть интернированных работала на строительстве новых лагер-

ных барачков, остальные делали фигурки и табакерки из дерева, плели соломенные бачкоры – обувь типа лаптей. Большинство мучилось от безделья.

Жители Терезина и окрестностей старались чем-нибудь помочь узникам. Зимой 1914/15 гг. в Праге был организован сбор продуктов питания и одежды, который также продемонстрировал симпатии чехов к России. Сохранилось торговательное письмо заключенных русин главному устройству этой акции – декану Йозефу Паску. Теплые вещи очень помогли интернированным – большинство из них было арестовано летом и не имело зимней одежды. В тюрьме им одежда не выделялась, не выдавалось даже мыло. В конце концов, тюремное начальство приняло решение разрешить в крепости мелкую торговлю самым необходимым – в целях предупреждения эпидемии. Местные торговцы использовали это послабление для помощи «русософилам». Примечательно, что для этого небольшого внутритюремного рынка были выпущены свои денежные знаки – терезинские кроны.

Чешские источники в целом обозначили заключение интернированных особ в «Малой крепости» как «сносное». Смертей было относительно немного, причём в основном у пожилых людей, которые страдали от предыдущих переживаний, болезней и плохой гигиены. Не погиб ни один ребенок.

4 мая 1915 года подавляющее большинство интернированных заключенных было отправлено из Терезина в недалёкие Богушовицы и оттуда поездом – в Талергоф. В специализированном «русинском» Талергофе был голод и более тяжёлые условия работы, смертей было существенно больше. В конце 1915 года часть заключенных была призвана в австрийскую армию. В целом, лагерь для интернированных

были распущены в 1917 году по приказу нового австрийского монарха со знаменитой формулировкой: «Все арестованные русские не виновны, но были арестованы, чтобы не стать ими».

После отъезда интернированных «русофилов» в «Малой крепости» остались в заключении как чехи, так и словаки, русины, русские, сербы, которые были осуждены австрийскими военными судами. В целом, их можно назвать «политическими и военными заключёнными». Основную их массу составляли участники различных акций антивоенного протеста: дезертирства, оставления воинских подразделений и гарнизонов, отказов выполнения приказов, побегов, бунтов – Meuterei. Военными чиновниками, начиная с 25 сентября 1913 года и по 18 июля 1918 года, в тюремную книгу было внесено 1 538 заключенных такого рода.

Главной задачей Терезина во время войны был всё же лагерь военнопленных. Он был образован как в основной крепости, так и в окрестностях города. Количество военнопленных колебалось по документам от 2 505 до 5 959 человек. Наибольшую группу представляли собой российские граждане – русские, украинцы, поляки, эстонцы, латыши и литовцы, представители кавказских и среднеазиатских народов. Второй по величине группой были итальянцы, а потом – сербы и румыны. Часть военнопленных работала на воинских складах в Терезине. 15 апреля 1915 года при работе на шахтах в Острове взбунтовались русские пленные. Шестнадцать из них были осуждены военным трибуналом и переведены в казематы «Малой крепости».

В Терезине не только болели и умирали. В русском лагере играли в футбол и давали театральные представления

– одноактные пьесы и оперетты своего сочинения. В апреле 1917 года русские пленные с успехом играли пьесу Леонида Андреева «Шесть дней нашей жизни».

5 октября 1918 года в лагере для военнопленных встречали уже советскую репатриационную миссию, которая проводилась параллельно с аналогичной австрийской миссией в России, в соответствии с Брест-Литовским мирным договором. Сохранилось несколько инструкций венского военного ведомства об организации строгой слежки и возможного противодействия участникам акции, например, об осмотре только тех групп пленных, где «... надеемся, не будет жалоб». Срыв миссии, однако, был недопустим, так как мог бы повлечь за собой ответные шаги советской власти.

В документах упоминается имя члена советской группы доктора Френтера-Сапродовского.

В конце октября 1918 года число заключённых в «Малой крепости» было около 800 человек. Общее количество похороненных на терезинском кладбище за время войны, согласно официальным записям, составляло 2 392, из них – 1 060 граждан России. Около 1 000 смертей было зафиксировано осенью 1918 года и следующей весной – из-за эпидемии гриппа. Оценить общие потери в Терезине как среди интернированных «русофилов», политических и военных «преступников», так и среди военнопленных не представилось возможным из-за наступившего в стране хаоса. 29 октября 1918 года власть в городе Терезине взяли чешские офицеры местного гарнизона. До боёв с немецкими и венгерскими подразделениями дело не дошло. Новое руководство чехословацкой армией приняло в свое распоряжение «Малую крепость». Её охрана была поручена освобожденным из плена итальянским офицерам.

Все «военные и политические дела» были дополнительно расследованы. Решения об освобождении согласовывались с высшим армейским руководством в Праге. Официальное решение о ликвидации лагеря военнопленных отсутствует. Но можно утверждать, что их фактическое освобождение началось уже 29 октября 1918 года.

Трагические события Второй мировой войны, когда Терезин стал гетто и пересыльным пунктом для более чем 140 тысяч евреев Европы, в некоторой степени заслонили события, происходившие в Первую мировую войну здесь, в «Малой крепости».

Турчанский уезд. Административным центром является город Турка. Первое упоминание о нём приходится на XV век. Турчанский повят был в составе Польши. До 1932 года повят был в составе Станиславского и Львовского воеводства Польши. Но с 1932 года уже стал частью Старосамборского воеводства. В начале Второй мировой войны в 1939 году был переименован в Турковский район, получил статус административной единицы Львовской области в составе Украины.

Новосандецкий уезд. Современное произношение – Новосонченский. Повят относится к Малопольскому воеводству Польши. Первые упоминания о повяте были в 1224 году. После первого раздела Речи Посполитой повят стал частью Австрии. Тогда был создан Сонченский повят, который подчинялся Величскому округу. После Второй мировой войны повят был в составе Краковского воеводства. Новосонченский повят в его сегодняшнем виде был сформирован в январе 1999 года.

Скалатский уезд. Скалат – город районного значения Подволочисского района Тернопольской области. Впервые в документации Скалат фигурировал в 1521 году. Уезд вхо-

дил в состав Галицко-Волынского княжества. К 1889 году занимал восточные границы Галиции.

Снятынский уезд. Снятын был основан в начале XII века. Уезд был в составе Галиции, а после Первого раздела Польши Галиция перешла к империи Габсбургов до её распада. Во время Второй мировой войны город был оккупирован немецкими войсками, но в 1944 году советские войска освободили его. Сегодня Снятынский район находится в составе Ивано-Франковской области Украины.

Збаражский уезд. Збараж – центр района, находится в Тернопольской области в Украине. Первое упоминание приходится на 1211 год. На месте современного города была оборонительная крепость. В 1598 году крепость была полностью разрушена, и новый город возник восточнее неё. В 1939 году Збараж получил статус города.

ТЕРМИНЫ

Гонведы – венгерские вооружённые силы.

Голгофа – (греч. Γολγοθά, Κρανίου Τόπος; ивр. גִּלְגֻלְתָּא «лобное место» от араб. *gūlgaltā*, букв. «череп»; лат. *Calvaria*) – небольшая скала или холм, где был распят Иисус Христос. Наряду с Гробом Господним является одной из двух главных святынь христианства.

Мартирология – Сборник повествований о христианских мучениках как вид церковной литературы, распространенной в средние века. 2) Перен. Перечень лиц, перенесших страдания, преследования.

Ландштурм – резерв вооружённых сил, который созывается только на время войны, имеет вспомогательное значение и составляется из лиц, состоящих в запасе или по каким-либо причинам освобожденных от службы в постоянных войсках, но физически годных к военному делу.

Войт – глава магистрата в городах, законодательство которых основано на магдебургском праве.

Гуцулы – жители Карпатских гор, по мнению некоторых исследователей, являются одной из ветвей русинов.

ЛИТЕРАТУРА

Armstrong John A. Ukrainian Nationalism. Third Edition. Englewood, Colorado, 1990. 239 p.

Гайда Ф. А. Украина и Малая Русь: окраина и центр // Русский Сборник. Исследования по истории России. Том XVI. Москва: Регнум, 2014. С. 97-108.

Гашик Я. Похождения бравого солдата Швейка. Москва: «ММП», 1994. 459 с.

Гонцус П. О. Зарубежная Русь в борьбе за свою национально-культурную самобытность. Полтава: Электрич. типографія Ф.Ф. Шиндлера, 1909. 217 с.

Лемкин И. Ф. История Лемковины. Нью-Йорк: Юнкерс, 1969. 217 с.

Мончаловскій О. А. Литературное и политическое украинофильство. Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института, 1898. 195 с.

Мончаловскій О. А. Главныя основы русской народности. Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института, 1904. 112 с.

Moklak J. Republiki łemkowskie 1918-1919 // Wierchy. Kraków. 1994. Rok 59. S. 63-71.

Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. Москва: Издательство Имперская традиция, 2007. 137 с.

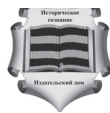
Тарнович Ю. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1998. 284 с.

Федевич К. К. Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920-1930-е годы // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3-12.

РГИА. Ф.775. Оп.1. Ед.хр. 205. Л. 1-2.

РГИА. Ф. 775. Оп.1. Ед. хр. 188. Л. 15, 15 об.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 1.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 25 об.-26 об.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 25-27 об.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 66-67.

Shafer B.C. Faces of nationalism. NY, 1972. 300 p.

Slocum J. W. Who and When, Where the inorodtse? The Evolution of Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. April. 1998. P. 173-190.

Smith Antony D. Nationalism and Modernism. L., N.Y., 1998. 285 p.

Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. СПб., 1900. 570 с.

Беликов С. В. Бритоголовые. М., 2002. 50 с.

Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1974. С. 358

Бунин И. А. Казацким ходом // Восток. СПб., 1898. № 21. Ноябрь. С. 126.

Ваверик В. Р. Терезин и Талергоф. М., 2007. 70 с.

Глушкевич М. Ф. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с Великой войной. Ростов-на-Дону, 1917. С. 32

Грицак Я. Пророк в своїй вітчизні. Фрако та його спільнота (1856–1886). Київ, 2006. 632 с.

Драгоманов М. П. Литературно-публицистичні праці у 2 тт. Т. 1. Київ, 1973. 531 с.

Драгоманов М. П. Естественные области и пропаганда социализма на плебейских языках Восточной Европы (1881) // Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж, 1906. 594 с.

История Русов, или Малой России. М., 1846. 320 с.

История Украины / Под ред. ак. В. А. Смолия. М., 2008. 1070 с.

Капpler А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина:

история взаимоотношений. М., 1997. С. 134 – 135.

Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму. К., 1999. 352 с.

Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. – К.: Наук. думка. 1990. – Т. 3. 440 с.

Кістяківський О. Ф. Щоденник: 1874 – 1885: У 2 т. Т. 1: 1874 – 1879 / Упоряд. В.С. Шандра. Київ: Наукова думка, 1994. 645 с.

Коваль Р. М. Тернистий шлях кубанця Проходи. Киев, 2007. 402 с.

Костомарів М. Книги битія Українського Народу. Львів – Київ, 1921. 24 с.

Краткий политический словарь. М., 1971. С. 172.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. СПб., 1904. 300 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1973. С. 325.

Магочій П. Формування національної свідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). – Ужгород, 1994. 534 с.

Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 2005. 328 с.

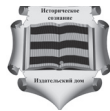
Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013. 416 с.

Муретов Д. Д. Этюды о национализме. II. Великий и малый национализм // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. Сергеев. М., 2004. С. 187.

Неменский О. Б. Чтобы на Руси не было Руси: исторические особенности идеологии украинства // Вопросы национализма. 2011. № 1. С. 79.

Рудницький С. Л. Україна. Земля и люди. Львів, 1916. 40 с.

Рупосова Л. П. Русины и русинский язык: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. С. 91-96.

Савченко Ф. Я. Заборона Українства 1876 р. Харків–Київ, 1930. 463 с.

Симонова И. А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. N 1. С. 42-54.

Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 14. М., 1996. 191 с.

Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга. Выпускъ первый. Львовъ, 1924. 254 с.

Устав Всероссийского национального союза. СПб., 1908.

Чуев С. Украинский легион. М., 2006. 544 с.

Щёголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. 588 с.

Mala Pevnost TEREZIN. Nase vojsko, Praha, 1988, 328str.

Miroslav Kryl. Prispvek k starsim dejinam Terezina. TEREZINSKE LISTY, с. 9., 1978, str.29-49.

Uta Fischer & Roland Widberg. Theresienstadt – Eine Zeitreise. 2011, 368 S., Wildfish, Berlin.

Архив ГО «Памятник Терезин». Dejiny do r.1939. Terezin. С.2521-12563.

Компанієць І. І. Становище і боротьба трудящих мас Галичини, Буковини і Закарпаття на початку ХХ ст. – Київ, 1960.

Копыстьянскій 1937 – Копыстьянскій Адріан. Всенародний рускій памятник в г. Перемышле. Оттиск из календаря О-ва им. Качковского на 1937 г. Львів: Виданє центр. Талергофского комитета. 24 с.

Талергофскій альманах 1924 – Талергофскій альманах. Вып. 1. Львов: Изданіє Талергофского комитета, 1924. 208 с.

Lasocki 1929 – Lasocki Z. Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodzców i internowanych (Wspomnienia z czasów wojny swiatowej byłego posła do parlamentu austriackiego). Kraków, 1929. Nakladom autora. P. 246-248.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	4
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	6
ВВЕДЕНИЕ (Происхождение русинов. Начало галицко-русского движения)	8
I. ГАЛИЦКО-РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	43
1.1. Репрессии против русинского движения	43
1.2. «Жажда славянской крови помрачила умы...» Репрессии против русинов накануне и в ходе Великой войны в отражении публицистики и художественной литературы	51
II. ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ	96
2.1. Доносы на русофилов и судебное производство	99
Документ № 1 Список политически неблагонадежных («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 26)	99
Документ № 2 Записка командованию императорско-королевской земельной жандармерии № 13 («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 30-31)..	101
Документ № 3 Записка командованию императорско-королевской земельной жандармерии № 13 («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 31-32).	102
Документ № 4 Записка Открытой жандармерии офицерскому штабу («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 31-32).	102
Документ № 5 Записка Отделению генерального штаба императорского и королевского 11-го корпуса («Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 32-33).	103

Документ № 6
Решение военно-полевого суда об исполнении смертного приговора в отношении русофила
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 34) ... 105

Документ № 7
Циркуляр об увозе арестованных русофилов из Львова
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 35) ... 107

Документ № 8
Смертный приговор суда
(«Прикарпатская Русь», 1914 г. № 1479) 108

2.2. Борьба против русского языка и пропаганды 109

Документ №9
Выговор писарю за использование русского языка
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 27-28). 109

Документ №10
Циркуляр, направленный
на борьбу с русофильской пропагандой
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 34) ... 110

Документ №11
Приказ военной комендатуры Львова
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 36-38)..111

Документ № 12
Приговоры военных судов на таданцев и др.
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 91) ... 114

2.3. Воспоминания арестантов..... 119

Документ № 13
Из воспоминаний о Григория Качалы
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 42-44). 119

Документ № 14
Из воспоминаний крестьянина с. Водники Бобрецкого уезда
М.И.Зверка, 74-х лет
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 46) ... 121

Документ № 15	
Из воспоминаний узницы Талергофа Анны Сушинской	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 49) ...	122
Документ № 16	
Из воспоминаний жителя с. Коропец В. Андрейшина	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 51) ...	123
Документ № 17	
Из воспоминаний священника с. Крецов Добромильского	
уезда Владимира Венгриновича	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 59-60)	124
Документ № 18	
Из воспоминаний священника с. Тарнава Г. А. Полянского	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 60-64)	126
Документ № 19	
Из воспоминаний священника И.Р. Винницкого	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 68-69)	131
Документ № 20	
Из воспоминаний жителя Жидачевского уезда, студента юри-	
дического факультета С. С. Павлюка	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924. С. 70) ...	133
Документ № 21	
Из воспоминаний крестьянина В. Р. Грицюка	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 96-97)	133
Документ №22	
Из воспоминаний русина, отправленного на фронт	
Австро-Венгрией	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 97-99)	135
Документ № 23	
Из воспоминаний Г. Лещака, жителя Галиции	
(«Талергофский альманах». Вып. 1. Львов, 1924.	
С. 112-113)	138

Документ № 24 Отрывок рассказа В. Р. Ваврика, узника Талергофа, «Терезин и Талергоф» (Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф. Львов, 1964).....	140
Документ № 25 Дневник Феофила Курилло, студента-лемка, сына священника, узника Талергофа (Талергофский альманах. Вып. III. Львов, 1930. С. 27-86).....	149
2.4. Газетные статьи о злодеяниях против русинов.....	171
Документ № 26 Отрывок из статьи (газета «Прикарпатская Русь» от 24.01.1915 г.).....	171
Документ № 27 Отрывок из статьи о репрессиях русского населения Галиции (газета «Діло» № 180 за 1914 г.).....	172
Документ № 28 Отрывок из статьи о злодеяниях австрийцев при наступлении русских (газета «Прикарпатская Русь» № 1521 за 1915 г.).....	173
Документ № 29 Отрывок из статьи о репрессиях против русинов (газета «Прикарпатская Русь», 1914 г., № 1490).....	174
Документ № 30 Отрывок из статьи (газета «Прикарпатская Русь», 1914 г., № 1493).....	175
Документ № 31 Отрывок из статьи (газета «Львовский вестник», 1914 г.).....	175
Документ № 32 Отрывок из статьи (газета «Прикарпатская Русь», 1914, № 1478).....	176

2.5. Закрытие «русифильских» обществ и газет во Львове	178
Документ № 33 Отрывок из статьи (газета «Діло» 1914 г., № 17/18720)	178
Документ № 34 Отрывок из статьи (газета «Діло», 1914 г., № 172, 4 августа).....	178
Документ № 35 Отрывок из статьи (газета «Діло» № 173, 5 августа 1914 г.).....	179
Документ № 36 Отрывок из статьи (газета «Діло» № 174, 1914 г.).....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Но выставить и пригвоздить весь этот кошмар и ужас к позорному столбу истории всё-таки желательно и нужно</i>).....	180
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	185
ТЕРМИНЫ	205
ЛИТЕРАТУРА	206

Подписано в печать 01.09.2016. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №863.

Отпечатано в типографии ООО «Брянское СРП ВОГ»
241011, Брянск, ул. Красноармейская, 15, тел.: (4832) 64-91-61